

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ

Л. Х. Самситова

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Уфа

2018

УДК 811.512.141
ББК 81.63.22
С17

*Издание осуществлено при содействии
Фонда поддержки научных исследований АН РБ*

Рецензенты:

*Г. Х. Бухарова, доктор филологических наук, профессор;
Ф. Б. Саньяров, кандидат филологических наук, доцент*

Самситова Л. Х.

С17 Безэквивалентная лексика башкирского языка. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 164 с.
ISBN 978-5-88185-418-8

В монографии рассматриваются актуальные проблемы одного из направлений современной лингвистики – лингвокультурологии, в частности, безэквивалентной лексики башкирского языка. Определен состав и проведена классификация безэквивалентной лексики башкирского языка, а также систематизированы слова-понятия, отражающие специфику языковой картины мира башкирского народа. Характеризуются также базовые понятия национально окрашенной лексики башкирского языка – коннотативная, фоновая.

Книга адресована лингвистам, культурологам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, широкому кругу читателей, интересующихся проблемами лингвокультурологии.

**УДК 811.512.141
ББК 81.63.22**

ISBN 978-5-88185-418-8

© Самситова Л. Х., 2018
© «Башкирская энциклопедия», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время в лингвистике все больше внимания уделяется этнолингвистике и лингвокультурологии. Эти направления сформировались в трудах И.Е. Аверьяновой, А.А. Брагиной, Г.Х. Бухаровой, А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, В.В. Воробьева, Д.Г. Гачева, М.В. Зайнуллина, Л.М. Зайнуллиной, Р.Р. Замалетдинова, И.Г. Комлева, В.Г. Костомарова, В.А. Масловой, В.В. Молчановского, М.В. Пименовой, З.М. Раемгужиной, Ф.Б. Саньярова, Л.Г. Саяховой, Н.И. Толстого, Р.Х. Хайруллиной, Ф.Г. Хисамитдиновой, Т.Н. Чернявской, В.Н. Шаклеина, З.Г. Ураксина и др.

Большое количество публикаций, так или иначе затрагивающих проблему «язык и культура», свидетельствует об актуальности изучения явлений языка в их соотносительности с его кумулятивной, культуроносной функцией. Это предполагает выявление национально-культурной специфики языковых единиц и прежде всего слова как комплексной единицы языка и культуры. В данном аспекте лексика башкирского языка ждет своего исследования. Среди национально окрашенных пластов лексики особое место занимает безэквивалентная лексика как на 100% национально-специфическая.

В башкирском языкознании этнолингвокультурологический аспект слова является малоизученным. Однако исследователи проявляют к нему постоянный интерес. Лингвокультурологический аспект содержания обучения башкирскому языку в образовательных организациях должен включить лексику с национально-культурным компонентом значения (безэквивалентная, фоновая, коннотативная лексика), речевой этикет, реалии культуры, образцы фольклора и т.д.

Необходимость исследования данной темы вызвана тем, что, во-первых, его результаты могут с успехом использоваться в частных методиках, например, в преподавании башкирского языка в русской школе. Во-вторых, только изучив безэквивалентную лексику башкирского языка, можно осмыслить содержание, идейные и художественные ценности произведений башкирских писателей, переведенных на русский язык. В-третьих, изучающим историю, литературу и культуру Башкортостана и всем интересующимся бытом, обычаями и духовностью

Предисловие

башкирского народа необходимо знать безэквивалентную, коннотативную, фоновую лексику башкирского языка.

Безэквивалентная лексика, обозначающая реалии и понятия, свойственные только башкирской культуре, представлена в виде словаря. Определен состав и проведена классификация безэквивалентной лексики башкирского языка, а также систематизированы слова-понятия, отражающие специфику языковой картины мира башкирского народа.

І ГЛАВА

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКА

§1. Лингвокультурология как новая отрасль языкознания

В последнее время следует признать очевидным факт формирования новой отрасли науки о языке лингвистики – лингвокультурологии, истоки которой уходят в далекое прошлое, а непосредственным предшественником ее с полным правом можно считать лингвострановедение.

Лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике. Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры [Маслова, 2004: 8].

Лингвокультурология, выросшая из лингвострановедения, получила в настоящее время статус самостоятельной отрасли лингвистики, со своим предметом, методами исследования и понятийным аппаратом:

1. Лингвокультурология – закономерная ступень в области филологических и других гуманитарных наук – это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой), а не аспект преподавания языка, как лингвострановедение. Вопросы преподавания языка оказываются здесь производными.

2. Основным объектом лингвокультурологии является взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования

и изучение интерпретации этого взаимодействия как единой системной целостности. Главные проблемы здесь – методологические (философские) и филологические (лингвистические).

3. Предмет исследования лингвокультурологии – материальная и духовная культура, созданная человечеством и выраженная в языке, то есть все, что составляет «языковую картину мира».

4. Лингвокультурология как своеобразная современная преемница лингвострановедения ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества, на полную объективную (а не «урезанную») интерпретацию фактов и явлений и информацию о различных областях культурной жизни страны.

5. Объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует соответствующего системного подхода в ее описании. Поэтому важнейшей задачей лингвокультурологии и ее характерной отличительной особенностью является системное представление культуры народа в его языке.

Таковы в общих чертах сходства и различия между лингвокультурологией и лингвострановедением, отмеченные в работе В.В. Воробьева [Воробьев, 1997: 32, 34].

По мнению В.А. Масловой, предметом исследования в лингвокультурологии должны стать: слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении (безэквивалентные языковые единицы, лакуны), мифологизированные языковые единицы (архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке), паремиологический фонд языка, фразеологический фонд языка, эталоны, стереотипы, символы, метафоры и образы, стилистический уклад разных языков, речевое поведение, речевой этикет [Маслова, 2004: 37 – 47]. Базовыми понятиями лингвокультурологии являются культурные семы, культурный фон, культурные концепты, культурное наследование, культурные традиции, культурный процесс, культурное пространство, лингвокультурная парадигма, ментальность, менталитет, культурная традиция, культурный фонд, тип культуры, язык культуры, установки культуры, культурные ценности, субкультура, культурная коннотация, лингвокультурема, культурные универсалии, прецедентные имена [Там же: 47 – 53].

Язык есть не только важнейшее средство общения и выражения мысли, но и средство аккумуляции знаний, культуры. Язык и куль-

тура являются знаковой системой, способной передавать информацию. Но в отличие от языка культура неспособна самоорганизовываться, так как культура – это прежде всего социальная память, сложная семиотическая система. Если память является ее основной функцией, то ее основная черта – накопление и стремление к абсолютной всеобщности. Личность без стремления к своей абсолютной уникальности не может обойтись без общения, диалога культур. Поэтому «язык – нация (национальная личность) – культура» – центральная триада лингвокультурологии, фокус, в котором сходятся и могут быть решены важнейшие проблемы этой отрасли науки [Воробьев, 1997: 13].

Лингвокультурология связана с этнолингвистикой – «наукой тоже комплексной, пограничной между этнографией (этнологией, народоведением), изучающей бытовые и культурные особенности народов, проблемы происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений, и лингвистикой» [Там же: 34].

Лингвокультурология связана с социолингвистикой, которая изучает «общественную обусловленность возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество» [Бондалетов, 1987: 10].

Лингвокультурология наряду с культурфилософией, социологией культуры, культурной антропологией, культурпсихологией, историей культуры может рассматриваться как один из основных блоков культурологии [Арнольдov, 1993; Мамонтов, 1994, см.: Воробьев, 1997: 37].

Лингвокультурология, взаимодействуя с культурологией, лингвострановедением, этнолингвистикой, социолингвистикой, по сравнению с ними имеет свой особый, «интегративный» аспект изучения проблемы «язык и культура». По мнению В.В. Воробьева, «лингвокультурология – это новая исследовательская парадигма движения научно-культурной мысли о языке и культуре. Она не только расширяет диапазон исследовательской идеи, но и позволяет глубже и многосторонне осознавать ее возможности и резервы. Лингвострановедение в этой связи может рассматриваться как практическая реализация лингвокультурологии в процессе преподавания русского языка иностранцам, то есть как ее прикладной аспект» [Воробьев, 1997: 37].

Как мы уже говорили, в основе лингвокультурологии лежит идея взаимосвязи языка и культуры. Исследование проблемы «язык

и культура» в лингвистическом и лингводидактическом аспектах невозможно без раскрытия самих исходных понятий «язык», «культура» и их взаимосвязи.

В современной науке до сих пор не существует единого определения понятия «культура», их насчитывается свыше двухсот. Среди них выделяются две крайние точки зрения: 1. Под культурой понимается только духовная культура (идеология, философия, искусство, просвещение и т.д.). 2. Культура – это все, что создано человеком, материальное и духовное, исключая природу. В понятие «культура» включается и сам человек. Он является носителем языка и культуры, которые встречаются и взаимодействуют именно в человеке, в создании языковой личности. Человек одновременно творец и потребитель культуры. Вот что пишет об этом М.С. Каган: «Человек является прямым культурогенным субъектом, воплощающим себя в культуре, делающим ее своим инобытием и его же формируемым» [Каган, 1996: 123].

В определении языка чаще всего ссылаются на определение, принадлежащее К. Марксу и Ф. Энгельсу: 1) язык – «важнейшее средство общения»; 2) будучи «практическим, действительным сознанием», язык тесно связан с мышлением [Маркс, Энгельс, 1955, т. 3: 29]. За рабочее мы берем определение языка в энциклопедии «Русский язык»: «Язык естественно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система облеченных в звуковую форму знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации. Язык в одно и то же время – условие развития и продукт человеческой культуры» [Энциклопедия «Русский язык», 1997: 652].

В языке и культуре проявляется человеческая сущность. Совместная деятельность людей невозможна без соглашения между членами коллектива, поэтому культура (совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности человека) немислима без языка – важнейшего средства общения между людьми, орудия достижения договоренности между ними.

Как известно, в качестве основных называются следующие функции языка:

- 1) коммуникативная – язык как средство общения;
- 2) дискурсивная – средство мышления: формирования и формулирования мыслей;

3) познавательная – средство познания мира, куда входит и номинативная, «назывательная» функция языка. Все, что познано человеком, имеет названия, то есть следы человеческого познания фиксируются в языке.

С названными основными функциями связаны все остальные функции языка и прежде всего: кумулятивная функция – способность отражать, фиксировать и сохранять познавательный опыт общества, язык сокровищница культуры, историческая память народа; директивная – направляющая и формирующая личность; эмотивная – средство выражения эмоций; эстетическая – язык как первоэлемент литературы и др.

По мнению большинства ученых, язык является средством выражения, «носителем» культуры. Постигая родной язык, человек постепенно овладевает богатством и разнообразием окружающего его мира от конкретных, материально выраженных предметов и элементарных поведенческих норм до абстрактных понятий и закономерностей мироздания. С помощью языка осуществляется процесс социализации личности, т.е. приобщение ее к культурным ценностям общества: к истории, судьбе родного народа и человечества в целом.

Общими чертами языка и культуры являются связь с человеческой личностью, ее деятельностью и с историей развития общества.

Исследование проблематики «язык и культура» является, как было уже сказано, предметом новой научной дисциплины – лингвокультурологии. Основными, исходными понятиями лингвокультурологии являются понятия «языковая картина мира», «языковая личность», «концепт», «ключевые слова» и т.д.

Языковая личность – личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Выделяются пять аспектов речевой организации человека: 1) языковая способность как органическая возможность научиться речевому общению (сюда входят психические и соматические); 2) коммуникативная потребность, т.е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели, компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) языковое сознание как активное вербальное «отражение во внутреннем мире

внешнего мира» (А.Р. Лурия); 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека (В.И. Карасик).

Полилингвальная языковая личность.

Полилингвальное образование – важная составная часть современного общего образования, способствующая усвоению обучающимися знаний других языков, культурных ценностей народов и традиций, образа жизни, воспитания молодежи в духе уважения иноязычных жизненных мировоззренческих ценностей. Полилингвальное образование является наилучшим средством для познания родного языка, для развития диалектического мышления, для расширения кругозора, для формирования поликультурной личности. Поликультурная личность – это индивид с развитым лингвистическим сознанием. Она должна обладать ярким художественно-эстетическим сознанием, мышлением, воображением, утонченными чувствами, тягой к прекрасному.

Необходимым звеном поликультурного образования мы считаем систематическое «живое» общение с носителем других языков и культур.

Убеждены, что многоязычная среда в Башкортостане, совместная деятельность живущих рядом многочисленных народностей и наций создают идеальные условия для формирования естественных полилингвов, духовно богатых и подготовленных к восприятию других языков и культур.

Полиязычие способствует формированию открытого человека – открытого миру, людям, добру и готового к деятельности на благо других людей.

В условиях полиэтнического региона одной из важнейших проблем является проблема формирования полилингвальной личности, которая в системе национального образования осуществляется в процессе изучения родного и других языков в школе и в вузе. Важным для методики обучения неродному языку является учет системы изучаемого языка по отношению к русскому, их сопоставительно-типологических сходств и различий. Здесь особое внимание обращается на необходимость формирования лингвокультурологической компетенции и диалога языков и культур. Это предполагает, что каждый отдельно взятый язык необходимо изучать не только как средство общения, но и как хранилище культурного наследия его создателей и носителей. В Послании первого Президента Республи-

ки Башкортостан М.Г. Рахимова отмечено, что «знание родного, русского и иностранных языков является ключом к формированию духовного мира гражданина Башкортостана XXI века, обогащенного ценностями не только мировой, но и национальной культуры, способного к восприятию вековых национальных традиций и народной мудрости предшествовавших поколений». Верно отмечает профессор М.В. Зайнуллин: «Люди, владеющие многими языками, хорошо знают культуру, историю, быт, национальные традиции народов и с уважением и терпимостью относятся к другим этносам».

Учет родного языка при обучении неродному всегда считался одним из основных лингводидактических принципов. Для преодоления интерферентных ошибок осуществлялось сопоставительное описание особенностей звуковой системы, грамматического строя, способов словообразования, семантической структуры и сочетаемости слов, построения предложения, порядка слов и т.д.

Для развития национального образования в государстве с поликультурным социумом нужно создать учебные планы, полилингвистические учебные программы и учебную литературу. Необходимо осуществить сопоставительный анализ зарубежного и отечественного опыта в полилингвальном образовании при изучении языков межнационального общения. Для полноценного использования национальных языков как средства обучения и воспитания необходимо наличие полных комплектов учебной, методической и популярной литературы (и их электронные варианты) на родном языке по всем предметам и ступеням школы.

Высказывание Президента РФ В.В. Путина «Сейчас главное – учеба и труд во имя Родины» должны создать основу для воспитания молодежи. Трудовое воспитание является одним из важнейших направлений современного общества, с помощью которого необходимо восстановить культ труда в условиях непрерывного образования и современного общества. Только трудолюбивый человек способен хорошо учиться, быть воспитанным, гуманным, духовно развитой личностью, любить Родину, самореализоваться как полилингвальная толерантная языковая личность.

Перед нами, филологами, стоит важная задача – содействовать расцвету языков и культур, формировать готовность к межкультурной коммуникации у обучающихся, воспитывать чувство толерантности и готовить к общению с иноязычной культурой, в то же время

не отрекаясь от родного языка и культуры. Только атмосфера дружбы и взаимопонимания между народами обеспечит прогресс и процветание народов мира.

Языковая картина мира.

Усвоение изучаемого языка предполагает усвоение языковой картины мира, языкового сознания носителей этого языка. Национальное своеобразие языковой картины мира проявляется уже в способах номинации данного языка, поскольку слово выступает как знак и образ внеязыковых реалий: что увидел тот или иной народ в названном предмете, по каким признакам он осуществил наименование, какой образно-символический потенциал лексики использовал. Например, внутренняя форма названия цветка: *подснежник* в русском, *снежный колокольчик* в немецком, *снежная стрела* во французском, *умырзая* в башкирском и татарском языках (Л.Г. Саяхова).

Понятие «языковая картина мира» коррелирует с понятием «языковое сознание», под которым понимают «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психологическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» [Ахманова, 1969: 439].

Концепт – один из центральных понятий лингвокультурологии, лингвоментальная единица, изучающая единство языка и культуры. Это сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее (Ю.С. Степанов). Всякий концепт многомерен: в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное (Н.Д. Арутюнова).

Культурные концепты – имена абстрактных понятий, где культурная информация прикрепляется к понятийному ядру. Именно в культурных концептах выражается картина мира башкир – система наиболее общих миропредставлений носителей данного языка. Язык в наибольшей степени выражает этнические особенности восприятия действительности. Исследование культурных концептов башкирской языковой картины мира способствует выявлению этнических особенностей стиля мышления башкир как образа культуры, являющегося одним из аспектов духовной культуры.

Ключевые слова – слова с образной семантикой, в частности, эмотивно-оценочные наименования. Ключевые слова выделяются по двум критериям: 1) частотность употребления; 2) развертывание вокруг них наиболее крупных семантико-тематических групп лексики. Ключевые слова темы «Родина» («Тыуған ил») – (*ел, таң, йондоз, кояш, ай, ер* и т.д.) соединяются в метафорических образах с человеком и миром поэзии (*күз, күңел; һүз, йыр*). Мәсәлән: *шаян ел; ел һызыра; ел тауышы*.

В творчестве М. Карима в качестве ключевых можно выделить такие общечеловеческие понятия, как *жизнь (тормош), дорога (юл), человек (кеше), счастье (бәхет), совесть (намыс), ум (акыл)*; из конкретного мира его окружения: *земля (ер), птицы (коштар), цветы (сәскәләр)*; из мира человеческих чувств: *любовь (мөхәббәт), сердце (йөрәк), душа (күңел)*.

Лексика с национально-культурным компонентом значения.

К лексике с национально-культурным компонентом значения относятся безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика.

Безэквивалентная лексика.

Под безэквивалентной лексикой понимают лексические единицы, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков. Безэквивалентная лексика (БЭЛ) выявляется на уровне реалий и понятий. Реалии – 1) предметы, понятия, явления, характерные для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа; 2) слова, обозначающие такой предмет, понятие, явление; а также словосочетание, включающие такие слова. Слова, обозначающие реалии, принадлежат к безэквивалентной лексике, выявляемой в процессе перевода; они не переводятся на другие языки, и поэтому переводчикам, как правило, приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы типа башк. *кәләпуш* (каляпуш) – женский головной убор с высоким верхом и опущенными до плеч полями, разукрашенный позументом, подвесками; чувашск. *каптал* (каптал) – свадебный кафтан, сшитый из тонкого материала. К понятиям можно отнести названия объектов физической географии, в том числе метеорологии, явления природы: башк. *ләйсән* (ляйсан) – первый весенний дождь; *рашкы* (рашкы) – мокрый снег с дождем; чувашск. *ака* (ага) – ага «месяц пашни (плуга)», соответствующий апрелю (букв. «посев, сев»).

Коннотативная лексика.

Близкие к безэквивалентной лексике слова, совпадающие в двух языках своими денотатами, но не совпадающие своими коннотатами, называются коннотативными. Коннотации характеризуют основные или исходные значения слов, а материализуются они в переносных значениях, метафорах, сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других. Коннотативным значением также обладают зооморфизмы, фитонимы, ключевые слова и т.д. Сравним слово *имән* – башк.: *имәндәй нык кеше (крепкий как дуб)*; *дуб* – русск.: *о тупом, нечутком человеке*.

Фоновая лексика.

Фоновая лексика – это слова, которые совпадают в плане предметно-логического содержания, но не могут выступать в роли эквивалентных соответствий при переводе в силу особой культурной информации, которая обуславливает употребление слова в речи и его тематические связи (то есть его лексический фон). Фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения (Томахин Г.Д.). По сфере распространения они могут быть разделены на: 1) общечеловеческие знания (например, всем без исключения людям известны *солнце, ветер, рождение, время* и т.д.); 2) региональные сведения (не все жители тропиков знают, что такое *снег*); 3) сведения, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности (нации); 4) сведения, которыми располагают только члены локально (жители данной местности) или социально замкнутой группы – в языковом плане это соответствует территориальным и социальным диалектам (например, названия местных географических объектов и связанные с ним ассоциации); 5) сведения, которыми располагают только члены данного микроколлектива: такие, как семья, учебная или производственная группа и т.п. (например, прозвища, известные лишь небольшому кругу людей; ассоциации, связанные с историей данного микроколлектива; происшествия, не выходящие за его пределы).

Пословицы и поговорки.

Пословицы и поговорки составляют неотъемлемую часть словарного состава языка, отражающую специфические особенности

многосторонней материальной и духовной культуры народа, его национальный менталитет, особое видение мира. Вводимые в речь как готовые анонимные цитаты, пословицы, весьма часто обладающие переносным значением, в силу своей образности, лаконичности помогают яснее выразить мысль, полнее аргументировать доводы, украшают речь, делают ее живой, выразительной и меткой. Недаром гласит народная мудрость: башк.: *Йөз күрке – һакал, һүз күрке – мәкал. Мәкәллә һүз – асыллы һүз*; чувашск.: *Из рогожи свадебного каптала не сошьешь*.

Афоризмы.

Новые, антропологические подходы к исследованию языка как феномена культуры, ее хранителя и средства передачи от поколения к поколению, как средства концептуализации и категоризации знаний о мире, основы формирования языковой личности, ее мышления, ментальности требуют нового, более широкого взгляда на роль родного языка при изучении неродных языков. Сопоставительно-типологическое описание родного и изучаемых языков осуществляется при таком подходе на более широком фоне сопоставления языковых картин мира, концептосфер, лингвокультурологических, когнитивных и ассоциативных полей. Учет реалий культур, специфики понятийного членения мира, особенностей коннотаций, метафорики, ключевых слов, концептов, символов, образной системы как способов выражения родной культуры и культуры народа – носителя изучаемого языка – вносит коррективы в изучение всех уровней языка, и в особенности лексического, фразеологического и афористического.

Фразеологические единицы.

Фразеологизмы национального языка закрепляют национально-культурный опыт отражения и осмысления мира тем или иным народом, и многие из них не могут быть заменены эквивалентами в другом языке. Даже в случае общего логического основания в межъязыковых фразеологических параллелях его языковое наполнение национально своеобразно. Это обусловлено использованием разных образов мира, характерных для конкретного народа. Например, русский фразеологизм ободрать как липку и башкирский *битен йьумаган* (букв. *неумывший свое лицо* – о бесстыжем, бессовестном человеке) не имеют эквивалентов, их семантика передается лишь описательно.

Художественный текст.

Взаимодействие языка и культуры особо ярко прослеживается в народных пословицах и поговорках, фразеологических единицах, в художественных текстах, где отражены специфические особенности материальной и духовной культуры народа, его национальный менталитет. В учебные планы школ и вузов включен региональный компонент, который становится не только приоритетным, но и ядром содержания учебного материала. Центром каждой темы является текст, содержащий регионально-страноведческую информацию социально-культурной направленности и являющийся основой для построения самостоятельных высказываний обучающихся и студентов. Например, в этом плане большой интерес представляют произведения русских писателей о Башкортостане («Башкирия в русской литературе» в шести томах), где всесторонне раскрыты история, быт, обычаи, искусство, культура, менталитет башкирского народа. На базе текстов формируется этнолингвокультурологическая компетенция обучающихся, воспитываются нравственно-патриотические чувства, толерантность по отношению к представителям других наций.

Таким образом, лингвокультурология раскрывает новые перспективы исследований в русле современной антропологической парадигмы.

§ 2. Лингвострановедческая теория слова как основа описания национально-культурного компонента значения слов

Лингвострановедческая теория слова была разработана Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Их труды сыграли основополагающую роль в разработке лингвострановедческого аспекта в преподавании русского языка иностранцам. Это прежде всего вышедшая в 1973 году книга «Язык и культура». В последующих изданиях книга перерабатывалась и дополнялась. Здесь лингвострановедение определяется как «аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводи-

дактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу – ознакомление производится через посредство русского языка и в процессе его изучения» [Верещагин, Костомаров, 1990: 37]. В этой книге объектом описания стали лексика, фразеология, афористика в национально-культурном аспекте; национально-культурная информация в текстах, реляционных единицах языка, невербальных языках; намечен лингводидактический аспект изучения художественной литературы.

В другой книге этих же авторов «Лингвострановедческая теория слова» (М., 1980) предметом описания стал так называемый лексический фон – компонент семантики слова, в котором более всего проявляется его национальная специфика. Для того, чтобы понять, что такое лексический фон, сначала нужно рассмотреть семантику слова.

Семантика (франц. *semantique*, от греч. *semantikos* – обозначающий; *sema* – знак) – значение или значения языковых единиц (слов, грамматических форм слов, фразеологизмов, словосочетаний, предложений), а также раздел языкознания, в котором изучается смысловая сторона различных единиц языка – семасиология.

Значение каждой языковой единицы определяется, во-первых, ее сопоставленностью с другими единицами того же уровня, это и делает возможным их рассмотрение в определенном ряду. Во-вторых, значение каждой языковой единицы определяется ее способностью сочетаться с другими единицами того же уровня. Так, особенности лексической и синтаксической сочетаемости слова, являющегося центральной единицей языка (и различных групп слов), неразрывно связаны с его значением.

При исследовании семантики различных слов разграничиваются их лексические и грамматические значения. В отличие от грамматических значений, общих для больших групп слов и выраженных формально, лексические значения индивидуальны, поэтому их исследование представляет наибольшие трудности. Например, группу слов, обозначающую водоемы, наряду со словами *река* и *ручей*, входят также слова *канал*, *пруд*, *озеро* и т.д., для значений которых существенным оказывается уже не признак размера, а другие признаки (естественность – искусственность происхождения, наличие – отсутствие течения и т.п.), причем соответствующие признаки могут характеризовать

лишь отдельные слова, не повторяясь в других группах слов. Кроме того, существуют различные типы лексических значений слов [Энциклопедия «Русский язык», 1997: 452].

«Семантика слова не исчерпывается лексическим понятием», – пишут Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. В толковании лексического понятия слова *чернила* С.И. Ожеговым указаны три семантические доли (жидкость; красящая; для писания), но нет никакого упоминания о цвете красящей жидкости (характерно, что «чернильный» цвет как раз не черный, а темно-фиолетовый) [Верещагин, Костомаров, 1980: 21]. В результате авторы пришли к выводу о том, что семантика слова лексическим понятием не исчерпывается. Что кроме лексического понятия, существует лексический фон, который тоже входит в состав семемы [Там же: 25].

Всю совокупность непонятных семантических долей (термин Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, обозначающий внеязыковые сведения), относящиеся к слову, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров называют лексическим фоном.

Лексический фон, как и лексическое понятие, – языковое явление. Они оба лежат на пересечении языка и культуры. Лексический фон проявляет свои языковые качества двояко: он ответственен, во-первых, за тематические слова (со словом *письмо* тематически связаны слова *конверт, почтальон, марка, почтовый ящик* и т.д.) и, во-вторых, за его синтаксические связи (например, *вложить письмо в конверт, доставить письмо, опустить письмо в почтовый ящик* и т.д.). Русское «письмо» и английское *letter* в понятийном отношении вполне тождественны, сопоставимы. Однако в области лексического фона наблюдаются расхождения: адрес на конверте пишется иначе (мы начинаем с указания страны, затем называется населенный пункт, улица, номер дома и квартиры и, наконец, сам адресат; у англичан и американцев порядок другой: адресат, номер квартиры и дома, улица, населенный пункт, название страны) [Там же: 76]. Приведем пример столкновения русской и английской культуры, в которой нет понятия «отчество» и в результате фонетического сходства принятого американцем за известное понятие «отчество» (родина). «Когда американский журналист и писатель Брайан Мак-Уильямс приехал работать в Москву, с ним случилась одна престранная, на его взгляд, история. В первом же пресс-центре, куда Брайан обратился за аккредитацией, милая девушка поинтересова-

лась его отчеством. Брайан по-русски практически не говорил, страшно удивился такой любознательной девушке, но с радостью начал рассказывать о своем отечестве – Соединенных Штатах Америки. Девушка обозлилась и в грубо-произвольной форме спросила, как звать Брайана по батюшке. Английское имя старшего Мак-Уильямса – Дэвид – быстро переделали на русский лад, и с тех пор младший стал называться Брайаном Давидовичем. И хотя со времен той первой аккредитации прошло уже два с половиной года, Давидович по-прежнему очень любит рассказывать историю о том, как столкнулись две традиции: русская и американская» [«Известия», 30 января 1999 г.].

В башкирском языке, как и в английском, также нет понятия отчества. Вместо этого слова употребляется «атаһының исеме». Например, на русском языке это звучит так: Назаров Ахмет Валеевич, а в башкирском – *Назаров Әхмәт Вәли улы*. Если речь идет о какой-то женщине или девушке, то вместо улы употребляем слово *кызы*. «Осознание того, что глобальное восприятие мира неразрывно связано с пониманием уникальности культур, взглядов и обычаев, свойственных разным нациям, – пишет И. Алексашина. – Обычно этому препятствуют психосоциальные предрассудки, характерные для представителей той или иной нации. Но лишь преодоление их является условием достижения поистине глобального мира. В связи с этим возникает чрезвычайно важная проблема установления «кросс-культурной грамотности», начиная с ознакомления с простыми особенностями чужой культуры, с постижения и путем глубокого интеллектуального анализа и кончая восприятием чуждой культуры глазами ее носителя, погружения в нее и взгляд на нее изнутри. Особое значение здесь имеет способность человека к эмпатии увидеть себя на месте другого и понять его убеждения, верования, взгляды» [Алексашина, 1997: 29].

Лексический фон – это те (вместе взятые) непонятные семантические доли (о чем было сказано выше), которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека. Эти непонятные семантические доли, входящие в лексический фон, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров назвали фонowymi семантическими долями [Верещагин, Костомаров, 1980: 26].

Семантическая структура слова включает лексему, лексическое понятие и лексический фон. Схематически это выглядит так:

Фоновые семантические доли можно выявить с помощью опроса и ассоциативного эксперимента (об этом подробнее будет сказано во II главе).

Проблемами лингвострановедения занимались также К.Г. Андрейчина, И. Вуйович, Л.Б. Воскресенская, Э.И. Тамм, Г.Д. Томахин, Ю.Е. Прохоров и др. В разработке лингвострановедческого изучения значения слова значительное место занимают работы А.А. Брагиной. Особенно интересны ее работы «Лексика языка и культура страны» (1981) и «История слов в жизни народа» (1989). В первой книге развертывается лингвострановедческий анализ слов с национально-культурной семантикой через ряд соотношений: «Слова и вещи, явления, идеи», «Слова и народы», «Слова и краски», «Слова и образы», «Слова и стиль», «Слова и текст». И последняя глава называется «Слова и пути их образования». Автор приводит фактические материалы об истории рождения и развития семантической структуры многих ключевых слов русского языка, об их функционировании в речи. Вторая работа А.А. Брагиной представляет книгу для чтения со словарем на английском языке. Здесь также даны русские слова, ставшие частицей земли, страны, жизни народа: береза, рябина, яблоко, вишня-черешня, ваеилек-ромашка, хлеб-соль, лес и степь.

Сформировавшееся на основе лингвострановедения лингвокультурологическое направление в лингвистике имело большое значение в формировании новых подходов к изучению русского языка в русских и нерусских школах. «Соизучение языка и культуры, выработка не только языковой, но и коммуникативно-культурологической компетенции становится на наших глазах генеральной линией и основной целью обучения русскому языку как русских, так и нерусских учащихся» [Саяхова, 1995: 14].

В культурологической концепции обучения языку намечается тенденция к диалогическому режиму (русский язык – родной язык, русская культура – родная культура), «то есть, во-первых, сопоставительно типологический план (соотнесенность двух языков и культур), помогая выявить общечеловеческое в культурах, их типологические,

общие черты и национально-специфические, отличные, способствует более глубокому осознанию как чужой, так и своей культуры и языка; во-вторых, в прагматическом аспекте изучаемый язык может рассматриваться не только как средство вхождения в культуру народа – его носителя (в нашем случае башкирского), но и будет являться средством ознакомления представителей других народов с родной башкирской культурой; в-третьих, это позволит более глубоко вникнуть в “языковую картину мира” двух народов, родного и того, язык которого изучается, понять их психологию, характер, обычаи, обряды, историю народа, нашедшую в этой картине мира своеобразное воплощение.

Мысли о взаимосвязи родного языка, родного слова с историей народа, его духовным миром и культурой высказывались еще в прошлом: “Родной-то язык с его словесностью и есть тот учебный предмет, которым вносится в учебно-воспитательное дело живое народное начало, потому что в нем-то, в родном языке, как в сокровищнице, созданной и накопленной творческой силой всего народа и сказывается полно и ярко народная душа, с ее заветами, идеями, чувствованиями, верованиями, упованиями, с ее идеальными представлениями и стремлениями”» [Бунаков, 1953: 170, 171].

Язык – основа существования нации, народа. Великолепно сказал об этом народный поэт Башкортостана Рами Гарипов:

*Мин халкымдың сәскә күңеленән
Бал кортондай ынйы йыямын,
Йыямын да йәнле ынйыларзан
Хуш есле бер кәрәз коямын.
Шуга ла мин беләм тел кәзерен:
Бер телдән дә телем кәм түгел –
Көслө лә ул, бай за, ягымлы ла,
Кәм күрер тик уны кәм күңел!..
Халкым теле – миңә хаклык теле, –
Унан башка миңең илем юк;
Илен һөймәс кенә телен һөймәс,
Иле юктың ғына теле юк!
Әсәм теле миңә – сәсэн теле, –
Унан башка миңең халкым юк,
Йөрәгендә халкы булмагандың
Кеше булырға ла хакы юк!*

Основной единицей языка является слово. В энциклопедии «Русский язык» слово определяется как «основная структурно-семантическая единица, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка. В структурном отношении слово состоит из морфем (в том числе и из одной – там, вчера), от которых отличается самостоятельностью и свободным воспроизведением в речи, и представляет собой строительный материал для предложения, в отличие от которого не выражает сообщения...» [Энциклопедия «Русский язык», 1997 : 496].

В описательном, системно-структурном языкознании слово выступало в качестве объекта лингвистики в отрыве от внеязыковой действительности и изучалось в основном в аспекте семасиологии и системных связей. Но новые подходы к изучению семантики слова позволили в структуре семемы (внутренней, содержательной стороне слова) выявить семантические доли (компоненты, множители, дифференциальные признаки и т.п.), отвечающие за связь слова с окружающим миром, с историей и культурой народа.

Давая краткий обзор «культурологических» подходов к семантике языка, Н.Г. Комлев отмечал, что культурная коннотация лексики пока еще не описана ни в одном языке. А основная опасность при усвоении семантической стороны иностранного языка состоит как раз в незнании культурной коннотации лексики этого языка. Лексико-грамматическое содержание двух слов двух разных языков никогда не совпадает полностью. Следовательно, их отличие кроется в различии: 1) места в системе других слов того или другого языка и 2) внутренней, стихийно-сложившейся системе коннотаторов слова. Поэтому учащиеся должны знать, что слова-знаки национальны, то есть образы для них берутся из окружающей действительности, лексические значения и коннотации этих слов развиваются на основе традиций. «Признавая наличие какого-то «внутреннего» содержания слова-знака, то есть факта, что слово-знак выражает нечто, кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента» [Комлев, 1966 : 46].

Таким образом, лингвострановедческая теория слова является основой описания национально-культурного компонента значения слов. Учеными доказано, что «семантика слова лексическим понятием не исчерпывается».

§ 3. Новые подходы к слову как концепту культуры

До недавнего времени слово определялось только как единица языка (о чем было сказано выше). Просмотрев, как представлено то или иное слово в толковом, этимологическом, словообразовательном, фразеологическом словарях, в словарях синонимов, антонимов и других типах словарей, мы получаем как бы совокупный «языковой портрет» слова (значение, происхождение, словообразование, сочетаемость валентность, фразеологический потенциал слова и т.п.). Эти словари описывают различные аспекты слова, выявляемые во внутреннем устройстве лексической системы с выходом на другие уровни языка: фонетику (орфоэпические и акцентологические словари), словообразование и морфемистику (словообразовательные и морфемные словари), грамматику (грамматические словари). Все эти словари имеют семасиологическую ориентацию: от слова к его различным характеристикам.

Вместе с тем в лексикологии и лексикографии четко намечается ономазиологический подход к описанию лексики: от идей, логических категорий и понятий к лексике. Разрабатывается теория семантических полей, давшая жизнь целой эпохе функционально-семантического исследования лексики в различного вида «полевых работах» – семантические поля, функционально-семантические поля, лексико-семантические группы и т.д.

В современной лингвистике слово рассматривается не только как лингвистическая категория, но и как концепт культуры (единица, совмещающая в себе лингвистику, мышление, знание, культуру). Понятие *концепт* открывает новую парадигму лингвистических исследований. Ценный опыт в понимании и применении термина концепт был накоплен в отечественной лингвокультурологии на рубеже XX – XXI веков. Философские основания этому были заложены еще в 70 – 80-е годы Р. Павиленисом. Ученый интерпретировал концепт как некий смысл, т.е. как способ задания объекта в мысли. Усвоить смысл, в его учении, – значит построить некоторую структуру из уже существующих концептов, используемых в качестве интерпретаторов. В связи с этим понимание истолковывалось как интерпретация в определенной концептосфере носителей того или иного языка, интерпретация в сложившейся системе мнений и знаний о мире, отражающих их актуальный культурно-познавательный опыт.

Представления о концепте П. Абеляра, сформированные в эпоху Средневековья, не только сохранили для нас свою актуальность, но и нашли творческое развитие в науке XIX и XX веков. В учении П. Абеляра концепт «предельно субъектен», формируется речью «в пространстве души», в общении, синтезируя такие способности души, как *память, воображение и суждение*. В отличие от него «понятие есть объективное идеальное единство различных моментов предмета и связано со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления мысли, независимо от общения» [Неретина, 1999: 29].

В научный обиход отечественного языкознания термин «концепт» был введен в 20-е годы XX века. Однако лишь в 80-е годы в связи с переводами работ англоязычных авторов понятие «концепт» как термин адаптировалось на отечественной почве [Бабушкин, 1996: 14], с начала 90-х начинает активно использоваться в лингвокогнитологии.

В когнитивной лингвистике термин «концепт» является базовым. Этот термин заимствован когнитивной лингвистикой из логики. Проблема определения концепта в целом не является новой для лингвистики. Еще в средние века ставился вопрос о существовании языковых универсалий. Проблема концептуализации затрагивалась в трудах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Л. Вейсгербера.

В начале XX века определение концепта приобретает особую актуальность. С.А. Аскольдов в своей статье «Концепт и слово», положившей начало концептуально-культурологическому направлению в современной науке, понимает концепт в ментально-деятельном ключе. Понимание концепта, изложенное С.А. Аскольдовым, было принято многими учеными. Учение С.А. Аскольдова развивает Д.С. Лихачев. В статье «Концептосфера русского языка» Д.С. Лихачев не соглашается с С.А. Аскольдовым в том, что концепт существует для слова, автор предлагает считать концепт «алгебраическим» выражением значения..., которым мы оперируем в своей письменной и устной речи...» [Лихачев, 1997: 281].

Ученый также отмечает, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [Там же].

Проблеме концепта посвящены научные труды отечественных и зарубежных ученых, таких как Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, З.Х. Бижева, О.В. Богуславская, Н.Г. Брагина, Г.А. Брутян, Г.Х. Бухарова, А. Вежицкая, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, Г.Д. Гачев, Р. Джекендофф, М.В. Зайнуллин, Л.М. Зайнуллина, А.А. Залевская, Р.Р. Замалетдинов, В.Г. Зусман, В.С. Иванов, Т.А. Кильдибекова, В.И. Карасик, М.Л. Ковшова, В.В. Колесов, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, И.Б. Левонтина, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, С.Я. Никотина, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Ф.Б. Саньяров, Л.Г. Саяхова, Т.Н. Складневская, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Т.В. Топорова, В.И. Убийко, Е.В. Урысон, Н.В. Уфимцева, Р.Х. Хайруллина, А.Т. Хроленко, А.Д. Шмелев, Т.В. Цивьян, Н.Д. Яковлева и др.

В лингвистике термин «концепт» воспринимается неоднозначно. По мнению ученых, концепт является единицей ментальности (Колесов, 2000, 2004; Воркачев, 2001; Карасик и др., 2001; Лебедев, 2002; Зиновьева, 2003; Борисова, 2003); единицей сознания / ментальная структура (Кубрякова, 1996; Бабушкин, 1996; Стернин и др., 1998; Кравченко, 1999; Фесенко, 1999; Попова и др., 1999; Слышкин, 2000; Сафарян, 2002); единицей языка мысли (Аскольдов, 1997; Стернин, 1998; Фесенко, 1999); единицей языкового видения мира (языковой картины мира) и продукт национально-культурной ментальности (Павиленис, 1983; Арутюнова, 1993; Апресян, 1995; Черемисина, 1995; Чернейко и др., 1996; Нерозник, 1998; Ли, 2000; Красных, 2003); единицей ментально-лингвального комплекса (Морковкин и др., 1994, 1997); единицей информации о мире (Борисова, 2003; Матвеева, 2003).

Концепт выражается гештальтом, фрейм-структурами (Лакофф, 1981; Чернейко, 1997; Проскураков, 1998; Попова и др., 1999; Красных, 2003; Желтухина, 2003); комплексом значений соответствующего слова и его ассоциаций и коннотаций (Лихачев, 1993; Рябцева, 1991); всем, что мы знаем об объекте (Телия, 1996); категориями и формами родного языка (Колесов, 2000); готовыми лексемами и фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями, текстами и совокупностями текстов (Булатова, 1999; Панченко, 1999; Попова и др., 1999; Фесенко, 1999; Сафарян, 2002;

Матвеева, 2003); словом (Аскольдов, 1997; Черемисина, 1995); корнем слова (Зиновьева, 2003); всей совокупностью языковых и неязыковых средств (Карасик, 2004).

Полным является исследование концепта, проведенное З.Д. Поповой и И.А. Стерниним. Под концептом ученые понимают «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 2002: 3].

Однако до сих пор нет единого определения этого термина. Под концептом мы, вслед за Е.С. Кубряковой, понимаем основной вид ментальных ресурсов: «концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике...» [Кубрякова, 1996: 93].

Заслуживает внимания культурологический подход к концепту Ю.С. Степанова, который понимает концепт как ступок культуры в языковом сознании человека. «Концепты – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. ...Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997: 76].

Большинство исследователей сходятся в том, что концепт представляет собой неоднородное образование, «имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004: 10].

С точки зрения В.И. Убийко, концепт представляет собой объемное ментальное образование, вбирающее в себя не только инвариант значений репрезентирующего его слова, но и инвариант словообразовательного гнезда и одноименного семантического поля [Убийко, 1998: 3].

Концепт – это объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) [Залевская, 2001: 39].

А. Соломоник концепт определяет как «абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия» [Соломоник, 1995: 246].

По мнению А.А. Колесова, концепт – сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе [Колесов, 2004: 19, 20].

В.И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Введение в когнитивную лингвистику, 2004: 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [Там же: 71], «фрагмент жизненного опыта человека» [Карасик, 2004: 3], «переживаемая информация» [Там же: 128], «квант переживаемого знания» [Там же: 361].

По Н.А. Красавскому, концепт следует рассматривать «как когнитивную структуру, погруженную в лингвокультурный контекст, то есть связанную с дискурсом» [Красавский, 2001: 13, 14]. Ученый также считает концепты неким суммарным явлением, по своей структуре состоящим из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека. «Концепты как мыслительные конструкты, размещенные и функционирующие в человеческом сознании, существуют в культурно-семиотическом пространстве и времени» [Красавский, 2001: 78].

Н.Ф. Алефиренко рассматривает концепт «как мыслительный образ достаточно широкого структурного диапазона: а) по горизонтальной оси – от обобщенных наглядных образов до логических понятий; б) по оси вертикальной – с разной степенью экспликации его глубинных смысловых слоев», где концепт представляет собой своеобразный «семантический эмбрион или смысловой ген значения языкового знака» [Алефиренко, 2002: 14].

В понимании Бабушкина, концепт – это «дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранящаяся в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин, 1998: 12, 13].

Информационно-понятийный компонент включает наиболее существенные признаки предмета или явления – это «языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция,

составительские характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта» [Карасик, 2001: 10].

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы определяем концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007: 34].

Н.Д. Арутюнова концепт трактует как понятие обыденной философии, являющейся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова, 1993: 3].

Как лингвистическое понятие «концепт» дает возможность рассмотреть идеальные ментальные сущности [Фрумкина, 1992: 88], т.е. те единицы, с помощью которых мы мыслим о мире, ментальные образования, составляющие категориальную основу языка [Берестнев, 1997: 16] и создающие обобщенный образ слова, объективируя модель сознания [Сергеева, 1999: 21].

Концепт – это «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин, 2000: 9].

Ю.Е. Прохоров определяет концепт как «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров, 2008: 159].

Г.И. Берестнев концептами называет «ментальные образования, составляющие категориальную основу всей человеческой деятельности и, прежде всего, языка» [Берестнев, 1997: 47].

А.П. Бабушкин предлагает следующее определение концепта: «концепт понимается нами как дискретная, содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального и идеального мира и хранимое в национальной памяти носителей языка в вербальном обозначенном виде» [Бабушкин, 1996: 12].

Е.В. Сергеева определяет концепт следующим образом: «концепт – эта некая информационная целостность, присутствующая в национальном коллективном сознании, прошедшая первичный семиозис и осознаваемая языковой личностью как инвариантное значение семантического поля» [Сергеева, 1999: 129].

С точки зрения В.В. Колесова, концепт – это то, что не подлежит изменениям в семантике словарного знака, что, напротив, диктует говорящим на данном языке, определяя их выбор, направляя их мысль, создавая потенциальные возможности языка – речи [Колесов, 1992: 9].

По мнению Л.О. Чернейко, концепт – это термин, который следует понимать и в антропоцентрическом аспекте, и вне формальной логики, в рамках которой существует понятие. Автор пишет, что «концепт включает понятие, но исчерпывается им, а охватывает все содержание слова: и денотативное, и коннотативное, отражающее представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [Чернейко, 2001: 57]. Следовательно, концепт представляет собой базовую универсальную семантическую категорию, которая отражается в человеческом сознании и обозначается словом данного языка.

В лингвистическом понимании концепта наметилось три основных подхода:

Во-первых, в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носители языка. Совокупность таких концептов составляет концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации.

Во-вторых, к числу концептов относятся семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и характеризующие носителей определенной этнокультуры. Совокупность таких концептов не образует концептосферы, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область.

В-третьих, к числу концептов относятся лишь те семантические образования, список которых в определенной мере ограничен. Эти

концепты являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Они представляют собой ментальные сущности высокой степени абстрактности. Они отправляют к невидимому миру духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения абстрактного [Вежбицкая, 1999: 69].

Концепт – это структурно и образно организованное знание определенного социума о каком-либо явлении духовной или материальной культуры, реализующееся через пространство связанных между собой языковых знаков [Воробьев, Саяхова, 2006:66].

Обобщая точки зрения на концепт и его определения в лингвистике, С.В. Воркачев предлагает следующее: «концепт – это единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2004: 7].

По мнению В.В. Колесова, к функциональным свойствам концепта относятся:

1) постоянство существования, т.е. развитие семантики слова с разворачиванием внутренней формы слова до логического предела (символ или миф) в границах данной культуры;

2) художественная образность предполагает сохранение постоянной связи с производными по однозначному корню;

3) сохранение семантического синкретизма значений корня как семантического инварианта всей словообразовательной модели;

4) встроенность в систему идеальных компонентов данной культуры;

5) общеобязательность для всех тех, кто сознает свою принадлежность к данной культуре, так как проявление концептов культуры в народном менталитете и составляет обыденное сознание среднего человека этой культуры [Колесов, 1995: 16].

В настоящее время вопросы рассмотрения языковых концептов приобретают особую актуальность в связи с активно разрабатываемой в лингвистике проблемой языковой личности.

Л.Г. Бабенко разграничивает понятия концепт и концептосфера. Концепт – это знак, репрезентант определенного содержания, ментальная сущность которого (категориальные, интерпретационные, в т. ч. ассоциативно-образные, прагматические, модальные, оценоч-

ные и прочие компоненты) может быть представлена в результате концептуального анализа в виде объемной развернутой дефиниции. Концептосфера – это совокупность концептов национального языка. Исследование концептоферы предполагает выявление в идеале относительно полной парадигмы концептов базового уровня, играющей основную роль в процессе категоризации и концептуализации мира [Бабенко, 2006: 40].

В рамках концептосферы В.И. Убийко предлагает разграничить суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты и микроконцепты. Например, интегрирующим суперконцептом является концепт «Человек». Макроконцептами, лежащими в основе концептосферы «внутренний мир человека», являются концепты «душа» и «дух». Они объединяют чувственную сферу внутреннего мира (концепт «чувство»), ментальную (концепт «ум»), императивную сферу (концепт «воля»), нравственную (концепты «добро» и «зло») в единое целое. Взаимодействие концептов осуществляется по линии деривационных отношений, парадигматических и синтагматических связей, вербализующих их лексем [Убийко, 1999: 52].

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу. Структура концепта образована когнитивными признаками, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полевому признаку. Наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта. Концепты имеют национальные особенности содержания и структуры; возможны эндемичные концепты, возможна лакунарность концепта [Попова, Стернин, 2007: 21].

Большинство исследователей сходятся в том, что концепт представляет собой неоднородное образование, «имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004: 10].

Концепт имеет полевую структуру, включающую ядро, приядерную зону и периферию. К приядерной зоне относятся лексемы, репрезентирующие ядро национального сознания, к периферии – индивидуальное сознание. Концепт состоит из компонентов (когнитивных признаков и когнитивных классификаторов), представляет собой

единство образа, информационного содержания и интерпретационного поля.

В структуре концептосферы есть *ядро* (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта). *Приядерная зона* (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и *периферия* (ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные знания, а периферия – индивидуальные [Маслова, 2008: 35].

Интерпретационное поле концепта составляет его периферию и содержит «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [Попова, Стернин, 2001: 97].

Интерпретационное поле включает следующие зоны: оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную, паремиологическую зоны [Попова, Стернин, 2007: 78 – 80].

Г.Г. Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны: основные – интразону (признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата), экстразону (признаки концепта, извлекаемые из паремий и переносных значений) и дополнительные – квазизону и квазиэкстразону, связанные с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов и др. [Слышкин, 2004: 6, 17, 18]. С.Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [Воркачев, 2004: 7]. О полевой структуре концепта говорят З.Д. Попова, И.А. Стернин: структура концепта представлена ядром (базовый слой) и периферией (интерпретационный слой). Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и слоев составляют объем концепта и определяют его структуру. По мнению И.А. Стернина, «данная структура не является жесткой, поскольку любой концепт все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [Попова, Стернин, 2001:58]. «Базовый слой концепта может исчерпывать содержание концепта, если он от-

ражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо концепт представлен в сознании очень примитивно мыслящих индивидов. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки (концептуальные слои) наслаиваются на базовый образ и образуют мякоть плода. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные (когнитивные) слои и наслаиваться как слои в облаке от более конкретного слоя к более абстрактному» [Попова, Стернин, 2002: 61].

Авторы книги «Иная ментальность» концепты противопоставляют как *параметрические* и *непараметрические* ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. Параметрические концепты весьма своеобразны, их ценностный компонент выводится дедуктивно при их конкретизации в дискурсе (*Время проходит? Время стоит. Проходите вы.* – В этой грустной сентенции концепт «время» приобретает смысл «напоминание о краткости человеческой жизни») [Иная ментальность, 2005: 30]. Авторы утверждают, что параметрические концепты являются понятиями. Непараметрические концепты можно разбить на регулятивные и нерегулятивные. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.), ко вторым – синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.). Именно регулятивные концепты представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или той или иной группы в его составе [Там же: 31].

По содержанию концепты подразделяются следующим образом: 1) *представление* (*мыслительная картинка*) – яблоко, груша, холод, кислый, красный, шершавый, жара и др.; 2) *схема* – концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой: схематический образ человека, дерева и т.п.; 3) *понятие* – концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат из рационального отражения и осмысления: квадрат – прямоугольник с равными сторонами; 4) *фрейм* – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая

совокупность: магазин, стадион, больница и др.; 5) *сценарий* – последовательность эпизодов во времени: посещение ресторана, поездка в другой город, драка, экскурсия; 6) *гештальт* – комплексная, целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании: школа, любовь и др. [Хроленко, 2005: 56, 57]. В.А. Маслова отмечает различные типы структур представления знаний: схема, картина, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт. Теоретически сходные выражения могут репрезентировать в речи разные признаки концепта: *мне радостно* (фрейм), *я радуюсь* (сценарий), *радовать* (схема), *запрыгать от радости* (картина) [Маслова, 2008: 35]. По языковому выражению концепты могут репрезентироваться лексемами, фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями и даже текстами и совокупностями тестов [Попова, Стернин, 1999: 17 – 21].

Бабушкин выделяет некоторые свойства концепта: 1) концепт – это ментальная репрезентация, определяющая взаимосвязь вещей между собой; 2) концепты – это идеальные образы; 3) концепт обязательно обозначается словом [Бабушкин, 1998: 9 – 11]. Концепты существуют и в индивидуальном сознании языковой личности, и в коллективном сознании языковой группы. Но индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем коллективные, так как «коллективное сознание и опыт есть не что иное, как условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [Слышкин, 2000: 16]. Эта производная образуется путем сокращения всего уникального в личном опыте и учета совпадений, а индивидуальные концепты могут включать в себя большое количество элементов. С другой стороны, немалый интерес представляют коллективные концепты, так как именно они формируют в коллективном сознании общие знания (образы, верования, предположения, ожидания и многое другое). Любой концепт характеризуется способностью к реализации в различной знаковой форме. «Чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является этот концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» [Там же: 18].

Предметный план термина (физический уровень) имеет множество обозначений: вербализация, опредмечивание, осуществление, овнешнение, овеществление и т.д. [Майорова, 2010: 86]. Например, термин «вербализация» А.В. Колмогоровой трактуется как «способ ориентирующе-

го поведения, обеспечивающего успешную адаптацию максимального числа членов некоторой общины, коллектива к изменяющимся условиям окружающей среды» [Колмогорова, 2006: 56]. С.А. Борисова термин «овнешнение» объясняет, что результаты познавательной деятельности «овнешняются в текстах, среди которых наиболее востребованной и распространенной является письменная (вербальная) форма как способ фиксации языкового сознания автора, репрезентации фрагмента его концептуальной системы» [Борисова, 2004: 4]. Т.А. Сидорова использует термин «кодирование»: «кодирование при помощи словообразовательных средств» [Сидорова, 2006: 327].

Номинативное поле концепта. Совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества, определяется как номинативное поле концепта [Попова, Стернин, 2007: 66].

Концепт – ментальная единица сознания, репрезентирующая культурно-национальную ментальность его носителей. В языке концепт объективируется лексемами, свободными и устойчивыми словосочетаниями и может быть исследован на материале, полученном в результате свободного ассоциативного эксперимента, сплошной выборки из фразеологизмов, пословиц, поговорок и художественных текстов, «представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц. Номинативное поле концепта включает единицы всех частей речи» [Попова, Стернин, 2007: 67].

Одни концепты имеют «обширное», другие «ограниченное» номинативное поле, третьи не имеют системно обнаруживаемого номинативного поля.

Авторы перечисляют языковые средства, которые могут входить в номинативное поле того или иного концепта и обеспечить его описание в процессе лингвокогнитивного исследования:

- прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы);
- производные номинации концепта (переносные, производные);
- однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта;
- контекстуальные синонимы;
- окказиональные индивидуально-авторские номинации;

– устойчивые сочетания слов, синонимичные ключевому слову (фруктовый **сад**, подводная **лодка**, **капитан** команды и др.);

– фразеосочетания, включающие имя концепта (первая **ласточка**, железная **дорога**, белая **ворона** и др.);

– паремии (поговорки, пословицы, афоризмы) Брань на ворота не виснет; Не обругавшись, и замка в клетки не откроешь; Кто не с нами, тот против нас и др.; необходимо только помнить, что паремии не всегда отражают смысл, актуальный для современного состояния сознания, и насколько установки, выражаемые теми или иными паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка, требует проверки;

– метафорические номинации (к концепту **душа** – душа *поет, плачет, радуется, скорбит, смеется, рвется* наружу и под.);

– устойчивые сравнения с ключевым словом (высокий как **столб**, тупой как **пробка**, **умный** как Эйнштейн и под.);

– свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки, которые характеризуют концепт (туча *грозовая, большая, черная*);

– ассоциативное поле (совокупность ассоциатов), полученное в результате эксперимента со словом-стимулом, именующим концепт;

– субъективные словесные дефиниции, предложенные испытуемыми как толкования предложенного им концепта;

– словарные толкования языковых единиц, объективирующих концепт;

– словарные статьи в энциклопедии или справочнике (информационно-эксplikативные тексты);

– тематические тексты (научный или научно-популярный, рассказывающий о содержании концепта);

– публицистический или художественный тексты, присущими им средствами раскрывающие содержание концепта;

– совокупности текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) [Попова, Стернин, 2007: 69 – 71]. К сожалению, авторы исключили из номинативного поля концепта лексику с национально-культурным компонентом значения (безэквивалентную, коннотативную, фоновую).

Верно отмечает Р.Х. Хайруллина: «Слова-концепты, за которыми «стоит» символическое осмысление реалии мира, могут закрыть

плять общечеловеческое восприятие предметов и событий, тогда возникают ФО с общим значением во многих языках. Так, слово-концепт «сердце» выступает как символ средоточия чувств, слово-концепт «голова» – ума и мыслительных способностей, слово-концепт «вода» – символ быстротечности и бесформенности и т.д. Например: *с головой, потерять голову, без царя в голове, ветер в голове*; башк. *баш ватыу* (букв. *ломать голову*), *башка һыймай* (букв. *не лезет в голову*), *башта тотоу* (букв. *держат в голове*), *ахмак баш* (букв. *глупая голова*), *башы эшләй (кемдең)* (букв. *голова работает у кого*); *всем сердцем, камень на сердце, сердце не на месте (у кого), сердце разрывается на части (у кого)*; башк. *йөрәккә йөн үсеү* (букв. *на сердце шерсть выросла*), *йөрәк өзәлә* (*сердце обрывается*), *йөрәкте асыу* (букв. *открыть сердце*), *йөрәк урынында түгел (сердце не на месте)* [Хайруллина, 2008:18, 19].

Концепт разворачивается в ментальном и предметном пространствах, являя собой форму взаимной проекции (наложения, интерференции) одного на другое и наоборот. Понятие концепта коррелирует прежде всего с объемностью. Переживание мира связано с феноменом глубины, объемности. Линейные параметры дают в переживании не сумму, а единство, выступая формой ощущения. Переживание объема в неизмеримой полноте ее видов не поддается никакому рациональному определению. Иначе говоря, концепт не допускает только понятийного раскрытия. Концепт не воссоздает действительность на основе прямой перспективы, т.е. рационально. То, что мы видим, есть только часть целого. Он не дублирует действительность, но вместе с тем дает ее глубокое постижение. Это интуитивная, содержательная глубина. Концепт является элементом культурного пространства, поэтому уместно будет сравнить его художественным произведением (картиной), общение (встреча) с которым позволяет ощутить переход от телесности и осязаемости изображаемых предметов к изображению ощущений как субъективных состояний, а затем переход к изображению идей, содержание которых, в отличие от ощущений, ирреально [Майорова, 2010: 138].

Концепт и значение. Механизмы языка находятся в теснейшей связи с механизмами сознания, поэтому важно осмыслить соотношение концепта и значения слова.

Поскольку обе категории билатеральны, они соотносимы как в содержательном, так и в формальном аспектах. С точки зрения их

содержания, языковые знаки обладают семантикой, а концепты – смысловым содержанием. Главными критериями определения отличительных признаков концепта и значения служат глобальный, интегральный характер первого и дифференциально-структурированный принцип организации второго. Концепты и языковые значения взаимосвязаны диалектически: с одной стороны, они являются разными сущностями, а с другой – предполагают друг друга; их различия феноменальны: концепт – категория когнитивная; значение – категория языковая [Алефиренко, 2005: 45].

И.А. Стернин считает, что «новое понятие концепт активно ищет свою нишу в современном понятийно-терминологическом аппарате лингвистики; но развитие психолингвистики еще более усложняет проблему, поскольку экспериментальные исследования показывают, что значение в сознании носителя языка – далеко не то же самое, что значение в словаре» [Стернин, 2007: 47].

Л.М. Васильев отмечает «если согласиться с доводами когнитивной лингвистики, что все человеческие знания представлены в сознании в структурированном и упорядоченном виде – в виде концептов (понятий, представлений, фреймов, сценариев, гештальтов и т.д.), то надо, наверное, допустить, что важнейшей формой и средством организации содержания концептов (всех их видов) являются языковые значения. Имея в своем составе категории мысли (понятийные и семантические категории), а также образные и эмотивные компоненты (типизированные представления и ассоциативные, прагматические коннотации), они являются очень удобным средством отображения (моделирования, схематизации) самых сложных объектов: предметов, явлений, действий, ситуаций и т.д.» [Васильев, 2007: 36, 37].

Анализируя исследования ученых, О.А. Майорова выделяет следующие моменты, которые существенны как при трактовке категории значения, так и концепта:

1. Доминирование принципа дихотомичности при описании как концепта, так и значения (обозначение «двойственность природы» относится к онтологии объекта. На самом деле, одно и то же явление может выступать в различных «превращенных формах» на разных уровнях реальности и иерархичности).

2. Причастность к формированию картины (образа, модели и т.д.) мира (языковая, концептуальная, информационная).

3. Неунифицированность моделей значения и концепта, что делает невозможным описание содержательных структур в одной и той же системе репрезентаций: "... скорее всего, лексическое значение (то же и концепт – О.М.) существует в форме разнообразных частично накладывающихся друг на друга структур» [Залевская, 2008: 48]. Мы называем это признаком интерференционности (наложения), что приводит к актуализации признака стереоскопичности, голографичности (О.М.).

4. Рассмотрение значения и концепта на основе понимания языка как «живого организма», тесно связанного с нашей собственной жизнью. Семантика не автономна, ее нельзя оторвать от суммы нашего знания, от культуры, привычек, социальных обычаев, от человеческого опыта в широком смысле слова. О.П. Флоренскому принадлежит мысль о психике как своего рода продолжении предметного мира в голове человека [Маслова, 2007: 12; цит. по Майоровой, 2010: 93, 94].

Приведенные выше рассуждения свидетельствуют о том, что, с одной стороны, между категориями понятия, значения и концепта не существует непреодолимых границ, а точнее одно может рассматриваться как «превращенная форма» другого; с другой же стороны, ввиду многозначности термина «концепт» обозначилась тенденция использовать применительно к содержательной, объединяющих психологический, когнитивный и психологический подходы термин «контент» (ср. в медиапсихологии: «в ходе медиапсихологических исследований мы проводим содержательный анализ (контент-анализ) медиапосланий...») [Винтерхофф-Шнурк, 2007: 29].

«Востребованность концепта в лингвокультурологии обуславливается тем, что он лишен той предельной абстрактности, которой обладают категории и понятия. Концепты, наряду с объективным знанием, способны объективировать и субъективное: личностное (неявное) знание, веру, до- и вненаучное, художественное и даже знание как рассказ» [Алефиренко, 2010: 215].

В лингвистике дискутируется вопрос о количестве концептов. А. Вежбицкая фундаментальными для русской культуры считала всего три концепта – судьба, тоска, воля. Ю.С. Степанов полагает, что число концептов достигает четырех-пяти десятков. Это «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Слово», «Любовь», «Вера» и др. Наблюдения показывают, что число концептов превышает несколько сот.

Таким образом, концепт – сложная ментальная единица, значимая для культуры определенного народа и отраженная в сознании носителей языка. Проблема концепта не до конца изучена и требует дальнейшего исследования.

В связи с изучением башкирского языка в русских школах возникает проблема учебно-методического обеспечения усвоения языка, в том числе его лексического состава. В числе учебных пособий большое значение имеют пособия словарного типа. Особый интерес представляют культурологические словари, в которых слово рассматривается с точки зрения национально-культурного компонента значения, или лексического фона, введенного в парадигму лексикологических исследований Е. Верещагиным и В. Костомаровым, или так называемого нелексического значения слова (З.Г. Ураксин).

§ 4. Изучение нелексических значений слов в башкирской лингвистике

Как известно, слово – явление многогранное, его сущность не ограничивается лексико-семантической, грамматической, эмоционально-экспрессивной и стилистической характеристиками. Слово имеет и этнокультурный аспект, интерес к которому проявляется исследователями постоянно [Толстой, 1982: 57 – 71; 1983: 181 – 191]. Однако полного представления об этнокультурном содержании лексем и фразеологизмов в том или ином конкретном языке до сих пор нет, хотя известно, что данный слой языка постепенно может предаться забвению в связи с изменениями в обществе.

Наличие в слове «культурного значения» отмечалось языковедами давно (Р. Ладо, Е. Найда, Ч. Фриз, Н.Г. Комлев). Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров различали в значении слова собственно лексическое значение и лексический фон, связанный с культураносной функцией языка; З.Г. Ураксин говорит о «нелексическом значении слова» – это все то, что в слове связано с культурой, обычаями, традицией народа [Саяхова, 2006: 22].

Для тюркского языкознания и этимологии эта область является также новой. Крупные исследования начаты казахскими лингвистами: ими

выполнен ряд исследовательских работ на уровне кандидатских диссертаций, задумано создание четырехтомного этнолингвистического словаря [Кайдаров, 1987, т.1: 3 – 8; № 3: 74 – 79]. Подобные работы будут выполнены и по другим тюркским языкам, и тогда раскроется весьма интересный мир представлений, обрядов и верований, заключенных в слове и в целом в языке. Башкирская лингвистика пока располагает лишь небольшими публикациями по отдельным вопросам этнокультурного изучения языка [Торма, Хисамитдинова, 1992: 112 – 117].

Как пишут З.Г. Ураксин и Р.Н. Хадыева, этнокультурная информация (или значение) не входит в состав лексического значения слова и фразеологизмов. Она как бы является сопутствующей содержательной стороной и, как правило, не фиксируется в лингвистических словарях; принципы и параметры ее описания и систематизации еще не выработаны. Эта информация постоянно присутствует в слове, сохраняется в памяти народа и передается из поколения в поколение с убывающей степенью информативности.

Язык всегда связан с национальной культурой, историей народа. И нередко связь с этнокультурой полностью преобразует значение слова, позволяет увидеть, что смысл слова, признаваемый прежде как постоянный и зафиксированный в словарях, – явление условное. Авторы рассматривают такие примеры, как *һауыт-һаба шалтырау* означает происхождение мелких семейных ссор; *һауыт-һаба шалтырауы* – звон посуды, шум, то есть это нарушение покоя, тишины, мира в доме (с особой коннотацией ссоры и пр.); *кот ебәреу, кот китеу, кот кайтарыу, кот койоу, кот осороу, котон алыу* – в значении «изгнать или вернуть-счастье»; *буш, коро һауыт* (отсутствие в символическом аспекте содержимого и пр.); *кояш калкты, кутәрелде* (солнце поднялось, солнце показалось); *акка булһын* (к счастью, к светлому) и др.

В качестве примера авторы статьи З.Г. Ураксин, Р.Н. Хадыева останавливаются на выражениях *буш һауыт, коро һауыт*, которые в определенной ситуации означают не только отсутствие содержимого. Это скорее отсутствие хот – символа благополучия. Например, когда невесту провожают в дом жениха, родственники невесты должны позаботиться, чтобы сундук с приданым был полон, чтобы он не гремел (*һандығы шал тырамаһын, һандығы буш бармаһын*). В данном случае *буш, шалтырау* не соответствует своему прямому лексическому значению: в сундуке все равно что-то есть, но главное, чтобы

не гремел, не производил шума. Здесь речь идет о благополучии, т.е. в сундуке должны быть не просто вещи, а *кот* – счастье, посуда в нем не должна быть пустой. Эту роль может символически выполнять даже горсть конфет или другие продукты питания, сопровождаемые добропожеланиями. Возможно, теми же причинами объясняется то, что ребенка нельзя выпускать из дома с пустыми руками, т.е. без гостинцев (*буш кул сыгармау*). Авторы пришли к выводу, что слова *буш*, *коро* – пустой и связанные с ними словосочетания с нелексическим значением, то есть значением, которое объясняется только связью с этнокультурными понятиями народа, часто употребляются в башкирском языке. Например: *буш бизрэгг тап булыу* – встретиться с человеком с пустыми ведрами, *коро көйәнтәгә орау* – встретиться с человеком, несущим на плече пустое коромысло (без ведер). Это сулит неудачу, невезение. Запрет возвращать посуду кому-либо пустой (*буш кайтарма*), заходить во двор обратно с пустыми ведрами (*буш көйәнтә менән кире инмә*) или через чужой двор переходить с пустыми ведрами (*кеше аша йөрәмә; өй аша коро көйәнтә менән йөрәмә*) тоже объясняется желанием не накликалть несчастье, не изгонять, не вспугнуть *кот* (благополучие), лад пустотой (*буш, коро*). Когда в первый раз приходят в новый дом или когда идут поздравлять роженицу, запрещается заходить с пустыми руками (*буш кул килмәу*) – это объясняется желанием принести в дом роженицы, новорожденному кот (счастье) и т.д.

С этнокультурной точки зрения целые пласты лексики в башкирском языке еще не изучены. Весь этнокультурный фон языка подвергается определенной систематизации по понятийным сферам. Они отсутствуют в научной, общественно-политической терминологии.

Предварительный анализ имеющегося материала показывает, что этнокультурный слой лексики и фразеологии башкирского языка охватывает следующие области:

1. Космические тела (звезды, солнце, луна и т.д.).
2. Явления природы (огонь, вода, гроза и т.п.).
3. Растения.
4. Животный мир.
5. Предметы быта и орудия труда.
6. Части тела человека и животных.
7. Числительные.
8. Времена года, месяцы, дни.
9. Слово.
10. Жизнь и смерть.
11. Движение.
12. Отношения.
13. Духи и демонические существа.

«По внутреннему содержанию этнокультурные понятия отличаются от лексического значения, их невозможно определять одним

предложением или краткой дефиницией, – пишут З.Г. Ураксин и Р.Н. Хадыева (см. выше). – Требуется обширное описание ситуации, различного рода запретов или разрешений на применение орудия, предмета, совершения действия, движения и т.п. Например, этнокультурные значения слова *бысак* – нож в этнолингвистическом словаре окажутся совсем другими: *бысак* – 1) предмет оберега от сглаза, сохранения от злых духов и т.п. (подкладывается младенцу в колыбель, к покойнику до захоронения); 2) предмет запрета (нельзя махать ножом, он удлиняется, нельзя нож класть лезвием кверху, нельзя ножом стричь ногти, брить). Сходные значения имеют многие предметы быта, такие как коса, топор, сковорода, чашка, ведро, вилы, веник, котел, решето, сбура и т.д.

Таким образом, язык сохраняет в словах и словосочетаниях сведения верованиях, представлениях, нравах народа с далекого прошлого» [Ураксин, Хадыева, 1994: 71 – 76].

Интересно описание этнокультурного значения слова *кунак* (*гость*) академиком З.Г. Ураксиным. Слово *кунак* исконно тюркское, происходит от глагола *кун/кон* – садиться, останавливаться, ночевать. Оно, кроме своего основного значения, содержит большой объем этнокультурной информации. Так, в тюркских языках понятие «незванный гость» не содержит отрицательной коннотации, наоборот, незванный гость – это гость Аллаха. Ему оказывается особый почет и уважение.

В башкирском языке существует ряд словосочетаний, выражающих особое отношение к гостю, что отражено также в обрядах его почитания (ср. фразеологическое словосочетание *взять коня за узду*: если приехал почитаемый гость, сам хозяин дома встречает его за воротами и ведет коня за узду во двор).

Если званые гости долго задерживались (загостились), то кто-то из домашних заносил в дом дугу из сбури коня. Это означало, что гостю пора уезжать домой. В языке имеется ряд выражений типа *дорогой гость*, *почтенный гость*, но нет выражений с отрицательной оценкой: если гость, то он обязательно почтенный, желанный, дорогой.

Сведения об отношении к гостю содержатся также в пословицах и поговорках: *Гость мало побудет, много узнает*, значит, при нем надо быть сдержанным, не проявлять плохое. *Побыл в гостях, не забудь и пригласить*.

Понятие «гость» у башкир, да и у многих других народов, является священным, он приравнивается к посланнику Аллаха и заслуживает

особого почтения. Поэтому с древних времен у башкир существовал культ пищи, сотрапезник становился близким другом, за едой скреплялся союз, давалось клятвенное слово, которое обязательно сдерживалось договаривающимися сторонами [Ураксин, 2001: 102, 103].

Таким образом, в ряду слов с нелексическими фоновыми значениями безэквивалентная лексика требует особого внимания как на 100 % национально-специфическая, связанная с реалиями или с понятиями – их отсутствием в другой культуре.

Выводы к I главе:

1) в I главе раскрывается суть лингвокультурологического направления в исследовании языка, где основным объектом лингвокультурологии является взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры; исходными понятиями лингвокультурологии являются «языковая картина мира» и «языковая личность»;

2) раскрывается значение для нашей работы лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, которые ввели в парадигму лингвистических и лингводидактических исследований понятие «лексический фон». Слово имеет не только лексическое, но и фоновое (нелексическое) значение;

3) слово рассматривается нами не только как лингвистическая категория, но и как концепт культуры (единица, совмещающая в себе язык, мышление, знание, культуру). Национальная специфика лексики проявляется более всего в лексическом фоне (вся совокупность непонятных СД).

II ГЛАВА

ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

§1. Безэквивалентная лексика (общее понятие)

В связи с обострившимся в последнее время вниманием к проблеме «язык и культура» в парадигму лингвистических исследований включается выявление национально-культурного компонента значений языковых единиц разного уровня. Более всего этот компонент выражен на лексическом и фразеологическом уровнях. Лексика, как наиболее тесно соприкасающийся с миром действительности уровень языка, помимо традиционных характеристик с точки зрения значения слов, связей слов по значению (антонимы, синонимы), по степени актуальности и сфере употребления (литературная лексика, диалекты, специальная лексика), нуждается в характеристике в аспекте национально-культурной специфики.

Новые подходы к изучению лексики делают необходимым, кроме бесстрастных классификаций лексики на основе системно-структурных и системно-семантических признаков (многозначность, синонимы, антонимы, омонимы и т.д.), включить в учебники систематизацию лексики с точки зрения степени ее национально-культурной окрашенности: лексика интернациональная, безэквивалентная, фоновая, коннотативная.

Основополагающее значение в изучении лексики как носителя национально-культурной информации сыграли работы Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» (1973), «Лингвострановедческая теория слова» (1980). Выделяя в значении (семантике) слова лексическое понятие и лексический фон, авторы намечают описание лексики в двух планах:

1. В противопоставлении лексики эквивалентной и безэквивалентной, обозначающей реалии, свойственные только данной культуре.

2. В противопоставлении лексики с эквивалентными и неполноэквивалентными фоновыми компонентами значений. Последние названы фоновой лексикой, к которой авторы относят каждое второе русское слово. Например, даже такие общечеловеческие понятия, как книга, письмо называются в разных языках словами, общими по значению, но различающимися лексическими фонами. Например, письмо в нашей стране и в Германии оформляется совершенно по-разному. Слово-понятие школа в разных странах наполняется разным содержанием (11-летняя, 12-летняя, начальная, музыкальная, вечерняя и т.д.).

К лексике с национально-культурным компонентом значения относятся и коннотативная лексика.

Рассматривая культурно окрашенную лексику в рамках теории перевода, И.Е. Аверьянова выделяет четыре типа слов по степени их культурной окрашенности, а также уровня семантической структуры слова:

1. Реалии – уровень реальной действительности. Отсутствие самой реалии, денотата в культуре народа, на языке которого осуществляется перевод, приводит к тому, что культурно-своеобразной становится вся семантическая структура слова, включая его основное значение и его лексический фон (об этом подробнее в третьей главе).

2. Уровень понятийного содержания слова. Несовпадение понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности. В подтверждение этого положения мы можем привести пример из башкирско-русских сопоставлений. Отсутствие понятий – специальных слов в русском языке, обозначающих общие понятия «старший брат», «младший брат» (то же самое *сестра*), наличие их в башкирском (*ағай, эне, кусты*), но отсутствие в нем слов, обозначающих общие понятия «брат», «сестра» безотносительно к понятиям «старший», «младший». Сюда же относятся слова-понятия, отражающие специфическую картину языкового видения мира данного народа. Например, множество различных названий снега у американских эскимосов, названий оленей у северных народов (об этом см. третью главу).

3. Фоновая лексика – это слова, которые совпадают в плане предметно-логического содержания, но не могут выступать в роли эквивалентных соответствий при переводе в силу особой культурной информации, которая обуславливает употребление слова в речи и его тематические связи (то есть его лексический фон).

4. Культурно-коннотативная лексика, национальная окраска относящихся к ней слов проявляется не в предметно-логической части их семантического значения, а в тех элементах его, которые актуализируются в самом акте коммуникации и определяются особенностями, в том числе и национально-культурными, коммуникантов, их отношением друг к другу и предмету речи. Эта добавочная информация называется коннотацией.

Все четыре группы лексики объединяются термином культурно окрашенная лексика [Аверьянова, 1981: 3 – 8].

В нашей работе рассматриваются все четыре группы культурно окрашенной лексики (фоновая и коннотативная во второй главе, безэквивалентная – реалии и уровень понятийного содержания – в третьей главе).

К лексике с национально-культурным компонентом значения относится прежде всего безэквивалентная лексика.

Безэквивалентная лексика выявляется при сопоставлении двух культур.

Обычно под безэквивалентной лексикой понимают лексические единицы, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков по следующим причинам: 1) в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий; 2) из-за отсутствия в нем лексических единиц, обозначающих соответствующие понятия [Шатков, 1952; Чернов, 1958, см.: Томахин, 1980, № 6: 47]. Как отмечает Г.Д. Томахин, к первой группе относятся личные имена, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и т.п., а также имена нарицательные типа русских «субботник», «стахановец»; ко второй группе относятся, например, такие слова русского языка, как «погорелец», «сутки», которые в английском языке не имеют соответствующих лексических единиц, обозначающих данные понятия [Там же: 48]. Или же отсутствие понятия в русском языке, обозначающего «вечерние сумерки» и наличие его в башкирском языке: *эңер*.

Безэквивалентная лексика обычно заимствуется из языка в язык. Например, для английского языка безэквивалентными являются русские ключевые слова актуальной социальной тематики, поэтому их пришлось в свое время заимствовать. Так было заимствовано из русского языка впервые появившееся понятие «спутник» (в космическом смысле слова).

Если же безэквивалентное слово не заимствовано (например, из той же социальной сферы: исполком и т.д.), то его ни в коем случае нельзя выразить на иностранном языке с помощью точного соответствия, однословного перевода. В этом случае лексическое понятие приходится описывать примерно так, как это делается в толковых словарях. Если, например, русский человек встретит какое-либо безэквивалентное слово в произведениях башкирских писателей, переведенных на русский язык, то он не поймет значения этого слова. Поэтому переводчик обязан описать значение реалий и понятий.

Когда речь идет о необъяснимом отсутствии какого-то понятия в переводящем языке, то в таких случаях употребляется термин «лакуна», которая означает «пробел», «пропуск». «Говоря о семантических лакунах, – пишет А.О. Иванов, – мы имеем в виду отсутствие в переводящем языке конкретного, определенного понятия, обозначаемого в исходном языке данной лексической единицей (словом, словосочетанием), что связано с особенностями языкового членения объективного мира каждым из данной пары языков. Однако было бы неверным распространять его на всю безэквивалентную лексику. Во-первых, не все типы без эквивалентной лексики могут быть отнесены к лакунам (то есть связываться с необъяснимым отсутствием понятия), и, во-вторых, подобное объединение в одну группу различных по характеру типов лексики, каждый из которых требует своего подхода при переводе, не может быть оправдано» [Иванов, 1985: 52, 53].

Описательный перевод является основным способом перевода как семантических лакун, так и безэквивалентной лексики. Например, слово *елән* невозможно перевести на русский язык одним словом, его обязательно нужно описать:

Елән – верхняя легкая одежда на подкладке и без застёжки в виде халата без воротника; женская шьется в талию, иногда украшается монетами и вышивками; мужская – без сложных украшений.

Или слово-понятие *һөйөнсө* – примерно соответствующее понятие радость! (произносится, когда сообщается о радостном известии, за которое обычно полагается вознаграждение) и т.д.

Итак, без знания безэквивалентной лексики невозможно понять реалии и специфические слова-понятия других народов. Именно через безэквивалентную лексику мы постигаем культуру, обычаи, традиции народов (об этом подробнее в третьей главе).

§ 2. Коннотативная лексика

В последнее время особое внимание уделяется коннотативной лексике.

Близкие к безэквивалентной лексике слова, совпадающие в двух языках своими денотатами, но не совпадающие своими коннотатами, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют коннотативными [Верещагин, Костомаров, 1976: 73].

До недавнего времени коннотация понималась в большинстве случаев как эмоциональные элементы в значении слова. О.С. Ахманова дает следующее определение коннотации: «Дополнительное содержание слова или (выражения), его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [Ахманова, 1969: 203, 204].

Коннотативная лексика (кон – со; notation – значение, то есть – сознание) – лексика, имеющая, помимо лексического значения, различного рода эмоционально-экспрессивные, метафорические, символические сознания, например, дуб – символ сильного человека, а также не очень понятливого; змея – сознание хитрость, коварство; заяц – трусость, робость и т.д. Символы литературного происхождения: *мертвые души*, *Коробочка*, *Собакевич*, *лишние люди*, *маленький человек* и др.; Клен у Есенина; рябина, красное, белое, черное у М. Цветаевой [Саяхова, 2006: 23].

В современной лингвистике термин «коннотация» понимается как семантическая сущность, узуально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [Телия, 1986: 5].

Суть коннотации состоит в том, что она вносит в речь легкость и разнообразие, а в сознание говорящего – оживление, становящееся особенно привлекательным в нейтральном контексте.

Коннотация (с латинского: имею дополнительное значение) – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой

единицы узуального характера. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное, а также грамматическое осознание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим мировоззрением говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальным отношением участников речи, ее форму. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования, которое дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования.

Субъективная речевая природа коннотации противопоставлена объективному содержанию языковых единиц, ориентированному на когнитивную функцию языка.

Различия в коннотативных значениях слов объясняются, во-первых, культурно-этнографическими особенностями, присущими народам разных стран. Так, Х. Касарес в своей работе приводит примеры, когда одних и тех же животных различные народы наделяют различными качествами. Так, в испанском языке *aguila* – орел – символизирует пронизательность, в русском и башкирском смелость; *ostra* – устрица – молчаливость, в русском и башкирском языке образ отсутствует. Между тем *oveja* – овца, *vaca* – корова, *pantera* – пантера, *elefante* – слон и многие другие животные, наделенные характерными свойствами, в испанском языке не имеют никаких коннотаций. Тогда как корова в русском языке имеет отрицательную коннотацию грузной, нерасторопной, неуклюжей женщины.

Напротив, *lince* – рысь – животное, неизвестное на территории Испании, с давних времен служит для обозначения хитрой и пронизательной личности. Вместе с тем ряд коннотаций в испанском, русском и башкирском языках совпадают: например, *tigre* – тигр – символизирует свирепость. «Несомненно, что обстоятельное исследование некоторых случаев совпадения коннотативных значений слов, – считает Касарес, – обнаружило бы влияние многовековых традиций, восходящих к общеиндоевропейскому фольклору и рас-

пространившихся главным образом через басенную литературу» [Касарес, 1958: 126, 127].

Г.Д. Томахин отмечает, что различия в коннотациях объясняются и различиями в природно-климатических (экологических) условиях, что требует в процессе перевода подбора соответствующих эквивалентов с поправкой на различия. Например, *thenorthwind* – северный ветер – вовсе не вызывает у австралийца ассоциаций с прохладой и т.д. [Томахин, 1980, № 6: 49].

Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, т.е. возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный, он не подчиняется логике здравого смысла (почему, например, именно заяц труслив, а не лиса), поэтому у разных народов эталонами трусости могут быть другие животные и птицы.

Как правило, коннотации основаны на ассоциациях, идущих от слова, однако иногда они мотивированы свойствами реалий: *ихтиозавр* (об отсталом человеке), *теленочек* (о тихом, ласковом человеке), *базар* (о шумном месте), *винегрет* (о всякой смеси), *хлев* (о грязной квартире), *баня* (о всяком жарком месте), *талмуд* (об утомительном чтении) и т.д. [Маслова, 2004: 56].

Зачастую коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка, создающая картину мира. Например, в картине мира русских сочетание старый дом коннотирует негативную оценку, у англичан это сочетание имеет положительную коннотацию; *голубые глаза* (к-к-з) для киргизов – самые некрасивые глаза, почти бранное выражение, зато *коровьи глаза* (о человеческих) – очень красивые, оценка здесь основана на денотате (корове). Коннотации, таким образом, представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения [Там же].

Коннотативным значением обладают так называемые ключевые слова, то есть слова, выражающие жизненно важные понятия в культуре данного народа. Так, например, в книге «Язык и культура» (Уфа, 1995) при сопоставлении ключевых слов русских и башкирских песен отмечается: «Величественные горы, просторные степи, стремительные реки воспевают башкиры. Одним из сквозных ключевых образов природы являются горы Урал, считавшиеся колыбелью и родиной башкир, и река Агидель, с которой издавна была связана их жизнь. Особое место занимает в исторической песне образ

национального героя Салавата Юлаева. Большую роль в кочевой жизни башкир играл конь. Джигит и конь всегда рассматривались в народе как единое целое. Бесконечно количество песен, в которых ключевой образ коня представлен целым набором слов – вороной, гнедой, саврасый, рыжий, ак толпар, жеребец, кобылица, акбузат и др.» [Саяхова, 1995: 25].

Ознакомившись с работами Н.Х. Максютовой, У.Ф. Надергулова, М.М. Зайнуллина, А.А. Костина и др., мы встречаем такие слова, относящиеся к ключевому слову *конь*, как *аргымак*, *толпар*, *колон*, *юрга*, *ябага тай*, *тай*, *конан*, *конажын*, *дунэн*, *дунэжен*, *айгыр*, *байтал*, *азау айгыр*, *һәүереки* др. Следует отметить, что эти слова имеются и в нашем словаре. Н.Х. Максютова приводит также термины, обозначающие масть лошади: *кугат* – сивый имеет варианты *тимергук* – вороно-сивый, *акжук* – бело-сивый, *көңгөргүк*, *куңыргук* – буро-сивый, *карагук* – темно-сивый, *кызылгук* – сивый с рыжей гривой и с рыжим хвостом и т.д. *Ерэн* – рыжий, *колерэн* – булано-рыжий, *канерэн* – красно-рыжий, *караерэн* – рыжий с черной гривой и с черным хвостом, *сыңгызерэн*, *кукһелерэн* – сиво-рыжий, *акерэн* бледно-рыжий и т.д. [Максютова, 1985: 18 – 26]. В образовании терминов выделяются масти-доминанты, на основе которых образовались новые по структуре и семантике слова. Например, М.М. Зайнуллин выделяет такие доминанты, как *сантар* – игреневый, *бурыл* – чайный, серый, *ерэн* – рыжий, *буртә* – каракочный, *туры* – гнедой, *кола* – буланный, *буз* – серый, сивый, *кара* – вороной. К каждому слову автором дается определение [Зайнуллин, 1999: 27, 28].

Ключевые слова привлекают внимание ученых, они исследуются с разных точек зрения и в том числе с точки зрения коннотативного потенциала. Так, известно, что ключевое слово *акбузат* насчитывает около 30 названий-терминов.

Коннотации характеризуют, как правило, основные или исходные значения слов, а материализуются они в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других.

Метафоризация, словопроизводство, семантическое взаимодействие слов – это те языковые процессы, которые могут разворачиваться на основе коннотаций и в которых коннотации вещественно

себя обнаруживают. В результате этих процессов несущественный и прагматический признак исходного значения слова становится существенным и семантическим в переносном значении, во фразеологизме, производном слове. В коннотациях проявляется важный творческий аспект языка: они являются одним из потенциальных источников его семантического и лексического обновления.

Большие коннотативные возможности имеет в русском языке пласт лексики, называемый «зооморфизмы». Под термином «зооморфизм» мы понимаем лексико-семантическое единство основного номинативного варианта, соотносённых с ним образно-переносных значений и устойчивых сравнений, где данное животное предстает как эталон определенных качеств, свойств, способностей человека: *баран* – глупый, *заяц* – пугливый, *ишак* – упрямый, нагруженный работой, *лиса* – хитрый, *лошадь* – трудяга, *медведь* – неуклюжий и т.д.

Этот тип коннотации свойственен и башкирскому языку. Башкирское слово *һарык* соответствует русскому овца. Сопоставим значения этого слова по трем словарям:

Овца (һарык)		
Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1995)	БАС (в 17 т., 1950 – 1965)	Словарь башкирского языка (1993)
I	II	III
Перен. о сбившемся с правильного пути человеке	Перен. о робком безответном человеке	Перен. әңра, әңһыз кешегә карата эйтелә

Корова (һыйыр)

Перен. о толстой неуклюжей женщине; прост., пренебр.	Перен. прост. о нерасторопной, неповоротливой или неуклюжей женщине	Перен. әкрен, кулайһыз кузғалған кешегә карата эйтелә

Результаты сравнения показывают, что коннотации этих слов не совпадают, в разных языках они разные. В таких словах, как *толкө* (лиса), *суска* (свинья) коннотации слов совпадают. Например:

Лиса (төлкө)

I	II	III
Перен. хитрый, лъстивый человек (разг.)	2. Перен. о хитром, лукавом человеке, лъстеце	Перен. хэйлэкэр, ялагай кешегэ карата эйтелэ

Свинья (суска)

Перен. о том, кто поступает низко, подло (а также грубо), о грязном человеке, неряхе (разг.)	2. Перен. разг. о грязном, неопрятном чел., неряхе // о чел. с низменными привычками, невежественном, некультурном 3. Перен. разг. о человеке неблагодарном.	2. Перен. бысрак, эрпеш кешегэ эйтелэ; 3. Кэзерзе белмэй, тупас һәм алама эш итэ торған кешегэ карата эйтелэ

Таким образом, при рассмотрении зооморфизмов в словарях современного русского литературного языка мы видим колебание их авторов в выборе типа толкования. Один и тот же зооморфизм в разных словарях определяется по-разному, хотя он и употребляется в определенном значении. Это связано с тем, что коннотация – процесс динамический, изменчивый. Материалы словарей показали, что коннотативное значение не окончательно сформировавшийся феномен, а живой процесс.

Итак, коннотативная лексика – это целый пласт номинативного инвентаря языка, сравнительно недавно открытый и еще недостаточно изученный.

§ 3. Фоновая лексика

3.1. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения

Непрерывным условием речевого общения является не только владение общим для коммуникантов языком, но и наличие определенных общих знаний, накопленных до акта общения. Каждый из участников речевого акта должен обладать определенным опытом –

как лингвистическим (знание языка), так и нелингвистическим (знание об окружающем мире). Таким образом, для общения необходима, во-первых, общность языка, во-вторых, участники акта общения должны иметь определенную общность социальной истории, культуры, и, в-третьих, они должны иметь определенную речевую ситуацию, то есть конкретные условия данного акта общения. От языка зависит сама возможность коммуникативного акта, от общей социальной истории зависит содержание сообщений, от речевой ситуации – их языковая форма [Верещагин, 1969: 74, см.: Томахин, 1980, № 4: 84].

Общность социальной истории находит свое выражение прежде всего в знаниях об окружающем мире. Эти знания, присутствующие в сознании участников коммуникативного акта, получили название фоновых. По определению О.С. Ахмановой, фоновые знания – это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова, 1969: 498]. Фоновыми словами Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют слова одного языка, отличающиеся лексическими фонами от эквивалентных иноязычных слов [Верещагин, Костомаров, 1983: 75].

Фоновая лексика – слова, значение которых в разных языках совпадает, но реальное содержание различается, так как в разных культурах слова имеют свое наполнение внеязыковыми знаниями, свой лексический фон: кино, школа, театр и др. [Саяхова, 2006: 22, 23].

Наряду с фоновыми знаниями, источником которых стали явления, объекты и понятия этноцентрического характера, либо относящиеся к сфере мировой цивилизации, можно выделить и культурологическую компоненту, источником которой послужили факты социального характера, относящиеся к возрастным, профессиональным, социально-стратификационным особенностям личности.

Фоновые знания, маркированные наличием культурологической компоненты, чаще всего имеют место при использовании лексических единиц, например: the Beatles, Disneyland, a Chautauqua и т.п. Кроме того, фоновые знания могут быть инкорпорированы в структуру текста и дискурса посредством других языковых средств иной ярусной принадлежности. Ими могут стать высказывания в полной или усеченной форме, упоминания фактов истории, жизненного уклада.

Необходимо подчеркнуть разную природу источников культурологической компоненты фоновых знаний: это могут быть объекты

реальной действительности, понятия общекультурной отнесенности, имеющие широкое хождение в данном культурно-языковом ареале, понятия и явления этноцентрического характера, феномены лингвистического порядка, представления, связанные с объектами или фактами объективной действительности. Соответственно культурологический компонент фоновых знаний сопряжен прежде всего с единицами лексической системы, однако может локализовываться и на других уровнях языковой системы, реализуясь в виде высказываний, СФЕ и текстов [Иванова, 2004: 55, 56].

По В.Я. Шабес, фоновые знания делятся на: 1) индивидуальные, коллективные и социальные; 2) светские, ненаучные, научные и художественные; 3) типизированные (коллективизированные) и уникальные (единичные); 4) тривиальные и нетривиальные [Шабес, 1989: 175].

Фоновые знания, необходимые для участия в коммуникации с носителями культурно-языкового кода, чаще всего являются по своему характеру социальными или коллективными. По отнесенности к сфере действительности фоновые знания могут быть и светскими и не/научными и художественными. По групповой принадлежности фоновые знания с культурологической компонентой относятся к коллективизированным, то есть типичным фоновым знаниям, в отличие от уникальных (единичных). Этот факт вполне объясним, так как культура объединяет группы людей, это феномен социального порядка. По отнесенности к характеру объекта фоновые знания могут быть тривиальные и нетривиальные. Если последние могут получить объяснение в процессе коммуникации, то первые являются неотъемлемым атрибутом, характеризующим знания о мире языковой личности – носителя данного культурно-языкового кода. Они не находят объяснения непосредственно в процессе коммуникации, так как относятся к общему фонду знаний о мире данной национально-культурной общности. Соответственно их незнание может оказаться серьезным препятствием при осуществлении коммуникации. Следовательно, методической задачей может стать выявление таких языковых единиц, которые скрывают в себе культурологическую информацию. Они должны стать обязательным элементом страноведческого компонента содержания обучения [Иванова, 2002: 87].

По мнению Г.Д. Томахина, фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения. По сфере распространения они могут быть разделе-

ны на: 1) общечеловеческие знания (например, всем без исключения людям известны солнце, ветер, рождение, время и т.д.); 2) региональные сведения (не все жители тропиков, например, знают, что такое снег); 3) сведения, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности (нации); 4) сведения, которыми располагают только члены локально (жители данной местности) или социально замкнутой группы – в языковом плане это соответствует территориальным и социальным диалектам (например, названия местных географических объектов и связанные с ними ассоциации); 5) сведения, которыми располагают только члены данного микроколлектива: такие, как семья, учебная или производственная группа и т.п. (например, прозвища, известные лишь небольшому кругу людей: ассоциации, связанные с историей данного микроколлектива: происшествия, не выходящие за его пределы) [Томахин, № 4, 1980: 86].

В процессе общения несомненно присутствуют все типы фоновых знаний, из которых складывается круг знаний коммуникантов. Конечно, знания каждого из них отличаются друг от друга, и говорящие обычно стремятся с самого начала определить общий для них уровень знаний и затем интуитивно учитывают его.

Изменение адресанта высказывания заметно отражается и на форме речи, и на ее содержании. Фоновые знания являются определяющим фактором и в выборе языковых средств, и в использовании в речи реалий действительности.

Иногда фоновые знания понимаются в узком смысле – как только те знания, которыми располагают оба коммуниканта, то есть знания, общие для участников коммуникативного акта. Но в таком случае под это определение не попадают знания, которыми различаются коммуниканты, принадлежащие к различным культурам, а роль этих знаний велика, и отсутствие их зачастую служит помехой в адекватном восприятии речи.

Основным объектом лингвострановедения являются фоновые знания третьего типа, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности. Эти знания связаны с национальной культурой. Более того: они, с одной стороны, являются частью национальной культуры, а с другой – они суть ее производное. Эти фоновые знания, свойственные членам определенной языковой общности и отсутствующие у иностранцев, получили название страноведческих [Верещагин, Костомаров, 1976: 210].

Страноведческие фоновые знания – это не просто всякие знания о стране, а те фоновые знания, которые в противоположность общечеловеческим и региональным характерны только для жителей определенной страны, для всех жителей этой страны и, безусловно, отсутствуют у иностранцев [Верещагин, 1969: 74, 75], если, конечно, иностранцы специально не занимались изучением культуры этой страны.

Страноведческие фоновые знания составляют предмет лингвострановедения, то есть такого обучения иностранному языку, при котором ведется обучение элементам культуры народа – носителя этого языка, когда в процессе обучения язык выступает не просто как набор формальных средств, а как часть культуры, когда плану содержания уделяется не меньшее внимание, чем плану выражения.

Только владение страноведческими фоновыми знаниями позволяет участникам коммуникации добиваться полного взаимопонимания. Поэтому «обучение страноведческим фоновым знаниям должно быть неотъемлемой частью обучения иностранным языкам, оно не менее важно, чем обучение языковым средствам. Эти фоновые знания включают систему мировоззренческих взглядов, господствующих в данном обществе, этических оценок, эстетических вкусов, нормы речевого и неречевого поведения и – самое главное – большую часть знаний, которыми обладают все члены общества» [Томахин, 1980, № 4: 85].

Страноведческие фоновые знания образуют часть того, что социологи называют массовой культурой, то есть они представляют собой сведения, безусловно известные всем членам национальной общности. Эти фоновые знания как элемент массовой культуры разделяются на актуальные фоновые знания и фоновые знания культурного наследия. Граница между ними всегда условна: то, что было всем известно вчера, нередко перестает быть актуальным сегодня и переходит в разряд знаний культурного наследия.

Преходящий характер, недолговечность некоторых фоновых знаний, актуальных в данное время, вполне очевидны, однако они могут обладать такой популярностью и такой массовостью, хотя бы и на короткое время, что приобретают характер неотъемлемой части национальной культуры. Например, *реформа, приватизация, гласность, коррупция, организованная преступность, горячие точки, Чечня* и др. в наше время.

Показателем актуальности в массовом сознании того или иного элемента культуры является его использование в публицистике и особенно художественной литературе. Фоновые знания используются не только для создания образности художественного произведения, но и составляют основу литературных аналогий, иносказаний, подтекста, пародий, мнимых алогизмов, намеков, эзопова языка, параллелей, локального колорита, а также исторической «привязанности» текста [Там же: 86].

Фоновые знания формируются в процессе обучения. Однако изучение школьных программ и школьных учебников еще не дает полного представления о том, из чего складывается страноведческий фон среднего представителя данной национальности. Необходимо обратиться к литературным персонажам, героям фольклора. Роль литературы в формировании фоновых знаний представителя любой национальности очень велика. Она выполняет не только эстетическую функцию, но и является богатейшим источником для страноведения, дающим оптимальную сумму разнообразного материала. Недаром Белинский назвал поэму «Евгений Онегин» энциклопедией русской жизни [Бабович, 1979: 9].

Освоение национальной культуры имеет место в процессе воспитания детей. Оно происходит и в том случае, когда уже сложившийся человек попадает в условия новой для него национальной культуры. В этом случае происходит аккультурация, то есть процесс усвоения личностью, выросшей в условиях культуры А, элементов культуры Б. При этом человек сохраняет и элементы родной культуры [Верещагин, Костомаров, 1990: 26].

Взаимосвязь культуры и языка остро ставится в методике преподавания иностранных языков. Но в региональных условиях поликультурной среды Башкортостана не менее остро этот вопрос стоит как при обучении русскому языку нерусских обучающихся и прежде всего башкир, так и при обучении русских детей башкирскому языку. Взаимопонимание народов возможно лишь при вхождении в культуру народов, живущих в тесном контакте.

Для отбора фоновых знаний необходимо описание тех культурно-страноведческих знаний, которые свойственны среднему представителю данной культуры. Если изучить все знания, имеющиеся у среднего башкира, русского, американца, француза и т.д., то результатом явилась бы настоящая энциклопедия, написанная самим народом.

В какой-то мере этому изучению способствуют ассоциативные методы, результатом которых являются ассоциативные словари, «выведанные у народа» (Ю.Н. Караулов) (см. об этом методе в §4).

3.2. Классификация фоновой и безэквивалентной лексики

Безэквивалентные и фоновые слова фиксируют все самое существенное в прошлом и настоящем народа, все его достижения на многовековом пути развития, его взгляды, оценки, суждения. Если определенная информация закрепилась в языке, то она признана всеми. В этом убеждает классификация безэквивалентной и фоновой лексики. Она может быть синхронной и исторической. Однако возможен смешанный вид разделения лексики – генетические основания классификации сочетаются с тематическими. Именно такую классификацию русской фоновой лексики провели Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (1990).

Авторы выделили и кратко прокомментировали семь групп слов, наделенных национально-культурной семантикой.

1. Советизмы, то есть слова, выражающие те понятия, которые появились в результате коренной перестройки общественной жизни в стране после Октябрьской революции. Советизмы повествуют об общественно-политическом устройстве нашего государства: Верховный Совет, Совет Союза, Совет Национальностей, Совет Старейшин, агитпункт.

К советизмам относятся слова, связанные с трудовыми буднями советского народа: производственное обучение, производственное собрание, ударник, выполнение плана, профилакторий, заводская поликлиника, детский сад и т.д. Они же говорят о праздниках: праздник Великого Октября, Первое мая, Восьмое марта, День учителя и т.д.; о труде крестьянства: колхоз, совхоз, правление колхоза, сельский клуб, приусадебный участок и т.д. Это наименования советских, партийных, общественных организаций и их функций: исполком, райсовет, сельсовет, райком, ДСО и т.д.

2. Слова нового быта тесно примыкают к советизмам: парк культуры и отдыха, смотр художественной самодеятельности, «Вечерка»; газик, «Волга», ГАИ, КамАЗ; вечер вопросов и ответов, лекция-концерт; зачетка, неуд, третий семестр; выходной день; субботник, воскресник, массовка; Дворец бракосочетания, загс и т.д.

Интересно связанное с новым бытом переосмысление старых слов: заведующий, звеньевой, пионер, вожатый, актив, маяк, ясли (детские), староста, самодеятельность, товарищ, гражданин и т.д.

Среди новых слов, отражающих современный быт, немало всевозможных сокращений: прораб, сельпо, агитпункт, горсовет, медсе-стра, хозрасчет и т.д.

Большинство слов перечисленных групп заимствовано языками народов СССР, башкирским языком в частности. Эти слова, наряду с интернационализмами, вошли в общий фонд языков народов нашей страны, объединенных условиями общественной жизни.

Следующие группы слов отражают национальную культуру русского народа и являются для других языков безэквивалентными. Это:

3. Наименования предметов явлений традиционного быта: щи, рассольник, борщ, кисель, пирожки, холодец; папиросы; сорочка, передник, шапка-ушанка, валенки; городки, русские шашки, лапта, жмурки; баян, гусли, балалайка, гармошка; барыня (танец), трепак, хоровод, частушки; чайная, закусовая; изба, форточка, сени, коса, сноп, оглобли, тройка, розвальни и т.д.

4. Историзмы, то есть слова, обозначающие предметы и явления предшествующих исторических периодов, например, сажень, аршин, верста, фунт, пуд; лапти, кафтан, кушак, армяк, соха; волость, уезд, губерния, земство и т.д.

Многие историзмы относятся к исчезнувшим общественным понятиям, традициям, реалиям; оброк, барщина, помещик, крепостной, бурлак; боярин, дума, дворянин, усадьба; стрелец, дружина, воевода; кириллица, глаголица, уставное письмо; городничий, предводитель дворянства, городской, вече, челобитная; разночинец, народоволец; нэп, кулак, раскулачивание и т.д.

5. Лексика фразеологических единиц: узнать всю подноготную, турусы на колесах, коломенская верста, бить челом, бить в набат и т.д.

6. Слова из фольклора: добрый молодец, красна девица; не по дням, а по часам; суженый; судьбина; кудесник; Снегурочка, чудю-юдо, русалка, баба-яга, Кошей (Бессмертный), жар-птица; в тридевятом царстве, в тридесятом государстве; молочные реки, кисельные берега; нечистая сила; домовой, леший, водяной, оборотень и т.д.

7. Слова нерусского происхождения; так называемые тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т.д.: тайга, базар, аркан, тубетейка,

папах, кубанка, изюм, вареники, балык, инжир, пельмени, плов, шашлык; арба, чайхана, минарет, мечеть, аул, аксакал, саксаул, бай, пиала, калым, орда, кумыс и т.д. Эти слова как бы вдвойне безэквивалентные для изучающих русский язык: чтобы иметь о них представление, нужно иметь минимальные знания о культуре того народа, у которого они заимствованы [Верещагин, Костомаров, 1990: 46 – 50].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров рассмотрели всего семь генетических пластов безэквивалентной и фоновой лексики. Отметим, что безэквивалентная лексика, по данным Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, составляет 6, 7 % от общего количества активно употребляемых русских слов. Хотя число таких слов не очень велико, но они отражают самое существенное, самое важное в культуре народа.

Опираясь на приведенную классификацию, мы попытались провести классификацию безэквивалентной и фоновой лексики башкирского языка. Были выделены следующие группы слов:

1. Слова нового быта. К этой группе можно отнести те слова, которые существуют с давних пор, но до наших дней не употреблялись, а начали употребляться сравнительно недавно, иногда вместо, иногда параллельно словам, заимствованным из русского языка: *рэйес* (председатель), *табиб* (врач, доктор), *иктисад* (экономика), *сәйәсәт* (политика), *сәнәгәт* (промышленность), *ихтилал* (восстание), *имтихан* (экзамен), *фиркә* (партия), *мәзәниәт* (культура), *мөхәррир* (редактор).

К этой группе слов можно отнести также слова и словосочетания современной жизни: *йәнһүрәт* (мультфильм), *яктырткыс* (светильник), *һүндәргес* (выключатель); *касаба* (поселок); *королтай* (курултай), *һүз ирке* (свобода слова), *матбугат ирке* (свобода печати); *кәһүә* (кофе); *дәфнә япрагы* (лавровый лист); *мәрәй* (очко) и т.д.

2. Слова наименования предметов и явлений традиционного быта: *катык*, *кымыз*, *бәләш*, *бишбармак*; *йәшенмәк*; *кумыз*, *курай*; «*Ете кыз*», «*Перовский*»; *аласык* и т.д.

3. Историзмы: *даруга*, *кантон*, *бот*, *сабата*, *тархан*, *бей*, *әзернә*, *барымта*, *турә*, *карымта* и т.д. Многие из них обозначают устаревшие традиции, реалии.

4. Слова из фольклора: *батыр*, *йыл үсәнен ай үскән*, *ай үсәнен көн үскән*, *һыу эйәһе*, *шүрәле*, *үзе бер карыш*, *һакалы мең карыш*, *камыр батыр*, *һигез* (ун ике) *башлы дейеү пәрәйе* и т.д.

Итак, мы рассмотрели классификацию фоновой и безэквивалентной лексики башкирского языка. В результате пришли к выводу о том, что эти пласты лексики требуют углубленного изучения как с точки зрения происхождения, так и функционирования в языке, то есть в диахронном и синхронном аспектах. Наша попытка создать словарь безэквивалентной лексики башкирского языка – первый шаг к углубленному изучению этого пласта лексики в башкирском языкознании.

§ 4. Ассоциативный эксперимент как способ выявления лексикона личности (на материале башкирского и русского языков)

Произнесенное или прочитанное слово вызывает у человека целый ряд ассоциаций. Среди этих ассоциаций влияют в памяти слова: слово вызывает словесные ассоциации. В словесных ассоциациях закрепляются связи между словами, характерные для данного языка, которые характеризуют особенности значения слова и его употребление.

Знать устойчивые ассоциации важно для того, чтобы разобраться в особенностях семантики слов в данном языке, чтобы понять, чем отличаются ассоциации у носителей одного языка от ассоциаций носителей другого языка, а также – что в них общего. Данные об ассоциациях интересны не только для лингвистов, но и для психологов, социологов, литераторов, психиатров и т.д.

Работу с информантами можно провести в форме опроса и ассоциативного эксперимента. Опрос – это путь, которым следуют диалектологи, когда им нужно получить толкование лексического понятия (некоторого неизвестного в литературном языке местного слова). В ответ на вопрос типа *Что такое ветошь?* информанты перечисляют понятийные СД (семантические доли). Опрос – метод получения сведений, широко используемый в этнографии [Итс, 1974, см.: Верецагин, Костомаров, 1980: 27].

Второй тип эксперимента – ассоциативный. Ассоциирование – сложный психологический процесс, связанный с широкой системой связей, отображающих ситуации, эмоциональные состояния, представления, ощущения, комплексы образов предметов, действий,

понятий и слов, которые встречались человеку в его опыте [Залевская, 1978: 33].

Сущность ассоциативного эксперимента «состоит в том, что испытуемым предлагается в ответ на тот или иной словесный стимул выдать первую пришедшую в голову» словесную реакцию» [Титова, 1975: 56].

Установление ассоциативных связей слова производится экспериментально. Наиболее надежным является свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого испытуемые дают на заданное слово-стимул один ответ – словесную реакцию. В мировой практике принято проводить такие эксперименты с несколькими сотнями, с тысячами испытуемых.

Национально-культурная специфика вербальных (словесных) ассоциаций прослеживается и при сопоставлении признаков, названных носителями разных языков. Так, например, французы, немцы, поляки ассоциируют значение слова *кислый* с лимоном, для русских, белорусов и украинцев актуальным в этом случае оказывается борщ, а для киргизов – айран и кумыс [Язык и культура, 1995: 131]. У немцев слово *желтый* вызывает образ лимона, у американцев, казахов и киргизов ассоциируется с маслом, у узбеков – с просом. Эталоном белого цвета у узбеков является хлопок, у русских – снег, у казахов и киргизов – молоко. Так, например, в реакциях на слово *белый* нетрудно заметить, как отражается русская история и культура: Белая Русь (Беларусь), белый лебедь, белый свет (фольклорные образы), белая ворона (отличающийся чем-нибудь от других), сказка про белого бычка, белый гриб, белые мухи (снег), белые ночи (на севере июньские дни), белый уголь (электроэнергия), белая армия (историческое понятие), люди в белых халатах (о врачах), Белый пароход (Ч. Айтматов), Белые одежды (В. Дудинцев) [Саяхова, 2006: 24].

Впервые в мировой практике «Киргизско-русский ассоциативный словарь» Л.Н. Титовой вводит в оборот материал языка, принадлежащего к тюркской группе. В словаре даны устойчивые ассоциации на 140 слов, полученных от тысячи испытуемых киргизов и пятисот испытуемых русских. В нем даны не просто переводы киргизских устойчивых ассоциаций на русский язык, но полученные в максимально близкой среде ассоциации носителей русского языка. Словарь сыграл определенную роль в сопоставлении описания ассоциации. Приведем словарные статьи для сравнения в полном объеме.

Киргизск. *чал*: кемпир старуха 274; кары стареть 174 (в т.ч. карыган 93, карган 29), картан староватый 108; абышка старик 69; аксакал седебородый; келди пришел 18; кайраттуу энергичный 17; киши человек; сакал борода 14; акылдуу умный 10.

Русск. *старик*: седой 71; старуха 51; борода 41 (в т.ч. с бородой 8); дряхлый 32, старый 24; дед 16; здоровый, мудрый 15; море 12 (в т.ч. и море 6); бабушка, Хоттабыч 9; бабушка, больной, древний, седина 7; молодой, топор 6; мудрость, старушка, хромо́й 5.

Словарь Л.Н. Титовой дает возможность ощутить национальную специфику в реакциях на одно и то же слово русских и киргизских студентов. Например, в словарной статье *чал* – старик в стимуле *чал* у студентов-киргизов большой вес имеет реакция, подчеркивающая мудрость, уважение к старикам. В реакциях русских больше подчеркивается старость, немощность.

Для примера возьмем еще слово *ай* (луна).

Киргизск. *ай* (232) кун день, солнце 168, жарык свет, светлый 159, чык всходить 100, сулуу красивый 45, жанырды народился, начался 36, тегереккрут, тун ночь 25, жылдыз звезда 19, карангы темно, темнота 14, корунду показался, сонун хороший, тийди коснулся, толук полный 11;

Русск. *луна* (115), желтая 68, ночь 49, светит 46, месяц 25, круглая 24, полная, солнце 19, большая, небо 14, свет, светлая 13, яркая 12, огромная 11, звезды 10, бледная, земля, круг, планета 6.

В книге «Язык и культура» приводятся также результаты ассоциативного эксперимента со словом *луна* с испытуемыми башкирами и русскими. Ассоциации в русском языке:

Луна – полная (4), ночь (3), холод (3), звезды (2), месяц (2), полнлуние (2), зима (2), мороз (2), волк (2).

Остальные слова названы по одному разу. Здесь можно увидеть ассоциации, отражающие связи слова луна: словообразовательные (лунный, лунатик, луноход); синонимические (луна – месяц, полумесяц); сочетаемостные (яркая, круглая и т.д.), тематические (светило, звезда и т.п.); ассоциации, навеянные представлениями обыденного сознания о космическом пространстве и его изучении (вселенная, небесные светила, светящийся шар на небе, что-то близкое на небе; спутник, луноход, астронавт); ассоциации, связанные с литературой, искусством («Сказка о царе Салтане», «В ночь лунного затмения» М. Карима, Лунная соната Бетховена); разные эмоциональные,

ситуативные ассоциации: (страх; кладбище, смерть, любовь, ночь, тишина, радость, детство, фонари, сказка, елка, песня, народные приметы, красавица, молодая девушка) и др. Отмечается, что в сознании опрошенных нет различия между словом *месяц* и *луна*, они выступают как разные наименования одного и того же понятия, причем реципиент даже не замечает, что это разные слова (например, приведены строки: «месяц под косой блесит, а во лбу звезда горит», хотя словом-стимулом было слово *луна*, а не *месяц*) [Саяхова, 1995: 38, 39].

Ассоциации в башкирском языке: *Ай тулган* (полная луна) (3), *төн* (3), *кар* (снег) (2). По одному разу: *йыл мизгелдәре* (времена года), *дүрт азна* (четыре недели), *ай азагы* (конец месяца), *йәйге айзар* (летние месяцы), *төн* (ночь), *яктылык* (свет), *һыуык* (холод); *йондоз* (звезда), *һауа* (воздух), *матурлык* (красота), *юл* (дорога); *ай кызы* (лунная девушка), Айнур, Айзар, Айһылыу, Зөһрә, девушка, идущая на луне по-воду, ведра на коромысле, длинная коса.

Здесь отмечается влияние того фактора, что слово *ай* в башкирском языке имеет и значение временного отрезка (календарный месяц); приведены личные имена с компонентом *ай*: *Айгөл*, *Айһылыу*, *Айзар* и др. Встречается и ассоциация из области веры – айкак символ мусульманской религии.

«Безусловно, делать какие-либо достаточно обоснованные выводы на столь ограниченном материале невозможно, но все же некоторые наблюдения позволяют предположить, что метод ассоциативного эксперимента является одним из эффективных способов выявления национальной специфики языковой картины мира» [Саяхова, 1995: 38, 39].

В 1977 году вышел «Словарь ассоциативных норм русского языка» под редакцией А.А. Леонтьева. Словарь включает в себя 500 словарных статей (слова-стимулы отобраны по частотному принципу).

В словаре, во-первых, отражаются субъективно наиболее частые семантические (парадигматические) связи слов, и, следовательно, учащийся, а также преподаватель, методист и т.п. могут ориентироваться на наиболее частые реакции, ясно представить себе место слова в «семантическом поле», степень его близости к другим словам и характер отношения между ними.

Во-вторых, в нем отражаются наиболее важные семантические связи слов и прежде всего – наиболее близкие для сознания носителя языка сочетания, например, фразеологизмы.

В-третьих, этот словарь индексирует наиболее характерные семантические связи, упирающиеся в особенности русской культуры и вообще страноведческую проблематику, которые не отражаются в обычных словарях и усваиваются, как правило, лишь в процессе многолетнего речевого опыта.

На основе массового ассоциативного эксперимента был создан ассоциативный тезаурус современного русского языка: «Русский ассоциативный словарь» в четырех частях, авторами которого являются Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Книги 1, 3 прямые словари (от стимула к реакции). В словаре отражены ассоциативные поля 700 исходных слов и 350 словоформ (вторая тысяча наиболее частотных слов из Частотного словаря русского языка (под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977)) и несколько рядов идеографических синонимов. В целом в словаре представлено 1300 стимулов, на каждый из них получено по 500 ответов от студентов разных специальностей.

Во 2-й, 4-й книге «Русского ассоциативного словаря», от реакции к стимулу, входом служат реакции, полученные в результате опроса испытуемых теперь уже на втором этапе ассоциативного эксперимента. Такое представление ассоциативно-вербальной сети позволяет прежде всего очертить круг активно используемых современными носителями русского языка слов и словосочетаний, то есть оптимальный для повседневного общения лексикон, выделив в нем наиболее употребительные (частотные) речевые единицы. Эта информация полезна прежде всего для преподающих и изучающих русский язык.

В отличие от системных, лингвистических словарей язык дан здесь в предречевой готовности, так как он организован в голове (сознании) человека. В ассоциативном словаре отражается языковая системность лексики, зафиксированная в словарях (например, *поле*: пшеничное, футбольное, поле боя, поле деятельности, поле зрения, электрическое) и в то же время отражается когнитивный план – внеязыковые знания (Куликово поле, Русское поле, поле чудес и т.д.). Отражаются синонимические, антонимические, тематические связи (луг, равнина, лес и т.п.), представлена богатая фразеология (жизнь прожить – не поле перейти и др.).

В башкирском языкознании этот ассоциативный метод исследования лексики не стал пока объектом специального исследования.

Нами впервые в башкирском языкознании предпринята попытка провести ассоциативный эксперимент.

Испытуемыми являлись студенты третьего курса факультета башкирской филологии и журналистики (78 человек) и третьего и четвертого курсов филологического факультета (50 человек) в возрасте 19 – 21 года Башкирского государственного университета.

Эксперимент был ненаправленным. Студентам называлось слово, и они должны были в отведенное время (15 минут) написать все те слова, которые ассоциировались у них с этим словом (то есть всплывали в их языковом сознании). Затем проводилась статистическая обработка ответов по каждому слову. И в конце давался комментарий.

В основе выбора реципиентов лежали два соображения:

1) возможность получить сведения о влиянии на языковое сознание будущей специальности по образованию;

2) о прогнозировании развития сознания студентов, которые в ближайшие годы будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества.

В качестве стимула для студентов-башкир мы взяли слова *ак*, *акһакал*, *язмыш* и эквиваленты этих слов для русских студентов: *белый*, *аксакал*, *судьба*. *Аксакал* – это слово-реалия относится к безэквивалентной лексике башкирского языка. Но мы убедились в том, что не только безэквивалентная лексика дает специфическую картину мира, но даже те слова, которые являются общими. Здесь проявляется специфика фоновых и коннотативных ассоциаций слов.

Данные эксперимента оформлялись следующим образом: вначале следует заголовочное слово-стимул, выделенное жирным шрифтом, за ним слова-ассоциаты, слова-реакции на этот стимул, расположенные по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции, если только оно имеет данную частоту встречаемости в ответах испытуемых или указывается в конце группы слов-ассоциатов с одинаковой частотой, и они отделяются от последующих ассоциатов точкой с запятой, а внутри этой группы реакции-ответы даны через запятую.

Приводим материалы эксперимента с указанием частоты слов.

Ак (белый): *бәхет* 61; *тәс* 46; *кар* 45; *һөт азыктары* 29; *һөт* 27; *аккош* 26; *сафлык* 25; *юл* 22; *сәскә* 14; *тазалык* 13; *кайын*, *болот* 11; *йөзлө (йөз)* 10; *кагыз* 9; *акбур*, *икмәк*, *кулдәк* 8; *акбаиш*, *сәс*, *күңел*, *Актырнак* 7; *шәкәр*, *йорт*, *таиш* 6; *пак*, *аксарлак*, *мамык* 5; *хыял*,

кымыз, мизгел, муйыл сәскәләре, ап-ак, Акмулла, Акташ (ауыл), тыныслык, Актүш, изгелек 4; шатлык, якшылык, куян, Акъяр, Актирмә, Акбузат, Башкортостан флагының бер төсө, Акселән, акман-токман, күгәрсен, акһакал, мейес, киләсәк, яктылык, азык 3; тоз, мунса, кейем, Агизел, уй, кефир, бала сак, актамыр (үлән), аклык, теләк, стена, ак төшкән (күз ауырыуы), сал сәс, кеше, яуган кар бөртөктәре, таза, тыныс тормош, өмөт, йылга, быйма, бүре, айыу, туй күлдәге, мосолмандар төсө, якты көн, тукыма, «...Актан-ак, пактан-пак мизгелдәр, килһендәр...», нур, донъя, төсһөз, акһөйәк, матурлык, батша, актан өзмәһен (азыктан, һөттән), паклык, язмыш, акһым 2; Акбай, ак калтак, канат, сәләмәтлек, туңдырма, әсәй, туй, инәй, тормош, вәгәзә, бабай, каз, он, актирәк (уйын), түбә, һагыз, сабий, шишмә, кыш, һыу, актан-ак, пактан-пак, баш, көрт, әсәй һауып иңдергән йылы һөт, кофта, эскерһез, керһез, күңеле саф, матур, көн, таза, дуслык, томан, туғанлык, душлашыу, балык, шигыр, күрәсәк, күк йөзө, дәфтәр битө, төштә ак төс якшыга, йомшак, йыр, донъялағы бөтә якшылык, кара, сәйәхәт, мәсет, дин, «ак карзағы кара гүмерзәр», ак көндәр бәхетле көндәр, бәпес, фекер, кышкы урман, «Ак пароход» (С. Айтматов), батыр, альпакыс, кокос, драматургия, тыныс қояшы көндәр, аң-белем, уй, роза, ромашка, кылган, һауа, акһыл, төп сифат, Акбүре (ауыл), «Ак болан» (әкиәт), яулык, Аккош күле, Акбейек (тау), акса, ашъяулык, простыня, гәйенһез, тап, укымышлы, аклану, ак-кара күрмәй сабыу, ныклы, куркыузан йөзө ак кағыз бителәй булды, һөттәй ак, актан-пак, Акморон, балдык, күл, һарык, бәйләүес, акты ергә түгергә ярамай (һөт), һакал 1.

В эксперименте мы видим ассоциации, отражающие следующие связи слова *ак* (белый):

- 1) словообразовательные: *актамыр, аклык, акһым, актирәк* и т.д.;
- 2) синонимические, антонимические, тематические отношения: *ап-ак, төс, якшы көн, төсһөз, паклык, пак, эскерһез, керһез, күңеле саф, матур, таза, кара, аң-белем, қояш* и т.д.;
- 3) ассоциации, связанные с литературой: «*Ак пароход*» (С. Айтматов), «*Ак болан*» (әкиәт);
- 4) различные эмоциональные, ситуативные ассоциации: *бала сак, туй күлдәге, туй, дуслык, сабий, бәпес, роза, ромашка* и т.д.;
- 5) цитаты из литературы: «...*актан-ак, пактан-пак мизгелдәр килһендәр...*», «*ак карзағы кара гүмерзәр*»;

6) ассоциации, связанные с топонимикой: *Акташ (ауыл), Акъяр, Агизел, Акбуре (ауыл), Аккош (кул), Акбейек (тау) Акморон, Акселән;*

7) ассоциации, связанные с названиями животных и птиц, в том числе словообразовательно: *аккош, Акбаш, Актырнак, аксарлак, Актүш, буре, айыу, каз;*

8) логические сочетания: *һөт, кар, сәскә, икмәк, күлдәк, шәкәр, мамык, стена, туңдырма и т.д.*

Отмечается, что слово *ак* (белый) ассоциируется в языковом сознании башкир прежде всего с логическими сочетаниями, с ассоциациями, связанными с топонимикой, с названиями животных. Но только по два примера ассоциаций, связанных с литературой и цитатами. Но зато это слово сочетается с такими словами, как *бәхет, сафлык, юл, тазалык.*

Акһакал (аксакал): *оло карт кеше 45; ақыллы 27; хөрмәтле (ихтирамлы) 21; күпте күргән кеше 20; беләмле 16; карт, кәңәш биреүсе 11; абруйлы, бик күпте белеүсе, һәр вақыт яқиш кәңәштәр биреүсе 9; ақыл эйәһе, сәсэн, тормош тәжрибәһен туулаған кеше 8; сал сәсле 6; ил карты, Акмулла, ил ағаһы, етәксе, кеше 5; башкорт, йыйын, донъя күргән, һүз остаһы, олатай, күпте кисергән кеше 4; ил атаһы, ырыу башлығы, китап, қобайыр, укымышлы, ырыузың иң оло тәжрибәле кешеге, бабай 3; гилемле, галим, ихтирамға, хөрмәткә лайык, халык ақылын үзәндә дөйөмләштереүсе, һакал, тапқыр һүзәр, өлкән йәштәге бөтә кешеләр ихтирам иткән кеше, бөтә нәмәне белгән кеше, донъяның әсеһен-сәсәһөн татыған, кәбилә башлығы, эштең рәтен белгән кеше, тирмә, тормош, өгәт-нәсихәт, мейес, йор һүзле, зирәк, укытыусы, ауыл акһакалы, озакйәшәр, акһакаллы карт, төллө фекер йөрөтөүсе, ил акһакалы, хәтерләү, изге, ак һакаллы, тормош (донъя) күргән 2; башлы, башлык, һүзе үтерзәй, тыңлата белерлек, оло йәштәге ырыу карты, өйрәтеүсе, королтай, олпатлык, зур ақыл кеүәһе, алдыңғы карашлы, заман менән бергә атлаусы кеше, ирекле фекер йөрөтөүсе, халык педагогикаһын тәрән үзләштергән кеше, донъяға, кешеләргә үзенең шәхси карашы, мөнәсәбәте булған кеше, юғары белемле, гүмерен белемгә арнаған кеше, ауылдың иң изге оло кешеге, күпте күрәп, күпте белгән атай-олатай, қор, башкорт милли традициялары, йолалар, халык ынйылары, мәкәл, әйтәмдәр, милли колорит, милли ұзан, йәшбыуын, милләт, өлкән йәштәге бөтә кешеләр ихтирам иткән ир кеше, ауыл карттары, ойошманың, төркөмдөң иң өлкән,*

һаләтле кешеһе, ак сәсле, тормош тәжрибәһе менән уртаклаша, яғымлы, йомарт, мактауга лайыҡ, яуаплы, үземдең картатайым, халыҡ аҡылын туплаган тос фекерле, яҡшылыҡка өндәүсе, донъяны яҡшы белгән кеше, картлас, ойошма, рәйес, оло йәштәге нәсихәт биреүсе, гәзел кеше, советник, тапҡыр һүҙле, намыс, остаз, мондолина, кымыз, зур табын, ат сабышыу, ялан, аттар, восстание, восстание башлыҡтары, ауылдарҙы яндырыу, кағыз, имән, кояш нурҙары, йылға, дәрәслекте яклаусы, йөзйәшәр, думбыра, тарих, таяҡ, үлән, ауыл, бәләкәй буй, образ, ултырғыс, йәйләү, шағир, языусы, мәғрифәтсе, әхлаҡ, шәхес, шиғырҙар, әкиәттәр, ярзамсы, йыйын аҡһакалы, сал һаҡаллы, ололоу, кәңәшенә қолаҡ һалыу, изгелек, ауылдың кәзерле кешеһе, зур, изге күңелле, оло кешеләр хөрмәт иткән кеше, илдә берәй афәт тыуғанда ил алдындағы мәсьәләне сисеүсе, үз заманына күрә белемле кеше, әҙәбиәтебез аҡһакалы, мулла, бәхетле көн итеү, башлыҡ, ил башлығы, тормош күргән, күп йәшәгән, сал 1.

В полученных ассоциациях можно отметить ассоциации, отражающие:

1) синонимические, антонимические, тематические отношения: *карт, олатай, ғалим, Ақмулла, картлас, башлыҡ, сәсэн, укытыусы, өйрәтәүсе, рәйес, ойошма, башҡорт, шағир, мәғрифәтсе;*

2) разные эмоциональные, ситуативные ассоциации: *йыйын, кобайыр, өгәт-нәсихәт, кор, мәкал, әйтәм, восстание, королтай, ауылдарҙы яндырыу;*

3) логические сочетания: *яғымлы, йомарт, хөрмәтле, яҡшылыҡка өндәүсе, белемле, ғилемле, ак һаҡаллы,*

Отметим, что слово *аҡһаҡал* (аксакал) в сознании башкир ассоциируется с символом гордости, восхищения, уважения. Для башкир аксакал представляется как самый мудрый, начитанный, праведный, честный, порядочный, всезнающий человек, старейшина рода, к которому идут за советом. Например: *аҡыл әйәһе, абруйлы, ил карты, етәксе, ил атаһы, хөрмәткә лайыҡ, бөтә нәмәһе белгән кеше, кәбилә башлығы, йор һүҙле, зирәк, төплө фекер йөрөтөүсе, зур аҡыл кеүәһе, гүмерен белемгә арнаған кеше, бөтә кешеләр ихтирам иткән ир кеше, ойошманың, төркөмдөң иң һаләтле кешеһе* и т.д.

Эти выводы подтверждаются проведенной нами семантической классификацией слов-реакций на стимул аксакал в башкирском и русском языках.

Классификация полученных реакций-ответов на стимул аксакал позволяет выявить семантические компоненты значения слова, а также его тематические, ситуативные и прочие связи, то есть позволяет представить семантико-психологическую структуру слова в языковом сознании русских и башкир. Приведем компоненты психологической структуры слова аксакал в башкирском языке:

1. Старость: *оло карт кеше, карт, сал сәсле, ил карты, олатай, ырыузың иң оло тәжрибәле кешеһе, ак һакаллы карт, оло йәштәге ырыу карты, ауылдың иң изге оло кешеһе, өлкән йәштәге, ауыл карттары, ойошманың, төркөмдөң иң өлкән, иң һаләтле кешеһе, ак сәсле, үземдең картатайым, картлас, оло йәштәге һәсихәт биреүсе кеше, күп йәшәгән, бабай, озақйәшәр, йөзйәшәр, сал һакаллы, сал, ак һакаллы.*

2. Ум, мудрость: *акыллы, белемле, күпте белеүсе, акыл эйәһе, һүз оштаһы, укымышлы, гилемле, халык акылын үзәндә дөйөмләштереүсе, бөтә һәмәһе белгән кеше, төплө фекер йөрөтөүсе, башлы, зур акыл кеүәһе, алдыңғы карашлы, заман менән бергә атлаусы, ирекле фекер йөрөтөүсе, халык педагогикаһын тәрән үзләштергән кеше, юғары белемле, гүмерен белемгә арнаған кеше, халык акылын туплаган тос фекерле, үз заманына күрә белемле кеше, галим, эштең рәтен белгән кеше.*

3. Человек с большим жизненным опытом: *күпте күргән кеше, тормош тәжрибәһен туплаган кеше, донъя күргән, күпте кисергән кеше, донъяның әсәһен-сөсөһөн татыған, күпте күреп, күпте белгән атай-олатай, тормош тәжрибәһе менән уртаклаша, донъяны яҡшы белгән кеше, тормош күргән, тормош, донъя күргән кеше.*

4. Характер человека: *яғымлы, йомарт, изге, ярзамсы, изгелек, зур, изге күнелле, яҡшылыкка өндәүсе.*

5. Ловкость, сообразительность: *тапкыр һүзәр, йор һүзле, зирәк, һүзе үтерзәй, тыңлата белерлек, өйрәтеүсе, тапкыр һүзле.*

6. Уважение: *хөрмәтле, ихтирамлы, абруйлы, ихтирамға, хөрмәткә лайык, өлкән йәштәге бөтә кешеләр ихтирам иткән кеше, бөтә кешеләр ихтирам иткән ир кеше, ауылдың кәзерле кешеһе, мактауға лайык, ололау, оло кешеләр хөрмәт иткән кеше.*

7. Советчик: *кәңәш биреүсе, һәр ваҡыт яҡшы кәңәштәр биреүсе, советчик.*

8. Власть имущий: *ил атаһы, етәксе, ил ағаһы, ырыу башлығы, кәбилә башлығы, ауыл аҡһакалы, ил аҡһакалы, башлык, ил башлығы, рәйес, йыйын аҡһакалы.*

9. Личность: *шагир, язгыусы, мэгрифәтсе, шахес.*

10. Реакции, представляющие понятия из разных областей, в том числе литературные жанры: *сәсэн, Акмулла, кеше, башкорт, йыйын, һакал, тирмә, тормош, өгәт-нәсихәт, мейес, укытыусы, хәтерләү, өйрәтеүсе, королтай, олатлык, мондолина, кымыз, зур табын, ат сабышыу, ялан, аттар, восстание, восстание башлыктары, ауылдарзы яндырыу, думбыра, тарих, таяк, үлән, ауыл, бәләкәй буй, образ, ултырғыс, йәйләү, ахлак.*

В русской языковой картине мира присутствуют следующие компоненты значения: мудрость, уважение, старость, старейшина, ситуативные компоненты (*степь, конь, горы, Восток*), внешний вид, одежда (*тюбетейка, чалма, посох*). Большое место занимает здесь понятие старости и аксакал воспринимается как обобщенный образ восточного человека.

Язмыш (судьба): *язмыштан узмыш юк* 36; *бәхет* 25; *тормош, гүмер* 21; *ауыр* 17; *маңлайға язылған, кеше* 13; *киләсәк* 11; *язмыштан қасып китеп булмай* 8; *яралы* 7; *ил, кайғы, күрәсәк, аяныс, үлем, һәр кемдең үз язмышы* 5; *гаилә, һәр кешенең үз язмышы үз кулында, мөхәббәт* 4; *тәкдир, шатлык, кәһәрле, халык, йәшәйеш, беззе уратып алған донъя, үткән тормош, бәхетһез, бала, язмышты үзенә хәл итеү (бороу), язмышка язылгандыр, үткән гүмерзәге кисерештәр, узмыш,*

«Әй, язмыш, язмыш,

Таишлама ситкә.

Ситтә илармын

Һагыштан, моңдан» 3;

«ни хәл итәһең, язмыш», һәр кем үз язмышына үзе хужа, аккош язмышы, йәшәү, һайлап алған язмыш, эсе, еңел, юл, сиган (юрал ултырыусы), үкенесле, донъя, бөгөнгө, каршылыктар, алдагы тормош 2; *маңлайыңа язылған киләсәк, йәшлек, картлык, билдәле шәхестәр, мин үзем, һуқыр, һәр кем үз бәхете менән тыуа, язмышты без үзебез төзөйбөз, йәшәү рәүеше, үз-ара мөнәсәбәт, быуындарара бәйләнеш, тел, ер, буйһоноу, миңең миһнәт, һәр кеше үзенең язмышын алдан уйлаган булырға тейеш, һәр кемдең үзенә генә хас булған үткәне, киләсәге, язмыштан узмыш юк әйтеме менән килешә алмайым, һәр кеше үзе үзгәртәргә бурыслы, Аллаһы Тәғәлә, һәр кешегә алла тарафынан бүленеп бирелә, бәхетле гүмер кисереү, язмышка каршы килеп булмай, ике йөрәк язмышы, язмышы ялкын*

менэн бер, *хин* минең язмышым (мөхәббәт тойгоһо), иҫ киткес язмышлы кеше, «...яртышар-яртышар калдык без, ни эшләргә, язмыштан булмаһа узмыштар», хәтерләү, язмыш еле, язмыш мине тыуган илемдән ситкә ташланы, халык язмышы – ил язмышы, якшы, йәшәлгән йылдар, хәсрәтһез, хикмәтле, хисле, тин, уртак, мәзәниәт, әзәбиәт, сәнғәт, вакигаларға бай, быуын, әсә, хәсрәт, язмыш түгелдер, минең язмышым һеззәң кулда хәзер, уйын, язмышың шулдыр: булмышың шул, яңғызлык, сит як, айырылыу, көнләшәү, күз йәштәре, йылмайыу, осрашыу, танышыу, яңы дуһстар, күңелле һәм моңһоу сактар, атай-әсәй, олатай-өләсәй, минең балаларым, ейәндәрәм, эшләгән урыным, гаһлә фотокарточкаһы (мин, ирем, балаларым, ейәндәрәм һәм өй хайуаны ялбыр эт), халык йыры, урман, төрлө һынау, М. Кәрим, Ақйондоз, Мәрәһим, тау, ышанмау, театр, күрәзәсе, кошсоқ, «язмыш ул уйынсык түгел, ул сырмалтмай тормош ептәрен» (Б. Бикбай), язмыш қоло, кара, йәшеллек, тын алыу, яратыу, тыуыу, һаулык, мөһөр, көңкүреш, ул минең язмышым, қысқа гүмерле, қисәге, язмыш қушқанса, үткән юл, язмышыңа күнәһең инде, буласак хәл-вакигалар, гүмер һызығы, кош юлы, халык, сюрприз, элек алла тарафынан хәл ителгән тигәндәр, үзәң һайлап алған юл, язмышың шулай булғас, ни хәл итәһең? 1.

В стимуле *язмыш* (судьба) отражаются следующие ассоциации:

1) логические сочетания: *кәһәрле, бәхетһез, яралы, аяныс, үкенесле;*

2) синонимические, антонимические, тематические отношения: *тәқдир, донъя, юл, тел, ери т.д.;*

3) ассоциации, связанные литературой и искусством: *мәзәниәт, әзәбиәт, сәнғәт, М. Кәрим, Ақйондоз, Мәрәһим, театр* и т.д.:

4) цитаты из литературы:

«Әй, язмыш, язмыш,

Ташлама ситкә.

Ситтә илармын

Һағыштан, моңдан»,

«... яртышар, яртышар калдык без, ни эшләргә, язмыштан булмаһа узмыштар», «язмыш ул уйынсык түгел, ул сырмалтмай тормош ептәрен» (Б.Бикбай);

5) выражения и поговорки: *Язмыштан узмыш юк. Маңлайға язылған язмыш. Язмышың шулай булғас, ни хәл итәһең. Халык язмышы – ил язмышы;*

б) Эмоциональные, ситуативные ассоциации: *мәхәббәт, улем, вакигаларга бай, айырылыу, сит ер, куз йәштәре, йылмайыу, осрашыу, танышыу, яратыу, тыуыу и т.д.*

Здесь нужно отметить, что слово *язмыш* (судьба) ассоциируется башкирами прежде всего с ситуациями, эмоциями. В этой группе встречаются цитаты из литературы, пословицы и поговорки.

Приведем ассоциации, полученные на слово белый у русскоязычных студентов:

Белый: снег 36; А.Белый 16; заяц 14; свет, чистота 12; смерть 10; лебедь, дом 9; зима, мел 7; ночи, аист, метель, свадьба 6; цвет, «Белые одежды» (Дудинцев), молоко, конь, невинность, невеста, цветы, белизна 5; простыня, дым, лист бумаги, больница, береза, солнце, пух, облака, день, «Белый Клык» (Д. Лондон) 4; белила, тетя Ася (реклама АСЕ), «Белый Бим, черное ухо», роза, ворона, потолок, сахар, саван, флаг, лицо, седина, река, соль, стих, соң, чистый, зубы, нежность, «белый снег» (из Блока «Двенадцать»), медведь, душа 3, снеговик, север, «Белая стая» (сборник Ахматовой), туман, пароход, аксакал, одуванчик, липы, чистота (нравственная), невеста (девственница) – символ девственности, нетронутости, невинности, холод, лед, черемуха, пурга, пустота, черный, пудель, хлеб, море, ослепительный, сияние, яблоня (в цвету), вечер, «Белая береза под моим окном принакрылась снегом, словно серебром», человек, стена, весна, айсберг, ветер, белизна кожи, голубь, поле, чайка, бог, ангел 2; простор, одиночество, свобода, Белошапкина, люди (жить как белые люди), белые (противники красных в Гражданской войне), «идут белые снега, как по нитке скользя» (строки из стихотворения Евтушенко), белокаменные палаты (часто в фольклоре), «Метель» Пушкина, утро, блондинка, плащ, снежная крепость, снежная слепота, ком, шуба, сорока-белобока, красные и белые, Беликов, вино,

*«Вот моя деревня,
Вот мой дом родной.
Вот качусь я в санках
По горе крутой»,*

*«Белым венчиком из роз,
Впереди Иисус Христос!»,*

*«Белый лебедь, белый пух,
Не любляйтесь сразу в двух!».*

платье невесты, цвет невинности, принц на белом коне, пушистый, холодный, сладкий, «белый, белый дым, сделай сердце молодым», Петербург, Достоевский, паутина, серебро, больничный халат, хирург, облачное небо, пасмурное небо, белизна неба, чистота в доме, чистая тетрадь, лотос, кувшинка, много повидать на белом свете, жизнь, торжество (невеста), халат, парус, первоклассники на 1 сентября, А. Ахматова, мука, мех, орел, лен, мороженое, облако, седобородый, луна, будущее, искры, грудное молоко, свежесть, поэт, мебель, платье, тоска, муза, непорочный, невозмутимый, равнодушный знак начала и конца, ничто, знак равновесия, оппозиция черному, «Белые ночи» Достоевского, истина, американские зубы, рубашка человека, у которого жена молодец, операционная, роса, облик, братство, деревья, земля, прохожие, водка, модернизм, покров, писатель, свет в конце тоннеля, «Белеет парус одинокий», автор, вода, евроремонт, птица, кокаин, сосна, кафель, безмолвие, плоскость, «мороз и солнце», ничего, солдат, народ, волосы, серебристый, светлый, новый, праздничный, изящный, необъятный, торжественный, сияющий, вишня (в цвету), лук, милосердие, торжественность, радость, благородство, самопожертвование, свадебный букет, мир, спокойствие, небытие, снежинки, пятно, яркий, фата, жених, искра, рай, здоровье, пена, след, псеи, гриб, гипс, сирень, офицер (Колчак, Юденич), лето, халат врача, счастье, холодный, А. Дюма «Дама с камелиями» (они белые), рождение, в гробу в белых тапках, одежда, руки, город, лунь, тишина, «белый снег, серый лед», путь, белье, степь, мечта, белогвардеец, кость, развешивающаяся одежда 1.

Здесь мы видим ассоциации, отражающие:

1) логические сочетания: белый снег, заяц, чистота, зима, мел, судьба, береза, облака и т.д.;

2) ассоциации, связанные с литературой, искусством: «Белые одежды» (Дудинцев), «Белый Клык» (Д. Лондон), «Белый Бим, черное ухо», «Белая стая» (сборник Ахматовой) и т.д.;

3) цитаты из литературы и фольклора:

«Вот моя деревня,

Вот мой дом родной.

Вот качусь я в санках

По горе крутой»,

«Белым венчиком из роз,

Впереди Иисус Христос!» и т.д.

4) синонимические, антонимические, тематические отношения: *цвет, оппозиция черному, светлый, новый*, и т.д.;

5) разные эмоциональные, ситуативные ассоциации: *свадьба, саван, смерть, душа, свобода, рождение* и т.д.

Можно отметить, что слово белый русскими ассоциируется в основном с логически сочетающимися словами, произведениями литературы и искусства, также цитатами, что обнаруживает начитанность испытуемых.

Аксакал: *мудрость 19; борода 13; старик, старость 11; уважение 9; старец, старейшина 8; чалма, конь 7; степь, седина, тубетейка 6; горы, Восток, посох, мудрец 5; мудрый, белая борода, аул, ум, юрта, года, опыт, песни 4; седая борода, совет старейшин, морщины, папаха, саксаул, сказка, волк, вождь, джигит, старый, Кавказ, костер 3; горец, человек, умудренный жизненным опытом, патриархальность, табун лошадей, древность, башкирские сказки, Казахстан, солнце, зной, длинный халат, лошадь, судьба, суд, палка, герой, жара, летящий орел, вера, война, спокойствие 2; обряды, доброта, вечность, хачик, авторитет, петух, кацо, Средняя Азия, горный кишлак, коран в руках, чабан, отара, «Белое солнце пустыни», старик с черной пергаментной кожей, теплыми сухими руками в дымчатой бурке в каком-нибудь Кавказском ущелье, М. Карим «В ночь лунного затмения» (несправедливое, жестокое решение аксакалов), вершитель судеб людей, народов в давние времена, созерцание, Чечня, неподвижность, традиционная экономика, традиции, проблема «Восток-Запад», архаичность, нелюдимость, одиночество, всадник, летящий орел, воевода (с белой бородой), Киргизия, Узбекистан, бурка, предвидение, прошлое, катастрофы, личная трагедия, кумыс, тихий голос, пиала, зеленый, белый и золотой цвета, будущее, трава, курган, консерватизм, пожилой, почтенный с бородой, собрание, седой старик, Иван Флягин в плену, запах полыни, богатырь, дитя гор, то, о чем мы очень мало знаем, Л. Толстой «Казаки», предводитель в каракулевой шапке и бурке, пехота, военный, старикашка, меховая шапка, зеленый чай, опиум, гуру, сакля, Туркмения, мусульманин, мусульманство, мулла, аллах, длинная борода, молитва, главнокомандующий, Башкирия, всезнающий, край, Башкортостан, «восток – дело тонкое, Петруха!», можно повзростеть, но так ничему не научишься, ислам, характер, стиль, образ, философия,*

сущность, почет, животное, упрямец, осел, серый, коричневый, иерарх, древность, дряхлость, сокол, движение, сила, действие, башкир, глухой, глухой и слепой, сидит на камне, под солнцем, пьет кумыс, читает нотации, победа, законы корана, мелодия курая, уравновешенность, история, праведный, справедливость, гордость, воспоминания, память, наследие, советы, наставления, род, племя, сила, воля, борьба, кровь, исток, природа, народ, величие, маленький рост, старшина, овцы, верблюды, раздолье, покой, «преданья старины глубокой», седобородый, мудрый и с длинной белой бородой, человек, традиции, старина, эпос, жена, Аксаков, поле, солдат, время, религия 1.

В качестве слов-стимулов к слову аксакал приведены следующие ассоциации:

1) логические сочетания: *старый, умудренный жизненным опытом, пожилой, почтенный с бородой, главнокомандующий, всезнающий, праведный* и т.д.;

2) ассоциации, связанные с литературой, искусством: *«Белое солнце пустыни», М. Карим «В ночь лунного затмения» (несправедливое жестокое решение аксакалов), Л. Толстой «Казачьи», Аксаков, образ и др.;*

3) цитаты из литературы и фольклора: *«Восток – дело тонкое, Петруха!»;*

4) синонимические, антонимические, тематические отношения: *старик, старец, старейшина, мудрец, юрта, совет старейшин, вождь, авторитет, почет, советы, род, илемя и т.д.;*

5) разные эмоциональные и ситуативные отношения: *костер, война, судьба, суд, жара, одиночество, уравновешенность* и т.д.;

6) названия республик, стран: *Башкортостан, Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Чечня, Киргизия, Узбекистан, Туркмения;*

7) слова-ассоциации, связанные с религией: *чалма, тибетейка, мулла, аллах, молитва, законы корана, религия* и т.д.

Отметим, что слово *аксакал* ассоциируется в самосознании русских в основном с символом мусульманской религии, со Средней Азией, горами, Кавказом, Башкортостаном и Востоком.

Судьба: рок 22; жизнь 18: неизбежность, смерть, счастье 9; фатум, человек, бог, удача 7; любовь, фатализм, нить 6; «Судьба человека», фортуна 5; «Фаталист», от судьбы не уйдешь, горе, звезда 4; гадание, предопределение, Печорин, Эриннии (богини),

прошлое, везение, горькая, ирония, несчастье, игра, дорога, время, года 3; неожиданность, Лермонтов «Герой нашего времени», судьбинашка, рулетка, карты, будущее, гадалка, мойры в античном мировоззрении, предначертание, жестокая, неотвратимость, печаль, горечь, злодейка, сон, счастливая, доля, путь, радость, рождение, тишина, семья, повороты 2; время, протяженность, выбор, рождество, тайна, огромное, неизвестность, планида (несчастливая участь), Шолохов, русская, женская, женищина, крестьяне, магия, колесо, «Пиковая дама», Достоевский «Игрок», программа, белая и черная полосы жизни, голубь, река, Фемиды, Немезиды, арест, Эдип, Сфинкс, Млечный Путь, дорога, клубок Ариадны, Медя, золотое руно, звездное небо, зодиак, цыгане, предначертание свыше, от чего не уйдешь, случай, Вулч, «как же это вышло-то, что все шелками вышито судьбы моей простое полотно», возмездие, это судьба, борьба с судьбой, трагедия, участь девушки, насильно выданной замуж, узник («сиджу за решеткой в темнице сырой...»), поломанная судьба мальчика, оставшегося без родителей («Мцыри» Лермонтова), самое безрадостное в жизни, крест, молодость, настоящее, трудности, даль, тьма, вода, кольцо, Греция, пирамиды, песок, весы, темнота, вера, надежда, возрождение, «Преступление и наказание», судьбу не изменить, тяжба, лютая свекровь, потеря, народные песни, сказки, аура, тоска, тяжелая судьба писателей (Горький, Бунин, Достоевский), художников, безысходность, закон, смысл, бытие, существование, борьба, цель, резидент, воровская, горемычная жизнь, такова судьба!, от судьбы не убежишь, воровская, недоразумение, которая не то что жить, но умереть спокойно не дает, смысл жизни, гороскоп, мысль, интуиция, ощущение, поиск, истина, мнение, честолюбие, злая, разлучница, тайна, карма, лотерея, вечность, старуха, залом, власть, провидение, змея, Новый год, приговор, К. Маркс, Шопенгауэр, бессмертие, могила, книга судеб, Китай, ненавижу, не хочу, не буду, пространство, уснуть и не проснуться, когда?, зачем?, солдат, муж, дети, болезнь, милость, реальность, деятельность, ответственность, мечта, загадка, непонятная, астрология, необратимость, ошибка, шок, часы, время, характер, люди, удар, вера, линии руки, семья, фатальный, провидец, тяжесть, Россия, глаза, передраги, путь, встреча, надежда, веселье, разочарование, стезя, Пастернак, разлука, миф, боль, зигзаги, слезы, знакомство, встреча, шахматная

доска, очаг, сделать самому свою судьбу, нелегкая, предписание, предназначение, зеркала и свет, рука, глаз, невезение, неудача, «наша смерть нас гонит вперед, наше время движется вспять», покорность, вселенная, ожидание, предвидение, рябина, Солженицын, сгон, мудрость, приговор, воспоминание, испытание, холод, руки богов, дочь, спокойствие 1.

Для слова-стимула судьба характерны такие ассоциации, как:

1) по логической сочетаемости: *гадание, прошлое, жестокая, счастливая, воровская, злая, нелегкая* и т.д.;

2) ассоциации, связанные с литературой и искусством: *Лермонтов «Герой нашего времени», Печорин, «Судьба человека», «Фаталист», Шолохов, подоманная судьба мальчика, оставшегося без родителей («Мицри» Лермонтова), «Преступление и наказание»* и др.;

3) цитаты из художественной литературы и фольклора: *«Сижу за решеткой в темнице сырой...», «как же это вышло-то, что все шелками вышито судьбы моей простое полотно»;*

4) синонимические, антонимические и тематические отношения: *рок, везение, горе, гадание, предопределение, ирония, дорога, время, семья, злодейка* и т.д.;

5) эмоциональные, ситуативные ассоциации: *жизнь, неизбежность, смерть, счастье, удача, несчастье, печаль, горечь, тишина, темнота, мечта, слезы* и т.д.;

6) слова-стимулы с экспрессивной окраской: *судьбинушка*;

7) названия из греческой мифологии: *Эринния, Фемиды, Немезида, Эдип, Сфинкс, Медея* и т.д.;

8) названия стран: *Россия, Греция, Китай* и т.д.

Из приведенных результатов эксперимента следует, что слово *судьба* ассоциируется в самосознании русских с символом религии (вообще), с литературой и искусством, эмоциональными, ситуативными ассоциациями и т.д.

Мы сопоставили сведения (по 15 слов), полученные с помощью эксперимента, расположив слова по мере убывания количества совпадающих реакций: ассоциаты *бахет, оло карт кеше, язмыштан узмыш юк, снег, мудрость, рок* имеют наивысший показатель.

Таким образом, знакомство с результатами ассоциативного эксперимента полезно студентам и школьникам, изучающим родной язык,

Описание лексики в национально-культурном аспекте

ак	белый
1) бәхет 61 2) төс 46 3) кар 45 4) һөз азыктары 29 5) һөт 27 6) аккош 26 7) сафлык 25 8) юл 22 9) сәскә 14 10) тазалык 1 3 11) кайын 11 12) болот 11 13) йөз 10 14) кағыз 9 15) икмәк 8	1) снег 36 2) А. Белый 16 3) заяц 14 4) свет 12 5) чистота 12 6) смерть 10 7) лебедь 9 8) дом 9 9) зима 7 10) мел 7 11) ночи 6 12) лист 6 13) метель 6 14) свадьба 6 15) цвет 5
акһакал	аксакал
1) оло карт кеше 45 2) акыллы 27 3) хөрмәтле 21 4) күпте күргән кеше 20 5) белемле 16 6) карт 11 7) кәңәш биреүсе 11 8) абруйлы 9 9) бик күпте белеүсе 9 10) һәр вақыт якшы кәңәштәр биреүсе 9 11) акыл эйәһе 8 12) сәсэн 8 13) тормош тәжрибәһен туплаган кеше 8 14) сал сәсле 6 15) ил карты 5	1) мудрость 19 2) борода 13 3) старик 11 4) старость 11 5) уважение 9 6) старец 8 7) старейшина 8 8) чалма 7 9) конь 7 10) степь 11) седина 6 12) тубетейка 6 13) горы 5 14) восток 5 15) посох 5
язмыш	судьба
1) язмыштан узымыш юк 36 2) бәхет 25 3) тормош 21 4) гүмер 21 5) ауыр 17 6) маңлайға язылган 13 7) кеше 13 8) киләсәк 11 9) язмыштан қасып китеп булмай 10) яралы 7 11) ил 6 12) кайғы 6 13) күрәсәк 5 14) аяныс 5 15) үлем 5	1) рок 22 2) жизнь 18 3) неизбежность 9 4) смерть 9 5) счастье 9 6) фатум 7 7) человек 7 8) бог 7 9) удача 7 10) любовь 6 11) фатализм 6 12) нить 6 13) судьба человека 5 14) фортуна 5 15) от судьбы не уйдешь 4

поскольку раскрывает существующее совокупно в социуме и недоступное отдельному носителю языка все многообразие связей каждого слова. Он полезен иностранным студентам и школьникам на разных этапах овладения русским и башкирским языками, позволяя либо отбирать для повседневной коммуникации самые ходовые и стандартные изречения и словосочетания, либо проникать в скрытый за употреблением языка духовный и душевный мир русского или башкира, отраженный в его вербальных ассоциациях. Научная литература по вербальным ассоциациям велика и постоянно увеличивается.

Выводы ко II главе. Выше нами были рассмотрены различные пласты национально окрашенной лексики (безэквивалентная, коннотативная, фоновая). В результате оказалось возможным сделать некоторые выводы:

1) к лексике с национально-культурным компонентом значения относится безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика;

2) в безэквивалентной лексике наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой, отличительной чертой этого пласта лексики является характер предметного содержания слова;

3) коннотативная лексика в ряду своих значений содержит национально специфические коннотации, которые играют существенную роль в национальной языковой картине мира. Об этом свидетельствуют приведенные нами в сопоставительном плане коннотации отдельных слов русского и башкирского языков;

4) страноведческие фоновые знания составляют предмет лингвострановедения, где обучение иностранному языку ведется с учетом элементов культуры народа-носителя этого языка, плану содержания уделяется не меньше внимания, чем плану выражения;

5) комментарий к результатам проведенного нами ассоциативного эксперимента с тремя парами слов позволил выявить даже на этом ограниченном материале общее и специфическое в языковой картине мира башкирского и русского языков, тем самым были продемонстрированы большие возможности метода психолингвистического исследования для изучения языкового сознания носителей языка;

6) изучение лексики литературного башкирского языка в лингвокультурологическом аспекте только начинается и требует большого внимания к этой проблеме.

III ГЛАВА

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

§1. Опыт изучения безэквивалентной лексики в лингвистике

Подход к языку как к сокровищнице культуры, отражающей историю, самосознание, быт, обычаи и духовность народа, привел к необходимости нового взгляда на лексику. Наряду с традиционным изучением ее в аспекте семасиологии и системных связей появилась необходимость описания лексики как носителя национально-культурной информации (см. первую главу работы).

К лексике с национально-культурным компонентом значения относятся прежде всего безэквивалентная лексика, которая является предметом специального рассмотрения в третьей главе.

Изучение безэквивалентной лексики берет начало в методике преподавания иностранных языков, так как именно здесь происходит теснейшее соприкосновение языков и культур в лингводидактическом аспекте.

Лингвострановедческое преподавание иностранных языков, ставившее своей целью изучение языка одновременно с изучением культуры, основывается на использовании одной из социальных функций языка – кумулятивной (накопительной). В этой функции язык выступает связующим звеном между поколениями, «связью времен», хранилищем и средством передачи внеязыкового коллективного опыта, ибо язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предшествующие состояния.

Кумулятивная функция свойственна всем языковым единицам, однако наиболее ярко она проявляется в области лексики –

в словах, фразеологизмах и афоризмах [Верещагин, Костомаров, 1976: 162–165].

Важнейшим компонентом, ядром лексического значения слова является мыслительное отображение (образ) того или иного явления действительности, предмета. Обозначаемый словом предмет называют денотатом или референтом, а отображение денотата, образующее ядро лексического значения, – концептуальным значением слова (от лат. *conceptus* – представление о чем-либо, понятие). Концептуальное значение может рассматриваться с разных точек зрения, а именно: 1) с точки зрения его отношения к денотату – это так называемая предметная отнесенность слова; 2) с точки зрения его соотношения с категориями логики и прежде всего с понятием [Маслов, 1975: 112].

Помимо концептуального ядра в состав лексического значения слова входят так называемые коннотации (от латинского *con* – вместе с – и *notatio* – обозначение) – добавочные, сопутствующие значения: эмоциональные, экспрессивные, стилистические «добавки» к основному значению, придающие слову особую окраску. «Если из семантики слова исключать значения, обусловленные различными языковыми уровнями (деривационное, морфологическое и синтаксическое), не учитывать его внутренней формы, «образного значения», эстетических ассоциаций, то в остатке окажется так называемое экстралингвистическое содержание слова, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру» [Верещагин, Костомаров, 1977: 119]. Эту часть значения слова, восходящую к действительности, называют культурным компонентом значения слова. Культурный компонент слова любого языка с точки зрения своего генезиса и представленности бывает общечеловеческим или региональным – ряд понятий свойствен всем языкам (например, *солнце, рождение, рука* и т.п.) или населению группы стран (например, всем европейцам известны *снег, телефон, галстук*, и т.д.). С другой стороны, культурный компонент семантики некоторых слов связан с национальной культурой соответствующего народа, неотделим от нее, поэтому он своеобразен, специфичен по своему происхождению и, конечно, ограничен рамками известной культурно-языковой общности.

Содержание слова, восходящее к истории, географии, музыке, фольклору, традиционному и новому быту и т.д., короче говоря,

к культуре народа, называется страноведческим культурным компонентом [Там же]. Поскольку процесс изучения неродного языка предполагает вхождение в новую культуру, усвоение лексики в значительной мере сводится к овладению словами, своеобразная семантика которых отражает своеобразие культуры народа – носителя языка. Такие слова относят к лексике со страноведческим культурным компонентом, или (для краткости) к словам с культурным компонентом значения. Страноведческий культурный компонент присущ прежде всего так называемой безэквивалентной лексике, которая выявляется при сопоставлении двух культур. Обычно под безэквивалентной лексикой понимают лексические единицы, о чем было сказано выше, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков по следующим причинам: 1) в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий; 2) из-за отсутствия в нем лексических единиц, обозначающих соответствующие понятия [Шатков, 1952; Чернов, 1958, см.: Томахин, 1980, № 6: 48].

Д.С. Бархударов предлагает сузить понятие безэквивалентной лексики, исключив из нее слова, которым найдено соответствие в практике перевода. Безэквивалентной лексикой А.С. Бархударов предлагает называть «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Бархударов, 1975: 94]. Сюда относятся личные имена, географические наименования, названия учреждений, организаций, и т.п., не имеющие настоящих соответствий в лексике другого языка. «...В целом можно считать, – делает вывод Л.С. Бархударов, – что к числу безэквивалентной лексики относятся имена собственные и названия, малоизвестные для носителей другого языка...» [Там же: 94, 95]. Яркий культурный компонент имеет, например, английское имя John, которое символизирует английскую нацию (John Ball) и по числу коннотаций (то есть эмоционально-эстетических ассоциаций) немногим уступает имени «Иван» в русском языке. Для англичанина «John» – это совсем не то же самое, что имя «Джон» для русского; в то же время Ivan в английском языке лишен всего того тепла, каким окружены в русском языке имя «Иван», его уменьшительно-ласкательные варианты (Ваня, Ванюша, Ванечка, Иванушка), производный от него антропоним «Иванов» («на Ивановых вся Россия держится»), сочетания типа «Иван да Марья». Совсем наоборот,

в англоязычной среде Ivan имеет негативную окраску и ассоциируется с единственным известным в этой среде историзмом Ivan the Terrible – Иван Грозный. Аналогичная картина наблюдается и в топонимике: «Волга» – для русского человека это совсем не то, что the Volga для англичанина или для американца, и в то же время известна масса ассоциаций, связанных с рекой Mississippi («The Old Man River» – «Старина, дружище, дедушка», так ее называют в негритянских блюзах) [Томахин, 1980, № 6: 49].

То же самое можно сказать об именах Салават или названии реки Агидель: эти имена имеют известные коннотации для башкир и для русскоязычного населения Республики Башкортостан. Они близки не только их уму, но и сердцу. У жителей других регионов подобные коннотации могут отсутствовать и даже могут быть незнакомы сами имена.

Безэквивалентность понятийно связана с так называемыми лакунами, то есть отсутствием, пропуском тех или иных понятий в той или иной языковой картине мира. Выделяют следующие виды лагун, обусловленные различными экстралингвистическими факторами:

- субъективные или национально-психологические лакуны (национально-психологические особенности участников общения);
- деятельностно-коммуникативные лакуны (специфика различных видов деятельности, характерных для двух сопоставляемых культур);
- лакуны «культурного пространства» (несовпадения «культурных пространств», в которых существуют коммуниканты;
- «текстовые лакуны» (языковые (речевые) особенности текста, выполняющего функцию инструмента межкультурного общения) [Антипов, Донских, 1983: 184].

Часть безэквивалентной лексики, получая устойчивые соответствия в переводе (и тем самым лишаясь понятия безэквивалентности), в то же время не утрачивают яркого культурного компонента, который выражается в коннотативных значениях слов, не всегда совпадающих в разных языках.

В настоящее время становится очевидным, что границы безэквивалентной лексики гораздо шире и что реалии входят в безэквивалентную лексику только как одна из ее разновидностей. Точку зрения на то, что реалии входят в безэквивалентную лексику только как одна из ее разновидностей, выражают в своей книге «Непереводимое в переводе» С. Влахов и С. Флорин.

В работах С. Влахова, С. Флорина, А. Иванова и других безэквивалентная лексика рассматривается в связи с проблемами перевода. Это второй после лингвострановедческого очень важный для нас аспект анализа проблемы безэквивалентной лексики как проблемы лингвистической и методической.

Нет необходимости доказывать важность изучения безэквивалентной лексики. Достаточно указать лишь на то обстоятельство, что она самым тесным образом связана с тем, что можно определить как неперебиваемое в переводе. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие идеи неперебиваемости требует внимательного и глубокого изучения тех элементов языковой ткани художественного произведения, которые кажутся или казались неперебиваемыми как сугубо специфические для исходного языка. Не случайно, что такие элементы языка оригинала, как фразеологические единицы, каламбуры (длгое время считавшиеся «неперебиваемыми») и некоторые другие, постепенно утратили статус неперебиваемости: отход от «буквы» и поиски функциональных соответствий позволили найти положительное решение задачи, представлявшейся когда-то неразрешимой [Федоров, 1983: 183, 184, 186].

Одна из важнейших реальностей перевода, признаваемая в настоящее время абсолютным большинством теоретиков, состоит в том, что перевод является операцией относительной по своим результатам [Иванов, 1985: 37].

Однако относительность эта до сих пор получает разноречивое толкование. Одни считают, что ограничения перевода сводятся к невозможности достижения языковой точности, в противовес точности художественной, которая, якобы, всегда достижима. Другие, признавая существование определенных ограничений, считают их чрезвычайно редкими исключениями и утверждают, что в большинстве случаев дело лишь в мастерстве переводчика. Третьи выражают твердое убеждение в том, что неперебиваемое в переводе носит вполне конкретный характер и может изучаться как с точки зрения его качественных, так и количественных характеристик, то есть статистически [Там же: 37].

По мнению А.О. Иванова, наиболее логичной представляется последняя точка зрения, которую нельзя считать проявлением неверия в возможности полноценного перевода. Она является скорее проявлением стремления точнее очертить реальные возможности перевода.

«Что бы ни говорили теоретики перевода, которые пытаются убедить нас в том, – пишет Иванов, – что непереводаемого в переводе нет и что вопрос сводится к мастерству переводчика, подтверждая этот вывод примерами самого блестящего преодоления самых немислимых трудностей мастерами художественного перевода, лингвистический анализ переводов свидетельствует скорее об обратном. Видимо, для теории перевода настало время пристальнее взглянуть в эту проблему» [Иванов, 1985: 37]. И в этом смысле актуально звучит призыв другого теоретика перевода Л. Мкртчяна: «Мы, теоретики перевода, любим говорить об адекватности перевода оригиналу. Но мы не хотим говорить о том, чем перевод отличается от оригинала, чем он не может не отличаться. Другой язык! Не значит ли это, что переведенная книга (хотим мы того или нет!) становится несколько иной, другой. Надо об этом писать, а не делать вид, будто решительно все переводимо» [Мкртчян, ЛГ, 1 сентября 1976].

Действительно, в каждом языке по отношению к любому другому есть – элементы, передача значения которых в нормальных условиях в рамках самого текста невозможна. К такого рода элементам, которые и составляют в языке то, что можно определить как собственно непереводаемое, относится прежде всего внутрилингвистическое значение единиц исходного языка (ИЯ), т.е. значения отношений единиц ИЯ и элементов системы ИЯ друг к другу в рамках самой системы. Однако, поскольку значения этого типа не релевантны для другого языка, этого рода непереводаемость интересует теорию перевода лишь в той степени, в какой внутрилингвистические значения элементов текста ИЯ связаны с другими типами значения: референциальным и прагматическим. Следует отметить, что случаи, когда существенные с точки зрения функции текста элементы референциального или прагматического значения слов или более крупных элементов текста оказываются непередаваемыми в силу того, что они неразрывно связаны с внутрилингвистическим значением этих элементов, хотя и относительно редко, но все же встречаются, особенно в художественной литературе.

Пример непереводаемости из русского языка приводит в упоминавшейся статье Л. Мкртчян. Переводя статью о Чехове он столкнулся со следующим абзацем: «Я взглянул окрест меня, – сказал Радищев, – душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

О человеческих страданиях и боли своей души писал Чехов, писали во след Радищеву все без исключения классики русской литературы XIX – начала XX века [Мкртчян, Литературная газета, 1 сентября 1976].

«Приходится признать, – делает вывод Иванов, – что такого рода аллюзии в большинстве своем непередаваемы в обычных условиях. Являясь элементом культурного ИЯ (исходного языка), они составляют часть того, что обычно подразумевается под национальным своеобразием языкового коллектива». В своем исследовании Л.Т. Микулина показывает, что достижение абсолютной передачи такого своеобразия невозможно [Микулина, Указ.соч.: 187, цит. по: Иванов, 1985: 44].

Исходя из данного выше определения эквивалента, мы можем определить безэквивалентную лексику как лексическую единицу исходного языка, которая не имеет в словарном составе переводящего языка эквивалентов, то есть единиц, при помощи которых можно передать на аналогичном уровне плана выражения все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной лексической единицы [Иванов, 1985: 45].

В случае заимствования безэквивалентные слова называют *экзотизмами*; они не столько раскрывают или толкуют чужую культуру, сколько символизируют ее. Так, слова *спикер*, *шиллинг* прочно ассоциируются с Англией; *джейлау*, *кишлак*, *арык* – со Средней Азией; *сакура*, *икебана* – знаки традиционной японской культуры; *баз*, *курень*, *майдан* – донского казачьего быта и т.д. [Воробьев, Саяхова, 2006: 101].

Л.А. Шейман близкие к безэквивалентной лексике слова называет этнокультуремами. Он выделяет следующие группы этнокультурем: 1) этнографизмы-русизмы (*горница*, *полати*, *шесток*); 2) историзмы-русизмы (*граф*, *урядник*, *губерния*, *присяжные*, *слобода*); 3) мифологизмы-ритуализмы (*образа*, *распятие*, *супостаты*, *угодник*); 4) фоновые или этноконнотативные, то есть экспрессивно-окрашенные слова (*недоросль*, *ворон*, *орел*) [Шейман, 1988: 161, 162].

Итак, мы рассмотрели в общих чертах подходы к безэквивалентной лексике в лингвистике: собственно лингвистические, культурологические, переводческие. В следующем параграфе проблема безэквивалентной лексики рассматривается применительно к башкирскому языку.

§ 2. Изучение безэквивалентной лексики в башкирском языкознании

В связи с культурологической концепцией обучения языкам, изучением в школах республики башкирского языка, истории и введением нового предмета «Культура Башкортостана» возрос интерес к национальной культуре башкирского народа. Все большее число людей приобщается к культуре, истории башкир, читает башкирскую художественную литературу. Но осмыслить содержание, идейные, художественные ценности произведений невозможно без глубинного понимания значения лексики, непосредственно обозначающей культурные реалии.

Слова, обозначающие реалии, принадлежат, как было уже сказано, к безэквивалентной лексике, выявляемой в процессе перевода; они не переводятся на другой язык одним словом – переводчикам приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы типа *каләпуш* – каляпуш (женский головной убор с высоким верхом и опущенными до плеч полями, разукрашенный позументом, подвесками).

Перевод безэквивалентной лексики представляет определенные трудности даже для опытных переводчиков. Так, например, нелепо звучал бы перевод слов русской песни «Ох, вы сени, мои сени...» на французский язык с помощью слов «*O, vestibule, мой vestibule...*». Точно так же на башкирском языке «*Их, соланым, минең, соланым*». Исконно народные слова не поддаются переводу «на общих основаниях». Они требуют особых способов передачи их значения.

Необходимость в применении различных способов передачи безэквивалентной лексики обуславливается еще и тем, что соотношение словарного состава контактирующих языков и объемов семантических полей слов, даже имеющих аналогию в обоих языках, различное. Семантическое соответствие между лексическими единицами контактирующих языков (русского и немецкого) Р. Самигулина сводит к следующим трем основным типам:

- 1) полное соответствие (Москва – Moskau, азот – Stickstoff);
- 2) частичное соответствие (минута молчания – die Gedenkmminute) (дословно: минута памяти);

3) отсутствие соответствия (щи – schtschi) [Самигуллина, БУ, № 12, 1988: 47].

«Не мал круг безэквивалентной лексики, – отмечает Р. Самигуллина, – в башкирском языке в сопоставлении с русским и немецким языками. Таковыми являются, например, слова, обозначающие названия некоторых видов народных музыкальных инструментов (*курай, кумыз*), блюд национальной кухни (*сәксәк, кымыз*), костюмов (*сәкмән, камзул*) и др.». Автор выделяет следующие способы передачи безэквивалентной лексики:

1. Транслитерация – передача буквами ПЯ (язык, на который осуществляется перевод) графической формы слова оригинала: транскрипция – передача правилами ПЯ звуковой его формы. Например, название башкирского блюда «*бишбармак*» при названном способе передачи будет выглядеть так: «*Bishbarmak*». Эти способы не раскрывают значения слова «*бишбармак*». Без соответствующего пояснения оно оказывается непонятым. Неизвестными остаются характерные особенности национального блюда. Этот способ наиболее приемлем при передаче слов, обозначающих имена собственные, названия газет, журналов, например: Салават Юлаев – Салават Юлаев – *Salawat Julajew*, Агизел – Агидель – *Agidel*.

2. Калькирование – дословная передача безэквивалентной лексики, которая также не всегда служит приемлемым способом. Являясь удачным способом передачи в одних случаях, калькирование не может являться таковым в других. Например, вполне оправдан дословный перевод названия башкирского национального танца «*Өс таган*» на русский язык как «Три брата», на немецкий – «*Drei Bruder*».

Однако нельзя ограничиться дословной передачей названия национального блюда «*бишбармак*» на русский язык словосочетанием «пять пальцев», на немецкий – «*funf Finger*». В данном случае калькирование не раскрывает значения слова «*бишбармак*». Отсутствие соответствующего пояснения значения слова «*бишбармак*» может привести к искаженному пониманию исторических обычаев башкирского народа. В таких случаях используется следующий способ передачи безэквивалентной лексики.

3. Описательный (разъяснительный): *бишбармак* – это название блюда национальной кухни тюркских народов, изготовляемое вовсе не пятью пальцами и не из пяти пальцев (как это некоторым кажется), а из больших порций цельного мяса и нарезанного небольшими

квадратиками раскатанного теста. Это блюдо называют «бишбармак» символично только потому, что раньше его употребляли в пищу пятью пальцами, без ложки.

Другие примеры: башк. *кашмау* (нем. *kaschmau*) – женский головной убор, украшенный бисером; башк. *елән* (нем. *Jelen*) – женский халат без воротника; *кушъяулык* (нем. *kuschjaulyk*) – два объемных платка и т.п.

Описательный способ передачи безэквивалентной лексики громоздкий, неэкономный, но убедительный и обеспечивает полное понимание значения слова.

4. Приближенный (уподобляющий) перевод – подыскивание соответствия в ПЯ для лексических единиц ИЯ, не имеющих в ПЯ точных соответствий. Так, например, башкирское слово «*колаксын*» (нем. *kolaksyn*) близко к слову «ушанка». Однако в отличие от обычной ушанки эта башкирская меховая шапка, прикрывающая шею до плеч. Или слово «*арам*» (тюрк. древесный кустарник, растущий на болотистых лугах) часто переводится на русский язык словом «урема» (нем. *Urema*) (тюрк. лиственные леса, растущие на поймах рек), что лишь приблизительно соответствует слову ИЯ.

Использование данного слова требует определенных комментариев к переводу, чтобы обеспечить доходчивость значения безэквивалентной лексики.

5. Трансформационный перевод – это способ передачи путем преобразования синтаксической структуры предложения, замены лексических единиц другими с целью достижения точности перевода и звучности текста.

Так, например, башк. «*сыңрау торна*» (дословно – поющий журавль) на немецкий переведен в смысле «журавлиная песнь» (*Das Lied der Kraniche*).

Как видим, имеют место различные способы передачи безэквивалентной лексики. Возможны и их комбинации в зависимости от особенностей обозначаемого данным словом предмета или явления. Знание их позволит выбрать наиболее оптимальный вариант перевода или их комбинации: транслитерации и описательного перевода; калькирования и приближенного перевода и т.п. [Самигуллина, 1988: 47–49].

Основная трудность перевода с одного языка на другой связана также с несовпадением объема лексических значений и лексической

сочетаемости слов в двух языках. Так, К.З. Закирьянов выделяет три типа отношения лексической сочетаемости слов в русском и башкирском языках: 1) полное совпадение ($AB = AB$, где одинаковыми буквами обозначены эквивалентные слова разных языков): *ак кар – белый снег, ауыл тормошо – сельская жизнь*; 2) частичное совпадение ($AB = AC$): *тауык куз («куриный глаз») – куриная слепота, бөзрә тал («кудрявая ива») – плачущая ива*; 3) полное несовпадение ($AB = CD$): *арткы ишек («задняя дверь») – черный ход, эремсек һыуы («творожная вода») – молочная сыворотка* [Закирьянов, 1996: 61, 62].

Совпадение в одних и несовпадение в других случаях лексической сочетаемости слов в башкирском и русском языках объясняются характером взаимоотношений между предметом (явлением) объективной действительности, понятием и словом: объективная действительность отражается в сознании людей в понятиях, содержание понятий часто одинаково во всех языках, различается способ выражения понятий в том или ином языке.

«Несовпадение объема лексических значений слов в двух языках обуславливает несовпадение их лексической сочетаемости в контексте. Наблюдается следующая закономерность: лексическая сочетаемость слов в двух языках совпадает тогда, когда совпадает их значение.

Несовпадение способов выражения понятий в разных языках еще более обнаруживается на материале фразеологических единиц. Они сохраняют в себе национальное своеобразие языка, в них отражаются особенности мышления народа-носителя данного языка, поэтому они, как правило, неперебиваемы с одного языка на другой» [Закирьянов, 1996: 61, 62].

Кроме фразеологических оборотов слова, отражающие особенности быта, культуры, традиций, обычаев, языка, тоже неперебиваемы. Это и составляет безэквивалентную лексику.

Л.Х. Самситовой защищена кандидатская диссертация на тему «Безэквивалентная лексика башкирского языка» (Уфа, 1999), где предметом специального описания явилась безэквивалентная лексика башкирского языка, национальная специфика которой заключается в самом лексическом, предметно-понятийном значении слова. Безэквивалентность рассматривается на уровне реалий и понятий, которые расклассифицированы по 16 тематическим группам. В диссертации также как компонент лексики с национально-культурным компонентом значения рассматривается коннотативная и фондовая

лексика [Самситова, 1999: 312]. Автором составлен словарь безэквивалентной лексики башкирского языка «Реалии башкирской культуры» (Уфа, 1999: 176; 2006: 216), который можно отнести к лингвокультурологическим или этнолингвистическим типам словарей. Данный словарь является первой попыткой систематизации безэквивалентной лексики башкирского языка, функционирующей в разных сферах применения русского языка в письменной форме. В данном словаре представлено более 600 лексических единиц, обозначающих реалии и понятия башкирской культуры [Самситова, 1999: 176; 2006: 216].

Таким образом, труды по изучению безэквивалентной лексики башкирского языка имеются, тем не менее мы должны усовершенствовать данный пласт лексики. В следующих параграфах попытаемся рассмотреть возможные пути изучения безэквивалентной лексики на уровне реалий и на понятийном уровне.

§ 3. Безэквивалентная лексика башкирского языка на уровне реалий

Носителем национально-культурного своеобразия является прежде всего безэквивалентная лексика, обозначающая специфические реалии национальной культуры. Этому пласту лексики посвящены работы таких ученых, как Г.Д. Томахин, И.Б. Аверьянова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.О. Иванов и др.

В докторской диссертации «Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка)» (М., 1984) Г.Д. Томахин отметил роль лингвострановедческого аспекта при обучении иностранным языкам. Особое внимание уделено реалиям. «Если в лингводидактических целях эти реалии сгруппировать по тематически-смысловому принципу, дать им объяснение и возможные способы перевода, то в итоге может быть создан курс лингвострановедения, включающий установочные тексты, словарь реалий, лингвострановедческий комментарий и систему упражнений в соответствии с задачами обучения» [См.: Молчановский, 1985: 13].

Слово «реалия» – латинское прилагательное среднего рода, множественного числа (*realis* – вещественный, действительный), – пре-

вратившееся в русском языке под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное женского рода.

Существует, как уже отмечалось, двойное понимание реалии: 1) реалия – это «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов»; 2) реалия – это «слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно фразеологизм, пословица, поговорка, присловье), включающее такие слова» [Краткая литературная энциклопедия, т. 6, 1971: 227].

С. Влахов и С. Флорин определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на «общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин, 1980: 47].

Реалии – слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Например, *хоровод, частушка, русская (пляска), балалайка, палехская миниатюра, гармонь; калач, квас, пирог, каша* и др.

Эту группу слов можно считать на 100 % национально-специфичной, т.к. реалии и их названия свойственны только данной культуре (например, *скоморох, петрушка, щи, рассольник* – в русском языке; *курай, кубыз, бишбармак, баурсак* – в башкирском языке). Требуют особого внимания слова, не совпадающие в языках по объему значения. Так, башкирское *кесе* соответствует русским словам *младший* и *малый* (небольшой), *оло* – *старший, старый* и *большой, значительный*; слово *алыш* – словом *схватка, сражение* и *соревнование, состязание*. Русское слово *спутник* заимствовано другими языками только в специальном значении (спутник Земли), башкирское слово *юлдаш* означает *попутчик, спутник, товарищ, друг* [Саяхова, 2006: 22].

Национальной спецификой обладают и такие группы слов, как *историзмы* (аршин, верста, фунт; кафтан, армяк; уезд, губерния); *лексика фразеологических единиц* (ни *зги* не видно; попасть *впросак*; узнать всю *подноготную*); *слова из фольклора* (суженый, чистое

поле, Снегурочка, Баба-Яга, домовая и др.) [Муллагалиева, Саяхова, 2003: 11].

На Всесоюзной конференции, посвященной закономерности развития литературных языков народов СССР, говорили о том, что в реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в жизни общества ведет к возникновению реалии в языке, причем время появления новых реалий можно установить довольно точно, так как лексика чутко реагирует на все изменения общественной жизни. Так, в русском языке реалия «дом отдыха» и соответствующее словосочетание появились в 1921 году, «субботник» – в 1919 году, «ударник» – в 1929 году, «целинник» – в 1954, 1955 годах [Русский язык и советское общество, 1962: 14].

«По сравнению с другими словами языка, – пишет Г.Д. Томахин, – отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания, то есть тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой. Отсюда следует, что реалии присущ соответствующий национальный (местный и/или исторический колорит)» [Томахин, 1981, № 1: 64].

Понятие «колорит» пришло в литературоведческую терминологию из искусствоведения (*лат.* color – цвет, *ср. англ.* local color(и)g) и наряду со значением «общий характер сочетания цветов...» имеет значение «совокупность особенностей (эпохи, местности), своеобразия чего-либо» [Словарь иностранных слов, 1979: 242]. «Именно колорит делает из нейтральной, неокрашенной лексической единицы национально окрашенную, то есть реалию, – пишет Г.Д. Томахин. – В переводоведении определение реалий основано, с одной стороны, на национальной окрашенности их референтов (колорите), а с другой – на безэквивалентности обозначающих их слов, выявляемой в процессе перевода» [Томахин, № 1, 1981: 65].

Слова, обозначающие реалии, принадлежат к безэквивалентной лексике, выявляемой в процессе перевода. Реалии не переводятся на другие языки – и переводчикам приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы.

Решающим фактором при отнесении каких-либо явлений к реалиям является национальная окрашенность их референтов (колорит), которая настолько очевидна, что их никак нельзя отнести к нацио-

нальным особенностям культуры каких-либо иных стран, кроме страны, породившей эти реалии [Томахин, № 1, 1981: 65].

Практически реалией можно назвать все то, что для своего адекватного описания требует либо энциклопедической справки, либо схематического или табличного представления, либо сообщения некоторых житейских (известных носителям языка, но неизвестных иностранцам) сведений [Денисов, 1971: 47].

Реалии в лингвострановедении охватывают более широкий круг языковых средств и в плане выражения. Если в переводоведении под реалиями понимают «слова», «лексические единицы», добавляя иногда «словосочетания», то в лингвострановедении «понятия, относящиеся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами (щи, пятак), словосочетаниями (Мамаев курган, дом отдыха), предложениями (Не все коту масленица), сокращениями (БАМ, гороно)» [Вайсбурд, № 3, 1972: 98].

Однако в большинстве случаев реалии – это слова и номинативные словосочетания. К числу реалий Г.Д. Томахин также относит сокращения (аббревиатуры), «поскольку они представляют собой стянутые в одно «слово» номинативные сочетания (типа русских «вуз», «собес», «загс»)». Автор считает, что в стилистическом плане реалии принадлежат к национальному литературному языку и что этим они отличаются от научных терминов, профессионализмов, локализмов, жаргонизмов, сленгизмов и т.д. [Томахин, № 1, 1981: 66].

По А.О. Иванову, существует несколько способов передачи значения реалий в переводе.

1. Калькирование, то есть повторение внутренней формы исходного слова (и словосочетания) оригинала.

2. Использование существующего аналога.

3. Транслитерация (транскрипция).

4. Описательный или приближенный перевод.

После каждого способа автор приводит примеры на английском и русском языках. А.О. Иванов также отмечает, что каждый из перечисленных способов имеет свои достоинства и недостатки. «Так, калькирование имеет то преимущество, что указывает на принадлежность реалий к быту и культуре исходного языка, тем самым обращая внимание получателя перевода на национальное своеобразие стоящего за данной реалией понятия. Вместе с тем чрезмерное увлечение этим способом ведет к снижению восприятия смысла получателя, для

которого остаются непонятыми не только нюансы, но подчас и вся реалья в целом» [Иванов, 1985: 86]. Анализируя переводы, автор убеждается в том, что использование калькирования при переводе реалий объясняется не столько сознательным стремлением переводчика донести до читателя национальное своеобразие подлинника, сколько нежеланием как следует подумать о смысле того, что он переводит или незнанием реалий.

«Использование аналогов при переводе реалий имеет по сравнению с калькированием то преимущество, что текст перевода воспринимается как естественный текст на этом языке, – пишет А.О. Иванов. – Это делает его полезным при переводе художественной литературы. Однако аналог – это упрощение, потому что аналогия никогда не бывает полной, и поэтому аналогом редко не пользуются при переводе специальной литературы» [Там же: 88].

Что касается транскрипций, то автор отмечает, что они «используются только при переводе отдельных слов, обозначающих понятия или явления, настолько специфичные для английского языка, что они не могут быть адекватно переданы на русском при помощи аналогов. Однако этим методом, так же как и калькированием, следует пользоваться с большой осторожностью, не перегружая текст перевода ненужными заимствованиями там, где можно было бы обойтись аналогом» [Там же].

Описательный перевод в отличие от калек и транслитераций обладает абсолютной прозрачностью содержания. Соответствие, получаемое в результате применения этого способа, дает лишь приблизительное представление о понятии и длиннее и менее выразительно, чем исходное слово оригинала. Например: англ. bear – биржевой спекулянт, играющий на понижение.

«Таким образом, – делает вывод А.О. Иванов, – не существует ответа на вопрос о том, какой из этих способов лучше. В каждом отдельном случае переводчик решает эту проблему исходя из целого ряда факторов. И в первую очередь, исходя из характера текста и той роли, которую играет данная реалья в его смысловой структуре» [Там же].

Для более глубокого изучения реалий необходима их классификация. «В языковедческих науках, в том числе и в переводоведении, – пишет Г.Д. Томахин, – классификация реалий-слов основана, естественно, на лингвистическом принципе. В зависимости от языкового уровня реалии могут быть словами (имена собственные и имена нарицательные) или фразеологизмами (устойчивые фразеологические

единицы, крылатые слова, образные выражения)» [Томахин, 1981, № 1, 66]. Автор расклассифицировал реалии по следующим группам: реалии – имена собственные (географические названия, названия личностей), реалии – имена нарицательные (географические, этнографические, общественно-политические). Изложим материал с описанием классификации реалий, данной Г.Д. Томахиным.

Реалии – имена собственные

Географические названия (топонимы), связанные с какими-то событиями в жизни народа – носителя языка и культуры

Названия личностей (антропонимы)

Реалии – имена нарицательные

Географические реалии

1. Названия объектов физической географии и метеорологии

2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью

3. Названия растений

4. Названия животных

Этнографические реалии

1. Быт
а) пища
б) одежда
в) жилье, мебель, посуда
г) бытовые за- ведения

2. Транс- порт
а) сред- ства
б) передви- жения
в) организа- ция труда
г) отдых, досу- г

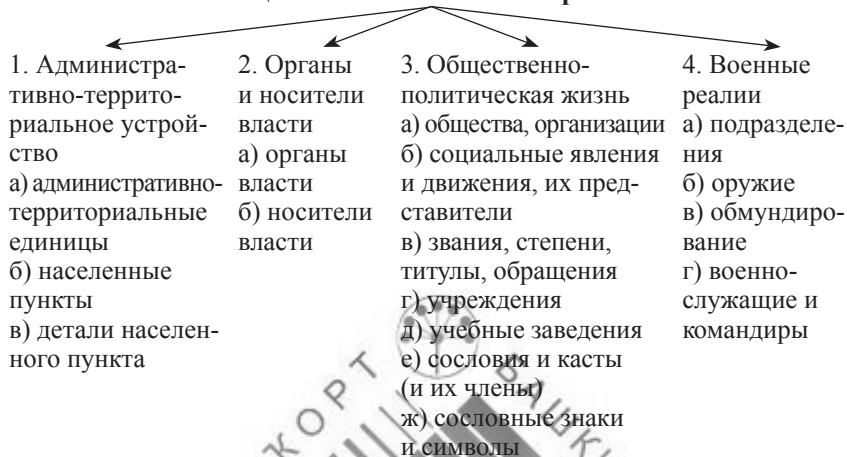
3. Труд
а) люди
б) орудия
в) организа- ция труда
г) отдых, досу- г

4. Искусство и культура
а) литература
б) фольклор
в) музыка и танцы
г) музыкальные инструменты
д) театр
е) другие ис- кусства и пред- меты искусств
ж) обычаи и ритуалы
з) праздники
и) мифология
к) культы и их последователи
л) календарь

5. Этнические объекты
а) этнонимы
б) клички
в) названия лиц по месту жительства

6. Меры и деньги
а) едини- цы мер
б) денеж- ные единицы

Общественно-политические реалии

«Кроме вышеуказанной классификации реалий, — делает вывод Г.Д. Томахин, — они могут также делиться по своим коннотативным значениям, то есть в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита. Объектом лингвострановедения являются общенациональные реалии, известные всем носителям данного языка и культуры в данную историческую эпоху» [Томахин, 1981, № 1: 69].

Итак, реалии, существование которых в конечном счете объясняется расхождением двух культур, обладают наиболее интенсивной культурной окраской и служат для наименования различных национально-особенных предметов и явлений материальной и духовной жизни данного языкового коллектива.

§ 4. Безэквивалентность на уровне понятийного содержания слова (понятийные лакуны)

Как мы уже отметили, при рассмотрении культурно окрашенной лексики считается целесообразным выделение следующих типов слов по степени выраженности культурного компонента значения

слов. Это безэквивалентная, фоновая и коннотативная лексика. Безэквивалентная лексика выделяется на уровне реалии (отсутствие тех или иных реалий, предметов в других культурах) и на понятийном уровне, когда имеет место различие в категоризации мира тем или иным языком, то есть несовпадение понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности.

При сопоставлении лексических единиц разных языков можно наблюдать несовпадение понятийных центров единиц этих языков при тождественной отнесенности к идентичному отрезку реальной действительности. Этот тип слов может быть разделен на две отличных в плане отношения к национальной культуре группы. Первая – слова, отсутствие однозначных соответствий которым в переводящем языке (ПЯ) не может быть соотнесено с культурным своеобразием народа. Это так называемые «случайные лакуны» (термин Л.С. Бархударова). Эта группа слов не содержит культурного компонента, не относится к культурно-окрашенной лексике и не представляет особой переводческой проблемы, ибо в ПЯ существуют другие, чаще всего описательные способы передачи того же понятия. Например, *кипяток*, *сутки* – в английском языке, *ровесник* – во французском, *рашки* – в русском и прочие.

Вторая группа слов, наоборот, тесно связана с особенностями культурно-исторического развития народа и отражает специфическую картину присущего ему языкового видения мира. Эта группа слов весьма немногочисленна, отражает в основном различную роль одних и тех же экологических явлений в жизни различных народов. Примером могут служить множество различных названий снега у американских эскимосов, необходимость дифференциации которых вызвана повышенной степенью зависимости жизни этого народа от природных условий.

Эта группа культурно окрашенной лексики самостоятельного значения не имеет, сближаясь, с одной стороны, с реалиями (по признаку полного отсутствия эквивалента – кроме родового понятия), с другой – с фоновыми единицами (по признаку специфики социально-культурной роли тождественного явления у разных народов). Болгарские исследователи реалий С. Влахов и С. Флорин не различают эти две разновидности культурно окрашенной лексики, считая возможным объединить их под общим наименованием «реалий» [Аверьянова, 1981: 3].

Выявление национально специфической лексики на уровне реалий и понятийного содержания может осуществляться путем сопоставления словарных и текстовых материалов.

Нами предпринята попытка показать национально-специфические особенности лексики на уровне понятийных соотношений на материале сравнения русского и башкирского языков.

С целью отбора понятийно безэквивалентной лексики был использован «Башкирско-русский словарь» [1996]. В результате из этого источника было отобрано 115 слов.

Сравнительно небольшой объем выборки объясняется тем, что специальной задачи глобального описания этого явления мы в своей работе не ставили, ограничиваясь лишь общим, обзорным представлением разных групп национально окрашенной лексики и сосредоточивая свое внимание на описании безэквивалентной лексики на уровне реалий – предметов, явлений – ей посвящен словарь безэквивалентной лексики башкирского языка «Реалии башкирской культуры».

Возможны два пути отбора лексического материала, идущие:

- 1) от текста, то есть в динамике процесса функционирования языка;
- 2) от словарей, в которых зафиксирована соответствующая лексика в статике.

Источники первого плана позволяют выявить специфическую лексику языка с точки зрения ее употребления. Например, в произведениях башкирских писателей, переведенных на русский язык, встречаются такие понятия, как *тетем* – *объем шерсти, которую можно растеребить за один раз*, *табын* (не в значении застолье, а как накрытый стол для обеда) и т.д.

Отобранные слова сгруппированы по следующим тематическим группам:

1. Названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии, явления природы: *бакай* – уст. речной проток, речная протока; *рашкы* – мокрый снег с дождем; *урт* – степной или лесной пожар, *эңер* – вечерние сумерки; *лэйсэн* – первый весенний дождь.
2. Общее название струнных музыкальных инструментов – *саз*.
3. Традиции башкир: *табын* I – 1) накрытый стол для завтрака, обеда, ужина.
4. Чин, титул человека, родственные отношения: *агай-эне* собир. – 1) родственники, родня (мужчины); 2) друзья, товарищи (об-

ращение к мужчинам); *агай-энеле* – имеющий родственников; *агай-энелек* – 1) родственные отношения, родство // родственный; 2) перен. семейственность, кумовство; *афак* – уст. очень высокий, наивысочайший; *истэк* – название башкир в дореволюционное время, данное им казахами, киргизами и др.; *кукъял* – мировой посредник (участвовавший в продаже башкирских общинных земель и разбогатевший на этом деле); *уңгар* – уст. вооруженная стража хана; *уртак* II – форма обращения между посаженным отцом и матерью невесты и ее родителями; *тәксир* – уст. почтительное обращение к кому-либо; *һыйзаи* – гость (по отношению друг к другу); *коза* – *козағылык* 1) отношение родства между сватами; 2) перен. кумовство, семейственность.

5. Объем, величина, расстояние, промежуток времени: *башаяк* – 2) в притяж. форме всего, в целом; *басым* II – в сочетании с числительным порция (глины, кизяка и т.п., приготовленная на один раз); *баш* – 2) голова, штука (в значении единицы счета, а также в сочетании с количественным числительным для счета поголовья скота и т.п.); *бирге* – находящийся ближе, поближе (другого такого же предмета или места), близлежащий; *йозрок хәтле* – с кулак (при преувеличении маленького или преуменьшении большого предмета); *мәзе* – промежуток времени (от заката солнца до наступления ночи); *тетем* – объем шерсти (которую можно растеребить за один раз); *тупланши* – место скопления (людей, животных): *тына* – промежуток времени от одной передышки до другой (при работе и т.п.); *тешләм* – кусок (который можно откусить за один раз); *тәңгәл* I – 1) определенное место (расположенный около, вокруг чего-то); *урт* – полость между зубами и щекой; *ушлау* – брать в пригоршню, в руку; *эйем* (ук эйеме) – расстояние полета стрелы (от места пуска до места падения).

6. Движение, труд человека: *агаклау* – уст. уведомлять кого о чем, сообщать кому что; *башка сығыу* – выделяться из родительского дома; *елтән-елтән* – подр. быстрому и легкому движению; *йәлсетеу* – обычно в отрицательной форме удовлетворять, обеспечивать кого чем (в достаточном количестве, в нужном объеме и т.д.); *көңгөр-көңгөр* – подр. приглушенному, монотонному звуку разговора; *кузалау* – уст. украшать свинцовыми узорами (женские сапожки); *кыпан* – подр. верткому проворному движению; *салымлау* (*тж. аяклау* II) – мотать, сматывать пряжу или нитки в моток определенной

длины (например, в длину от ладони до локтя или от носка до колена); *таскау* – 1) ополаскивать (в холодной воде только что сбитое масло); *телләнеу* – в зависимости от нареч. означает «говорить, разговаривать в какой-либо манере»; *тәнтәрәкләу* – еле-еле шагать (от слабости, старости); *тәсмәләу* – 1) ходить быстрыми мелкими шагами; 2) делать «блинчики» (то есть кидать плоский камешек так, чтобы он отскакивал от поверхности воды; *тыртаң-тыртаң* – подпрыгивая, с подпрыгивающей походкой; *үрле-кырлы һикереву* – прыгать (от боли и радости и т.п.); *үрмәкләу* – ползать на четвереньках (о ребенке); *урталау* – доходить до середины чего; *уртлау* – набрать в рот жидкость; *утышы* – 2) перен. разг. медлительный (о человеке).

7. Характер, состояние, внутренний мир человека: *ажарлану* – 1) проявлять мужество, отвагу, бесстрашие; *ирк* – уст. внутренний мир человека; *йытыка* – разг. шутол. жеманница (о девочке, пытающейся походить на взрослую женщину); *кеселек* – уважительное отношение, почтение (к старшим по возрасту, должности); *шаркылдак* – склонный к хохоту; *тыуһы* – 1) оставаться незабеременевшей (о молодой женщине); *кыльйыу* – обычно в отрицательной форме беспокоиться, обращать внимание на что-либо.

8. Плата за пользование имуществом, используемая на благотворительные цели: *гәрнис* – плата (за пользование сепаратором, мельницей и т.п., обычно в виде обрабатываемого продукта; *вакыф* – уст. имущество, завещанное на благотворительные цели: *имәлтә* – имущество, скот, собранные родовой общиной или деревней для оказания помощи пострадавшему или нуждающемуся); *йөзәк* – уст. один из видов помощи голодающим; *закат* – уст. очистительная милостыня в пользу бедных в размере 1/40 годового дохода.

9. Завещания, воспоминания: *аманат* – 1) то, что доверено хранить как святыню; *васыятнамә* – завещание (письменное); *тәзкир* – уст. книжн. воспоминания (письменные и устные).

10. Эмоциональная лексика, речевые высказывания: *һөйөнсө* – 1) примерно соответствующее: радость! (произносится, когда сообщается о радостном известии, за которое полагается обычно вознаграждение), 2) вознаграждение за радостное известие; *әпсен-тәпсән* – шуточные слова, прибаутки, говорящиеся при ушибах детей для успокоения их боли; *төклә аягың менән!* – чтобы принесла счастье в дом! (добрые пожелания невесте, входящей в дом жениха во время свадьбы); *афарин!* – межд. выражает одобрение чьих-либо действий,

слов и т.п. *браво!*, *здорово!*, *молодец!*; *илла* – 1) межд. выражает удивление, восхищение и т.п. ну, ну и; 2) частица усиления употребляется с глаголом в повел. ф. ни в коем случае, ни в коем разе; *һуң* III – частица усиления не, ну и, же; *хуш* I – 3) в значении модального слова хорошо, добро; *кана* – межд. выражает побуждение к действию, просьбу ну, ну-ка, давай, давай-ка; *тәпәй* – межд. употребляется при предупреждении ребенка в возможном падении; *кит* II – межд. выражает внезапное удивление, возражение; *куй* II – межд. 1) с главным словом в отрицательной форме выражает несогласие, отказ, запрет и т.п.; 2) в сочетании с модальным словом *инде* выражает сожаление, досаду, недовольство; *әстәғәфирулла* – межд. выражает удивление, досаду, возмущение (боже мой, господи); *илаһым* – межд. выражает удивление, восхищение, негодование. радость; *иншалла* – если будет угодно аллаху, если бог даст; *тәүбә* – покаяние, исповедь, раскаяние.

11. Процессы, связанные с приготовлением пищи: *турта* – накипь, образующаяся при варке мяса (пена, грязь на поверхности кипящей жидкости); *үңәз* – 3) отстой на дне и стенках молочной посуды; *юшкын* – накипь, осадок.

12. Животный мир. По сравнению с другими, это самая большая группа. Это объясняется тем, что башкиры с древнейших времен занимались скотоводством. Так, археологические исследования В.В. Сальникова (1952) показывают, что племена, обитавшие в Башкортостане, еще во втором тысячелетии до нашей эры занимались охотой и скотоводством. Из домашних животных на территории Башкирии найдены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота и собаки [Мурсалимов, Сатыев, 1988: 14, 15].

Невозможно представить жизнь башкира без домашних животных, особенно без лошади:

1. В кочевом хозяйстве башкир лошадь служила прежде всего средством передвижения. Особенно широко использовалась она под седлом для кочеваний, разведок пастбищ и водопоев, охраны стад, для поездок в торговые и административные центры и общения друг с другом.

2. Широко использовался верховой конь и на различных видах охоты. Большое распространение имела у башкир охота с преследованием зверей на лошадях по первой пороше.

3. Значительное влияние на формирование верховых качеств башкирской лошади оказало использование ее в военных целях,

например, в Отечественной войне в 1941 – 45 гг. и т.д. Башкирская лошадь даже дошла до Парижа (1812 г.).

4. Башкирская лошадь широко использовалась на транспортных и сельскохозяйственных работах (перепашка земли, боронование).

5. На севере и северо-востоке Башкортостана лошади широко использовались на работах в лесу. На них перевозили бревна и тес. В Зауралье башкирская лошадь использовалась на горных промыслах и т.д.

Башкиры всегда ценили и ценят конину. «На мясо забивались преимущественно взрослые нагулянные лошади, от которых можно было получить конину, пригодную для приготовления национальных блюд и различных сортов колбас. Кроме пищевых продуктов, от лошади получали конский волос, который использовался для изготовления веревок; сухожилия – в качестве ниток; из костей готовили колесную мазь, мыло, лекарства против чесотки и других заболеваний. Одежду и посуду готовили из конской кожи» [См.: Мурсалимов, Сатыев, 1988: 21, 25, 29, 33, 34, 41]. Из кобыльего молока делают кумыс, который очень полезен для здоровья. Об этом врач В. Даль (1843) писал: «Привыкнув к кумысу, поневоле предпочитаешь его всем без исключения напиткам. Он охлаждает, утоляет одновременно и голод, и жажду. На кумысе ... чувствуешь себя бодрым, здоровым, легко дышишь, лицо приобретает хороший цвет».

Таким образом, понятно, почему башкиры так ценят лошадь и даже восхищаются ею. Известный башкирский поэт Г. Рамазанов писал:

*Что сила лошадиная – порой
Твердят, что кони не для наших дней,
И я не против скорости сверх звука,
Но сверх того – за добрых лошадей.
Пусть не брести в полях им нынче с плугом,
Я кланяюсь тебе, башкирский конь:
Ведь в юности крылатой был ты другом,
Нас обжигал одной войны огонь.*

Недаром в энциклопедии «Башкортостан» словосочетание *лошадь башкирская* представлено в отдельной словарной статье: «Лошадь башкирская происходит от пород степного и лесного типов, формировалась в условиях резко континентального климата при кру-

гологодичном пастбишном содержании. Голова с прямым профилем, широким лбом. Шея толстая, короткая, холка низкая, спина широкая, прямая... Лошадь башкирская использовалась для формирования башкирского войска и поставлялась русской армии во время всех войн, которые вела Россия. Качества лошади башкирской получили высокую оценку...». С этим и связано богатство и разнообразие в башкирском языке слов, относящихся к этому понятию: *арғымак* – верховая лошадь восточной породы; *юрга* – иноходец; *айғыр* – жеребец старше четырех лет; *конажын* – кобыла-трехлетка; *конан* – жеребец-трехлетка; *дүнән* (или *дүнән айғыр*) – 1) жеребец по четвертому году; 2) *дүнән* (или *дүнән үгез*) бык по четвертому году; *дүнәжен* – кобыла по четвертому году; *тай* – жеребенок в возрасте двух лет; *һәүерек* – жеребец, которого нельзя еще использовать как производителя; *ябага тай* – жеребенок-стригунок (родившийся весной).

Поскольку башкиры занимались преимущественно скотоводством, поэтому в башкирском языке запечатлено большое количество дифференциальных наименований домашних животных, что отмечает У.Ф. Надергулов. Автор приводит несколько названий одного и того же понятия. Например, слово *бызау* в разных говорах именуется разными названиями: *бызаукай*, *бежәүкәй*, *безәү*, *безәүкәй*, *бозау*, *бозоу*. Здесь мы встречаем такие слова, как *сәңгәсәр тана*, *һараяк башмак*, *башмаки* т.д., которые нашли отражение в нашем словаре [Надергулов, 1994: 40]. Например: *башмак I* – телка, родившаяся весной до годовалого возраста; *сәңгәсәр тана* – телка, не телившаяся до трехлетнего возраста; *тана һыйыр* – телка с годовалого возраста до первого отела; *һараяк башмак* – годовалый осенний теленок; *бәрән һарык* – овца с момента прекращения сосания до второго окота; *тыу һарык* – пропустившая очередной окот; *шешәк һарык* – овца после второго окота до третьего; *әтәмбай* – 1) ягненок или козленок, родившийся осенью (позднего окота); *кәзә бәрәсе* – козленок, родившийся весной; *ылак*, *бултерек* – козленок, родившийся летом; *баш-аяк* – 1) голова и конечности мясной туши; *һаңғау* – отрыгнутая пища (которой птицы кормят птенцов); *ыйыклау* – страдать гнойной опухолью (о домашних животных); *салыу һөйәге* – шейный позвонок (в том месте, где производится закалывание скота); *тупырсык* – место на щиколотке лошади, куда накладываются путы; *үрсел* – быстрый, ходкий на подъемах (о лошади); *үмгән* – место под хомутом у коня на груди; *һыртак* – с белой полоской вдоль спины

(о скоте); *һоркай* – лошадь коричневой масти; *ималлык* – разновидность диких уток-нырков; *тыуһыу* – 2) не приносящий приплода (о скотине).

Итак, мы рассмотрели безэквивалентную лексику башкирского языка на уровне понятийного содержания, то есть несовпадения понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности. Мы показали национально-специфические особенности лексики на уровне понятийных соотношений на материале сравнения русского и башкирского языков, которые расклассифицированы по двенадцати тематическим группам.

§ 5. Лексикографическое описание безэквивалентной лексики башкирского языка

5.1. Башкирская лексикография: история и современность (предпосылки создания лингвокультурологических словарей)

Первые лексикографические работы по башкирскому языку относятся к концу XVIII века [Ишбердин, 1986: 11 – 18; Баишев, 1982: 117, 118; Суфьянова, 1998: 11, 12]. Лексические материалы башкирского языка были включены в «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы» (1787 – 1798 гг.). Первым словарем башкирского языка считается рукописный «Перевод слов на башкирский язык» М. Бикчурина, датируемый 80-ми годами XVIII века. Этот русско-башкирский словарь содержит перевод 560 русских слов на башкирский язык, при этом переводы приводятся на русской и арабской графике [Ишбердин, 1986: 11]. В настоящее время известны пять словарей, составленные М. Бикчуриным. Два из них двуязычные: русско-башкирский (360 слов) и русско-чувашский (286 слов), а остальные три многоязычные: русско-арабско-персидско-мишарский (357 слов), русско-хивинско-бухарско-киргизско-мишарский (277 слов), русско-черемисско-чувашско-мордовский (357 слов).

В 1869 году в Казани была издана книга Мирсалиха Бикчурина «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и та-

тарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана» со словарем, который составлен по тематическому принципу. В нем сначала даются алфавиты и правила чтения по названным языкам: арабскому, персидскому и татарскому. Слова расположены в виде таблиц, это наглядно показывает лексические отличия башкирского языка от татарского. Например: тат. *абый* – башк. *агай*, тат. *түтэй* – башк. *апай*, тат. *борон* – башк. *танау* и др. На всех языках приведены наиболее употребительные фразы и нравоучительные изречения для перевода, примеры для чтения. На башкирском языке дан текст народной сказки «*Батыр батиша әкиәте*» («Сказка о смелом царе»). Даются также русско-персидско-татарские слова, расположенные по тематике, а в сносках указаны отдельные слова, которые по-разному произносятся у башкир и киргизов. Следующий раздел составлен в виде диалога по урокам на русско-персидско-татарских языках, а уроки подготовлены по определенной тематике, даны прописи на всех трех языках [Суфьянова, 1998: 11, 12].

В конце XIX века вышли в свет два сравнительно больших словаря, составленные В.В. Катаринским при участии и помощи М. Куватова «Краткий русско-башкирский словарь» (Оренбург, 1893) и «Башкирско-русский словарь» (Оренбург, 1899). Эти словари положили начало более основательному знакомству с башкирским языком. Здесь звуки башкирского языка изображаются русскими буквами. Для обозначения чисто башкирских звуков сделаны «необходимые изменения», то есть применены дополнительные знаки. В русско-башкирском словаре слова расположены по темам: человек, родство, занятия, местоимения, учебные вещи, одежда и белье и др. (всего 43 темы). К словам даны только переводы: *буага* – *язу*, *тетрадь* – *тетрадь*, *теккән язү* и т.д.

Второй словарь В.В. Катаринского является наиболее полным словарем дореволюционного периода и включает в себя около 2500 башкирских слов. В этом словаре слова даны по алфавиту, производные слова приводятся в одном гнезде с корневым. Например: *колын* – жеребенок, *колынна* – ожеребиться, *колын бәйлә* – привязать жеребенка (когда доят кобыл, башкиры жеребят привязывают). Все значения даются подряд: *арка* – спина, опора, покровительство, хребет горы. Ко многим словам приведены примеры, иногда в качестве примера приводятся и пословицы башкирского народа. В словаре

слова не только переводятся на русский язык, иногда дается их толкование, объяснение: *корот* – сыр башкирский в виде шариков и т.д. Глаголы даются в форме повелительного наклонения: *хогон* – брать в рот чего-нибудь горстями (башкиры делают так во время угощения гостей бишбармаком).

К заимствованным словам из русского языка дана этимология: *көршөк* [рус] горшок и т.д. Если у заглавного слова имеются варианты, то автор дает их рядом с основным в скобках: *икмәк (ипмәк)* – печеный хлеб, каравай. Катаринский в словаре старался отразить особенности живого разговорного языка башкир, а в толкованиях характеризовал особенности их быта, обрядов, национальные традиции, что в какой-то мере закладывало основы современных культурологических словарей.

В 1869 – 1871 годах доцент восточного факультета Санкт-Петербургского университета Л.З. Будагов издал «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских с переводом их на русский язык». В словаре имеются ценные сведения и по башкирской лексике. В сравнении даются слова, употребляющиеся в башкирском языке с пометой *баш.* или *башк.* Все слова расположены по корням, а производные слова даются в одном гнезде с производящими. Здесь представлены географические названия, имена собственные, слова, обозначающие некоторые реалии быта и обычаи тюркских народов. Как и в словарях В.В. Катаринского, так и в данном словаре встречается безэквивалентная лексика башкирского языка. Например: *башк. кашмау* – головной убор башкирок, унизанный бисером а сверх бисера серебряными и золотыми монетами или просто оловянными кружочками; *сзади кашмау*, вдоль по спине висит какая-нибудь материя, унизанная также бисером и монетами. *Сверх кашмау – кәләнүш*, остроконечная шапочка, также унизанная. У незамужних голова покрывается только платком.

Башкирская лексика также включена в словарь академика В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий». Этот словарь начал издаваться в 1895 году в Санкт-Петербурге и был высшим достижением тюркской лексикографии по богатству материала и его систематизации.

После Октябрьской революции и образования Башкирской АССР, когда встал вопрос о введении башкирского языка в государственную

практику, в печать, литературу и школьное обучение, разработка его литературных норм, выявление и систематизация всех возможностей языка, в том числе лексических, становится неотложной задачей. Осуществление ее затруднялось тем, что башкирский язык никогда не функционировал в качестве письменного языка. Башкиры в течение нескольких веков пользовались языком «тюрки» и признавали его своим письменным литературным языком. Теперь необходимо было создать новый письменный язык, основанный на собственно башкирском. Однако «тюрки», отработанный в определенной степени как письменный язык, имеющий в этом качестве более или менее сложившиеся лексические, грамматические и стилистические нормы, не мог быть игнорирован совершенно. Он, наряду с башкирским народным разговорным языком и достаточно хорошо отработанным в литературном отношении языком эпического фольклора, лег в основу башкирского литературного языка [Биишев, 1982: 117].

Границы функционирования создаваемого башкирского письменного литературного языка сильно расширились. Для удовлетворения новых требований необходимы были новые средства языка, и потребность в этих средствах прежде всего ощущалась в области терминологии. Поэтому первые лексикографические работы, появившиеся в первой половине 20-х годов, терминологические словари. «Потребность в этих словарях была настолько велика, что печатали их по мере готовности частями в республиканских газетах и журналах, не дожидаясь полной разработки» [Там же: 118].

Для того, чтобы собрать богатую и своеобразную лексику башкирского языка, была организована серия экспедиций, составлены словари отраслевой лексики. В 1924 году в журнале «Белем» был опубликован словарь Г. Вильданова «Башкорт лөгәте», а в 1926 году вышел «Башкорт лөгәте» (Уфа, 1926) Н. Тагирова.

С точки зрения современной башкирской лингвистики оба словаря являются диалектными, но в них получили отражение многие архаические структурно-семантические особенности башкирской лексики, поэтому они по сей день не потеряли научной ценности [Ишбердин, 1986: 18].

В 1927 году вышел словарь Г. Вильданова «Эш атамалары». И в последующие годы было издано более тридцати башкирско-русских и русско-башкирских терминологических словарей по математике, физике, медицине, химии, ботанике, а также словари

юридических, этнографических терминов и т.д. Эта работа продолжается и в настоящее время, особую остроту она принимает в связи с принятием в республике «Закона о языках», согласно которому башкирский язык получает статус государственного языка Республики Башкортостан.

Первым двуязычным словарем был «Русско-башкирский словарь» Г.Р. Каримовой под редакцией Н.К. Дмитриева (Уфа, 1942). Словарь оказался очень компактным и удобным лексикографическим пособием и вследствие большого спроса был переиздан (М., 1954).

Первый большой двуязычный словарь под редакцией Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова, Т.Г. Баишева был издан в 1948 году, авторами словаря являются: К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, А.М. Бикмурзин, Мажит Бурангулов, Г.И. Ишбулатов, А.Ш. Кутушев, А.И. Харисов, Махмут Хафизов. Данный лексикографический труд имел большое значение в культурной жизни Башкирии и сыграл определенную роль в нормировании лексики башкирского литературного языка.

В истории башкирской лексикографии большое место занимает «Башкирско-русский словарь» (М., 1958), включающий 22 тысячи слов. Словарь вышел под редакцией К.З. Ахмерова, Т.Г. Баишева, Г.Р. Каримовой, А.К. Юлдашева. Составителями словаря являются К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, А.М. Бикмурзин, У.М. Яруллина, Б.С. Саяргалиев, Р.Н. Терегулова.

Новый «Русско-башкирский словарь» был издан в 1964 году (46 000 лексических единиц), авторами словаря являются Т.М. Гарипов, З.К. Ишмухаметов, М.Л. Рафиков, У.М. Яруллина. Словарь издан под редакцией К.З. Ахмерова.

Одним из больших двуязычных словарей является «Башкирско-русский словарь», где ответственным редактором является З.Г. Уракин (М., 1996). Словарь содержит более 40 тысяч слов, 32 тысячи заглавных слов. В основу словаря положен принцип нормативности, то есть слова имеют нормативную характеристику, унифицирована орфография ряда слов и словоформ.

Абсолютное большинство слов и фразеологизмов снабжено цитатами. Шире, чем в предыдущих словарях, представлены продуктивные неологизмы, наиболее употребительные заимствования, общественно-политическая и научно-техническая, безэквивалентная лексика и терминология. При башкирских реалиях и понятиях, не имеющих русских эквивалентов, дается пояснительный перевод. На-

пример: *ент* – вид пищи из размельченного сухого творога с сахаром. В других случаях значение слова объясняется способом транслитерации, в скобках дается пояснительный перевод: *елэн I* – зияян (верхняя легкая одежда на подкладке и без застежки в виде халата без воротника; женская шьется в талию, иногда украшается монетами и вышивками; мужская – без сложных украшений).

Этот же словарь переиздан в 2005 году под редакцией академика З.Г. Ураксина (Уфа, 2005, т. 1. А – О, 808 с.; т. 2. П – Я, 680 с.), составителями являются И.М. Агишев, А.Ф. Гиндуллина, Г.Д. Зайнуллина, З.К. Ишмухаметов, С.Ф. Миржанова, Ш.В. Нафиков, З.А. Сиразетдинов, Н.Ф. Суфьянова, З.Г. Уразбаева, З.Г. Ураксин, Р.Н. Хадыева. Словарь содержит 60 тысяч слов современного русского литературного языка. Основную часть словаря составляют наиболее употребительные слова; включена также разговорная и просторечная лексика, фразеологические выражения и активная часть научной терминологии.

Еще в 20 – 30-е годы XX века башкирские ученые начали исследовать говоры башкирского языка, более целенаправленный характер эта работа приняла после 50-х годов. Для определения нормы литературного словоупотребления необходим анализ всей лексической системы общенародного языка и тщательный отбор соответствующей лексики. С этой целью был составлен трехтомный словарь говоров башкирского языка: «Башкорт һөйләштәренен һүзлеге». Т.1. Көнсыгыш диалект (төз. Н.Х. Мәксүтова, Н.Х. Ишбулатов, С.Ф. Миржанова, С.Г. Филманова; Н.Х. Мәксүтова һәм Н.Х. Ишбулатов редакцияһында. Өфө, 1967). В 1970 году вышел II том (южный диалект), в 1987 году – III том (западный диалект).

Создание двуязычных словарей, расширение круга лингвистических исследований дали возможность разработать ряд специальных словарей:

аспектных: Ураксин З.Г. Башкорт теленең синонимдар һүзлеге. (Өфө, 1966; 2-е изд., 1985; 3-е изд., 2000); Әхтәмов М.Х. Башкорт теленең омонимдар һүзлеге (Өфө, 1966; 2-е изд., 1986); Әхтәмов М.Х. Башкорт теленең антонимдар һүзлеге (Өфө, 1973; 2-е изд., 1987);

фразеологических: Ураксин З.Г., Нәзершина Ф.А., Йосопов Ғ.Х. Башкортса-русса фразеологик һүзлек (Өфө, 1973); Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. (М., 1989); Ураксин З.Г. Башкорт теленең фразеологик һүзлеге (Өфө, 1996);

ономастических: Күсимова Т.Х. Башкорт исемдәре (Өфө, 1976; 2-е изд., 1982); Словарь топонимов Башкирской АССР (сост. А.Н. Камалов, Р.З. Шакуров, З.Г. Ураксин, М.Ф. Хисматов; под ред. Т.М. Гарипова, А.А. Камалова, З.Г. Ураксина. Уфа, 1980);

терминологических: Русско-башкирский, башкирско-русский словарь юридических терминов (сост. М.М. Мухаметдинов, З.З. Абсаямов; отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа, 1980); Ғүмәров В.З. Кешенәң анатомияһы һәм физиологияһы буйынса русса-башкортса һүзлек (яуап. ред. З.Г. Ураксин. Уфа, 1981); Словарь математических терминов (сост. М.С. Ахтямова, М.Х. Ахтямов. Уфа, 1982); Абсаямов З.З. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь общественно-политических терминов. Уфа, 1984); Мырзакаев Ф.С. Русса-башкортса ауыл хужалығы терминдары һүзлеге. Өфө, 1987); Зайнуллина Г.Д. Русско-башкирский словарь лингвистических терминов (Уфа, 1991); Русса-башкортса, башкортса-русса юридик терминдар һүзлеге (төз. М.М. Мөхәмәтдинов, З.З. Әбсәләмов. Өфө, 1994); Баһаутдинова М.И. Башкортса-русса этнографик терминдар һүзлеге (Өфө, 1994) и т.д.;

орфографических: Азнағолов Р.Ғ. Башкорт теленәң орфография һүзлеге (Өфө, 1998);

этимологических: Камалов А.Ә., Камалова Ф.Ү. Башкорт теленәң тарихи-этимологик топонимик һүзлеге (Өфө: Китап, 2007); Азнабаев А.М., Акбулатова Р.Т. Историко-этимологический словарь диалектизмов башкирского языка (Уфа, 2015);

лингвокультурологических: Самситова Л.Х. Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка (под ред. проф. М.В. Зайнуллина, проф. Л.Г. Саяховой. Уфа: Китап, 1999; 2-е изд., 2006); Самситова Л.Х. Башкорт тел картинаһында мәзәниәт концепттары. Лингвокультурологик һүзлек (ғилми мөх. проф. М.В. Зәйнүллин. Өфө: Китап, 2010); Самситова Л.Х., Әхмәтшина Г.С., Ижбаева Г.Р., Байназарова Г.М., Килмәкова Ә.Н., Ташбулатова Р.М. Башкорт фольклоры концептосфераһы. Лингвокультурологик һүзлек. Өфө: Китап, 2013);

других видов словарей: Ишбирзин Э.Ф. Башкортостан коштары (белешмә китап) (Өфө, 1986); Әхтәмов М.Х. Башкорт теленәң морфемалар һүзлеге (Өфө, 1992); Әбсәләмов З.З., Хажин В.И. Башкортса-русса грамматик-орфографик һүзлек (Өфө, 1995); Аюпова Л.Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи (Уфа, 1994); Әхтәмов М.Х. Башкорт теленәң грамматика һүзлеге (Өфө, 1994);

Башкортса-русса мэкәлдәр һәм әйтемдәр һүзлеге (төз. И. Гарипов. Өфө, 1994); Сиразитдинов З.А. Башкорт теленәң йышлык һүзлеге. Т. 1 (Фәнни әзәбиәт буйынса) (Өфө, 1997); Гарипов Т.М. Семиречие Башкортостана: Семиязычный словарь (Уфа, 1998); Ахтямов М.Х. Обратный словарь башкирского языка (Уфа, 1999); Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорт мифологияһы: Белешмә-һүзлек (Өфө: Ғилем, 2002); Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. (М.: Наука, 2010); Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Вып. 1 (Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011); Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Вып. 2 (Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012); Назыева Р.Н. Башкорт теленәң этнолингвистика һүзлеге (яу. мөх. З.Г. Ураксин. Өфө: Китап, 2002); Әхтәмов М.Х. Башкорт халык мэкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге (Өфө: Китап, 2008).

Наряду с академической лексикографией в последние годы можно отметить становление в Башкортостане учебной лексикографии – теории и практики составления учебных словарей. К таким словарям можно отнести следующие: Ахмеров К.З. Орфографический словарь башкирского литературного языка. Для начальной школы (2-е изд., М., 1952); Хажин В.И. Орфография һүзлеге. I – III кл. укыусылары осон кулланма (Өфө, 1978); Русско-башкирский учебный словарь (авт.-сост.: Л.Г. Саяхова, З.Г. Сахипова, З.Г. Ураксин, Ф.Ф. Асадуллина. Уфа, 1986. Словарь переиздан в 1997 году); Азнағолов Р.Ғ. Башкорт теленәң орфография һүзлеге. Урта мэкәтәп укыусылары осон кулланма (Өфө, 1988); Гиндуллина А.Ф., Каримова Р.Х. Русско-башкирский учебный ситуативный словарь фразеологических единиц (Уфа, 1992); Азнағолов Р.Ғ. Башкортса-русса мэкәтәп һүзлеге (Өфө, 1993); Ураксин З.Г. Краткий русско-башкирский словарь (Уфа, 1994); Мулюкова З.Б., Ганеева З.М., Мунасипов С.Т. Учебный немецко-русско-башкирский словарь (Уфа, 1996); Саяхова Л.Г., Ураксин З.Г., Хасанова Д.М. Русско-башкирский иллюстрированный тематический словарь (Уфа, 1998).

Особо нужно отметить толковый словарь башкирского языка в двух томах под руководством А.Г. Баишева, вышедший в 1993 году «Башкорт теленәң һүзлеге» (авт. И.М. Агишев и др.; ред. кол. А.Г. Бишев и др.).

Толковый словарь башкирского языка «Башкорт теленәң һүзлеге» ставит задачу полно отразить лексическое богатство собственно башкирского языка, определить границы литературного словоупотребления и раскрыть значения слов и фразеологизмов. Наряду

с этим в словнике словаря определенное место занимают диалектизмы, арабские, персидские заимствования – устаревшие и книжные слова. В словарь включены также общеизвестные, употребительные термины, производные формы слов с регулярными словообразовательными аффиксами и т.д.

Большим достижением науки является толковый словарь башкирского языка «Башкорт теленең академик һүзлеге» в 10 томах под редакцией доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента АН РБ Ф.Х. Хисамитдиновой, 8 томов из которых уже изданы (Уфа, 2011, т. 1 (А), 432 с.; 2011, т. 2 (Б), 568 с.; 2012, т. 3 (В – И), 864 с.; 2012, т. 4 (Й – К), 944 с.; 2013, т. 5 (К), 888 с.; 2014, т. 6 (Л – О), 944 с.; 2015, т. 7 (П – С), 872 с.; 2016, т. 8 (Т), 832 с.).

Академический словарь башкирского языка является первым в истории башкирской лексикографии толково-переводным словарем. Словарь в основном включает в себя общераспространенные слова и фразеологизмы современного башкирского языка. Кроме этого, в словарь включены наиболее распространенные диалектизмы, устаревшие и новые слова, народная и научная терминология, а также имена собственные, имеющие более широкое употребление. Толкование слов и фразеологических единиц дается на башкирском языке с переводом на русский язык. Заглавные слова переводятся на русский, английский и турецкий языки.

Предлагаемый словарь призван стать наиболее полным по охвату многовекового богатства лексики и фразеологии башкирского языка, разработке их значений и переводу, по раскрытию возможностей словоупотребления, литературно-нормативным оценкам слов и выражений.

Толковые словари имеют большое значение в культурной жизни любого народа, обобщают достижения языкознания, лексикографии и являются базой для дальнейшего развития национальной культуры.

Названные словари определяют новые перспективы в развитии башкирской лексикографии.

В 1996 г. издан словарь «Башкортостан. Краткая энциклопедия», где главным редактором является Р.З. Шакуров. Этот словарь является первой энциклопедией о республике. Здесь отражается все: природа, население, исторические очерки, народное хозяйство, наука, народное образование, башкирская литература, фольклористика, здравоохранение, философская мысль, религия и церковь, архитектура, культура и

искусство, книгоиздательское дело и полиграфия, периодическая печать, радиовещание и телевидение, туризм, международные связи.

Данный словарь является неоценимым источником знаний о Башкортостане. Читатель может узнать все, что его интересует по истории, природе, культуре Башкортостана.

Более дополненным вариантом данного словаря является «Башкирская энциклопедия», выпущенная под редакцией М.А. Ильгамова (Уфа, 2005 – 2011). Она состоит из 7 томов и включает свыше 17 тыс. статей, треть из которых биографические. В энциклопедии содержатся статьи о странах мира и субъектах Российской Федерации, с которыми Башкортостан имеет исторические, экономические и культурные связи; о районах и населенных пунктах Республики Башкортостан; о географических объектах (горах, реках, озерах и др.); об отраслях экономики; о предприятиях, учреждениях, организациях; о важнейших исторических событиях; о народах республики. Приводятся подробные сведения о культуре и быте башкир. Освещаются вопросы образования, науки, литературы, искусства.

Материалы данного нами обзора башкирской лексикографии свидетельствуют о том, что современные типы словарей, в том числе словарь безэквивалентной лексики, подготовлены всем предшествующим опытом разработки теории и практики составления словарей башкирского языка. К какому бы словарю мы ни обратились, во всех словарях встречаем безэквивалентную лексику башкирского языка, то есть реалии и понятия, связанные с культурой и понятийной языковой картиной мира башкирского народа. Они даны не в полном объеме, но все-таки они есть и их нужно было собрать, дополнить материалами, извлеченными из текстов художественной и научной литературы, чтобы представить как особый пласт лексики, как единое системно организованное целое. С этой целью нами был составлен словарь безэквивалентной лексики башкирского языка «Реалии башкирской культуры».

5.2. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка

Любой словарь, будучи сообщением о каком-то аспекте языка (о произношении, значении, написании слов, о фразеологии, афористике и т.д.), является одновременно сообщением о культуре народа – носителя данного языка. В последнее время в связи с развитием

этнолингвистики, интересом к проблеме «язык и культура», подходом к языку как феномену культуры и культурно-исторической среде появляется интерес к словарям, ориентированным преимущественно на лингвокультурологическую информацию. К ним можно отнести лингвострановедческие словари, например, словарь Т.Н. Чернявской «Художественная культура СССР» (под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1984.) и др. Немалую роль в этом сыграли новые подходы к изучению семантики слова, позволившие выявить в структуре значения слова семантические доли, которые отвечают за связь слова с историей и культурой народа. Давая краткий обзор «культурологических» подходов к семантике слова, Н.Г. Комлев отмечал в то же время, что «культурное значение» слова, культурная коннотация (созначение) лексики не описаны пока достаточно полно ни в одном языке. Между тем, главное при изучении неродного языка – это усвоение культурной коннотации лексики этого языка, усвоение новой языковой картины мира. С самого начала изучаемое слово должно связываться в сознании учащегося с этнической действительностью, жизнью народа – носителя языка, т.к. способ наименования предметов, лексические значения слов и их коннотации развиваются на основании укоренившихся в данном языковом коллективе традиций [Комлев, 1966: 46].

Как мы уже отметили, башкирский язык по сравнению с другими тюркскими языками до Октябрьской социалистической революции был изучен слабее. Первые лексикографические работы по башкирскому языку относятся к концу XVIII века.

Мы убедились в том, что уже в первых тюркских словарях отражена безэквивалентная лексика башкирского языка. Но до наших дней не был издан специальный лингвокультурологический словарь, в том числе и словарь реалий башкирской культуры. Назрела необходимость создания лингвокультурологических словарей. Одним из видов таких словарей является словарь безэквивалентной лексики башкирского языка «Реалии башкирской культуры».

Названный словарь можно отнести к лингвокультурологическим или этнолингвистическим типам словарей. Данный словарь является первой попыткой выявления и систематизации безэквивалентной лексики башкирского языка, функционирующей в разных сферах применения языка в письменной форме. Фронтальный просмотр широкого круга источников – произведений художественной литерату-

ры (оригинальной и переводной), специальной учебной, научной и научно-популярной литературы о Башкортостане, отражающей историю, самосознание, быт, обычаи и духовность народа, показал, что в текстах на русском языке систематически употребляется лексика башкирского языка. Одни из них тюркизмы. Например, религиозная лексика: *алла* – господь, бог, *ислам* – вера, религия мусульман; названия месяцев: *мухаррам* – название первого месяца мусульманского лунного года, *зульхиджа* – название двенадцатого месяца мусульманского лунного года; слова, обозначающие произведения народного творчества: *баит* – народное стихотворное произведение, сказание, частушка, *иртэк* – вид эпоса.

Вторая группа слов свойственна только башкирскому языку. Например, названия музыкальных инструментов: *курай* – башкирский духовой музыкальный инструмент типа открытой продольной флейты, *кыл-кумыз* – струнный смычковый инструмент башкир; названия предметов домашнего обихода: *шыры* – кожа для изготовления кумысной посуды, *марке* – 1) короб из дуба для сушения курута; 2) носилки из дуба или бересты для носки земли, глины и т.д. В словаре нашли отражение та и другая группа слов.

Охарактеризуем параметры словаря.

Объем и источники словаря.

В составленном нами «Словаре безэквивалентной лексики башкирского языка» представлено более 300 лексических единиц, обозначающих реалии башкирской культуры; источником отбора безэквивалентной лексики и иллюстраций ее употребления послужили следующие источники:

1. Произведения писателей о Башкирии из пятитомного издания «Башкирия в русской литературе» (составитель М.Г. Рахимкулов, Т. 1 – 5, 1961 – 68): Пушкин А.С. «История Пугачева», «Капитанская дочка»; Аксаков С.Т. «Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника» и т.д.; Даль В.И. Башкирская русалка»; Авдеев М.В. «Поездка на кумыс»; Беляев Т.С. «Куз-Курпяч»; Кудряшев П.И. «Прощание башкирца с миллой» и многие другие.

Из этого пятитомного издания были взяты примеры с такими реалиями (всего 34): *тамга, алла, ишан, азан, коран, минарет, шарит, газраил, аксакал, батыр, джигит, агай, атай, бабай, калым, сабантуй, саба, кумган, хике, бурюк, каляпуш, кашмау, тюбетейка, чалма, чапан, бишбармак, чак-чак, кумыс, корот, барымта, ясак,*

джинн, пярей, аллахы акбар. Как показывают примеры, авторы были хорошо знакомы с религией, обычаями и бытом башкирского народа.

Уже в текстах художественных произведений XIX века мы встречаем безэквивалентную лексику башкирского языка: русские писатели прошлого века живо интересовались бытом, традициями башкирского народа.

2. Художественные произведения башкирских писателей, переведенные на русский язык: Бишева З.А. Трилогия «К свету» (Уфа, 1980, 1985, 1987); Карим М.С. «Долгое-долгое детство» (М., 1981); Давлетшина Х.Л. «Иргиз» (Уфа, 1988); Ибрагимов Г.Г. «Кинзя» (Уфа, 1988); Мусин Н.С. «Вечный лес» (Уфа, 1989) и многие другие.

Только из романа Х. Давлетшиной «Иргиз» были выписаны примеры со следующими реалиями (23 слова): *шажара, алла, муфти, муэдзин, намазлык, мечеть, минарет, газраил, еңге, джииин, аласык, тирмэ, корог, селтэр, хакал, шайтан, вагалейкум-саям, ай-хай, байтал*.

3. Специальные работы по истории, культуре Башкортостана (учебная, научная и научно-популярная литература): Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. «Декоративно-прикладное искусство башкир» (Уфа, 1992); Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. «Семейный быт башкир XIX – XX вв.» (М., 1991); Руденко С.И. «Башкиры. Историко-этнографические очерки» (М.; Л., 1955); Хисамитдинова Ф.Г., Шарипова З.Я., Нагаева Л.Г. «Родной Башкортостан» (Уфа, 1992) и др.

Так, из книги Н.В. Бикбулатова, Ф.Ф. Фатыховой «Семейный быт башкир XIX – XX вв.» мы взяли примеры со следующими реалиями: *яназа, ясин, яуаплама, хойхон, бишек туйы, суннатлау, еп сэйе, аулак ой, джииин, омэ, хобэ*. Из книги С.И. Руденко «Башкиры. Историко-этнографические очерки» были взяты следующие словареалии: *батман, бешкэк, корог, чувал, бурюк, кашмау, инхалек, састанка, сикасук, хакал, хасита, эмейлик, яурынса, бишбармак, салма, бэлеш, катык, ажекей, минбар, корбан*.

4. Филологические и энциклопедические словари: «Башкорт теленең һүзлеге». В II томах (М., 1993); «Башкирско-русский словарь» (под ред. З.Г. Ураксина. М., 1996); «Башкортостан. Краткая энциклопедия» (Уфа, 1996); Аюпова Л.Л. «Лексика народов Башкортостана в русской речи» (Уфа: БГУ, 1994) и т.д.

Из названных словарей подробнее рассмотрим глоссарий Л.Л. Аюповой «Лексика народов Башкортостана в русской речи», где вместе с регионализмами дана и безэквивалентная лексика. Напри-

мер, такие реалии, как *аласык, тюбетейка, табикмак, курай, шеже-ре, инай, батман, сукмар* и т.д. А также понятия: *аманат, саз, сунча, табын, тулаем, тур, гумер, хуш*.

Данный глоссарий является первой попыткой систематизации лексики языков народов Башкортостана, функционирующей в разных сферах и средах применения русского языка как в письменной, так и в устной формах. В глоссарий представлено более 700 лексических единиц. Картотека содержит около 5000 иноязычных словоформ, отдельных словосочетаний и выражений, извлеченных из письменных источников и данных устной (в том числе диалектной) речи. В глоссарий включена, как уже отметили, и безэквивалентная для русского языка лексика из языков народов Башкортостана, в том числе и башкирского.

Среди словарей большое значение для нашего исследования имеет семязычный словарь Т.М. Гарипова «Семиречие Башкортостана» – первый многоязычный словарь, который содержит около 2700 высокочастотных терминов, актуальных для народов Башкортостана.

Практическую часть словаря составляет публикуемый впервые сравнительно-сопоставительный словарь семи языков: русского, башкирского, татарского, турецкого, арабского, персидского и венгерского.

В 8 приложениях словаря представлено 15 языков. Среди них 4 языковых групп, принадлежащих 7 лингвистическим общностям Республики Башкортостан. В приложении I дано 375 башкирских слов, среди которых имеются слова, принадлежащие к безэквивалентной лексике. Например: *атай, эсэ, бажа, юрматы, ара, алла*.

Связь русского языка и тюркских языков зафиксирована историей с давних времен. Возникшая издревле связь между русским и тюркским народами, их тесный контакт, обусловленный территориальной близостью и жизненной необходимостью поддерживать торгово-экономические взаимоотношения, потребовали от народов, носителей этих языков, практического знания языков своих соседей. В связи с этим появились первые переводчики. С приобщением тюркских народов к русской и интернациональной культуре, благодаря тесному контакту народов – носителей языков – с особой силой проявилось взаимопроникновение и взаимообогащение лексики языков разных систем.

Н.К. Дмитриев все слова, заимствованные русским языком из тюркских, считает тюркизмами, независимо от их происхождения в тюркских языках.

Слова монгольские, иранские, арабские и другие, представляющие собой материал религиозного, правового, бытового и иного содержания, вошедшие в русский язык преимущественно из тюркских языков, классифицируются современными исследователями как тюркизмы. Этому правилу придерживается и автор «Словаря тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шипова, словарь этот также был использован нами для сопоставления со словарем безэквивалентной лексики башкирского языка.

Автором «Словаря тюркизмов» использованы все возможные и доступные ей источники, начиная с памятников древнерусской письменности и данных, засвидетельствованных художественной литературой, а также устных, включая областную речь и просторечие. Словарь содержит около двух тысяч тюркизмов, вошедших в русский язык, в числе которых имеются реалии и понятия башкирского языка.

В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой мы выявили 101 слово (тюркизмы) безэквивалентной лексики; в «Лексике народов Башкортостана в русской речи» Л.Л. Аюповой – 187 слов безэквивалентной лексики башкирского языка. После сопоставления выявленного материала с нашим словарем безэквивалентной лексики башкирского языка «Реалии башкирской культуры» мы убедились в том, что многие слова в этих словарях совпадают. Это подтверждает объективность отбора и само наличие в башкирском языке пласта безэквивалентной лексики, что является доказательством необходимости и актуальности ее специального описания.

Приведем в сопоставлении выявленный материал из трех источников по тематическим блокам (отсутствие слова обозначено прочерком).

Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка Л.Х. Самситовой (1999)	Лексика народов Башкортостана в русской речи Л.Л. Аюповой (1994)	Словарь тюркизмов в русском языке Е.Н. Шиповой (1976)

I. Административно-территориальные деления

1) аймак	1) аймак	1) аймак
2) ара	2) –	2) –
3) даруга	3) –	3) –
4) тюба	4) тюба	4) –
5) ырыу	5) –	5) –

II. Этнографические родоплеменные отношения

1) айле	1) –	1) аймак
2) бурзян	2) –	2) –
3) катай	3) –	3) –
4) кыпсак	4) –	4) –
5) мин	5) –	5) –
6) табын	6) –	6) –
7) тамьян	7) –	7) –
8) тангаур	8) –	8) –
9) усерган	9) –	9) –
10) юрматы	10) –	10) –
11) тамга	11) тамга	11) тамга
12) шэжэрэ	12) –	12) –

III. Религиозная лексика

1) алла	1) Алла	1) аллах
2) ислам	2) ислам	2) –
3) абыстай	3) абыстай	3) –
4) дарвиш	4) дервиш	4) дервиш
5) имам	5) имам	5) имам
6) ишан	6) ишан	6) ишан
7) кари	7) карый	7) кади
8) мулла	8) –	8) мулла
9) муфтий	9) муфтий	9) муфтий
10) муэдзин	10) мазин	10) муэдзин
11) мюрид	11) –	11) –
12) муршид	12) –	12) –
13) суфий	13) суфый	13) –
14) хазрет	14) хэзрет	14) –
15) хальфа	15) халиф	15) халиф
16) азан	16) азан	16) –
17) аят	17) аят	17) –
18) намаз	18) намаз	18) намаз
19) яназа	19) йыназа	19) –
20) ясин	20) ясин	20) –
21) яуаплама	21) –	21) –
22) замзам	22) –	22) –
23) коран	23) коран	23) коран
24) намазлык	24) намазлык	24) –
25) мечеть	25) –	25) мечеть
26) минарет	26) –	26) минарет
27) минбар	27) –	27) –
28) михраб	28) михрап	28) –

III глава

29) медресе	29) медресе	29) –
30) мектеб	30) мектеб	30) –
31) корбан	31) корбан	31) –
32) корбан байрам	32) корбан байрам	32) –
33) маулуд байрам	33) –	33) –
34) ураза байрам	34) ураза	34) ураза
35) фетва	35) –	35) –
36) шариат	36) шариат	36) шариат
37) ибадат	37) –	37) –
38) гушер	38) ушер	38) –
39) талак	39) талак	39) –
40) тахарат	40) –	40) –
41) фытыр	41) –	41) –
42) хадж	42) –	42) –
43) хажи	43) хази	43) хаджи
44) хайер	44) –	44) –
45) газраил	45) азраил	45) –
46) –	46) ахун	46) ахун
47) –	47) гяур	47) гяур
48) –	48) –	48) шийт

IV. Названия месяцев мусульманского лунного года

1) мухаррам	1) –	1) –
2) сафар	2) –	2) –
3) рабигылаввал	3) –	3) –
4) рабигылахыр	4) –	4) –
5) джумадилаввал	5) –	5) –
6) джумадилахыр	6) –	6) –
7) ражап	7) –	7) –
8) шагбан	8) –	8) –
9) рамазан	9) рамазан	9) рамазан
10) шаввал	10) –	10) –
11) зулькагида	11) –	11) –
12) зулькиджа	12) –	12) –

V. Названия лиц

1) аксакал	1) аксакал	1) аксакал
2) батыр	2) батыр	2) батыр
3) бий	3) бий	3) бей
4) егет	4) егет	4) джигит
5) кушага	5) –	5) –
6) сэсэн	6) сэсэн	6) –

7) тархан	7) –	7) тархан
8) турэ	8) турэ	8) –
9) узаман	9) –	9) –
10) ханым	10) ханым	10) –
11) абей	11) абей	11) –
12) агай	12) агай	12) агай
13) апай	13) апай	13) апай
14) апхын	14) апхын	14) –
15) агай	15) агай	15) агай
16) бабай	16) бабай	16) бабай
17) бажа	17) –	17) –
18) балдыз	18) –	18) –
19) езнэ	19) езнэ	19) –
20) енгэ	20) енге	20) –
21) иняй	21) инай	21) инай
22) каинбика	22) –	22) –
23) каиненга	23) –	23) –
24) кайне	24) кайне	24) –
25) кайнага	25) кайнага	25) –
26) кайнеш	26) кайнеш	26) –
27) кайны	27) кайны	27) –
28) карындаш	28) карындаш	28) –
29) килен	29) килен	29) –
30) кияу	30) кияу	30) –
31) коза	31) коза	31) –
32) козагый	32) козагый	32) –
33) козаса	33) козаса	33) –
34) кусты	34) кусты	34) –
35) мырза II	35) мырза	35) мурза I
36) олатай	36) олатай	36) –
37) олэсэй	37) –	37) –
38) хенле	38) –	38) –
39) эсэй	39) эсэкэй	39) –
40) –	40) мирза	40) мирза
41) –	41) –	41) сан
42) –	42) эфенди	42) эфенди

VI. Обряды, праздники

1) йыртыш	1) –	1) –
2) калым	2) калым	2) калым
3) кыз урлау	3) –	3) –
4) кияу ашы	4) –	4) –

III глава

5) хырга туйы	5) –	5) –
6) сенляу	6) сенляу	6) –
7) хойхон	7) –	7) –
8) бишек туйы	8) –	8) –
9) суннатуй	9) –	10) –
10) еп сәйе	10) –	11) –
11) аулак	11) аулак	12) – джиин
12) йыйын	12) йыйын	13) –
13) карга буткаһы	13) –	14) –
14) кунак курхәтеу	14) –	15) –
15) каз умәхе	15) –	16) –
16) хугым ашы	16) –	17) –
17) хебә	17) хаба	18) байга
18) –	18) байга	19) туй
19) –	19) туй	20) –
20) –	20) куреш	

VII. Предметы домашнего обихода

1) аласык	1) аласык	1) –
2) тирмә	2) тирмә	2) юрта
3) тур	3) тур	3) –
4) ашлау	4) ашлау	4) –
5) батман	5) батман	5) батман
6) бешкәк	6) бешкәк	6) –
7) ижау	7) ижау	7) –
8) кобә	8) кобә	8) –
9) тәпән	9) –	9) –
10) тустак	10) –	10) –
11) ялгаш	11) –	11) –
12) яндау	12) –	12) –
13) кашын	13) –	13) –
14) саба	14) –	14) –
15) шыры	15) –	15) –
16) корок	16) корок	16) икрыок, укрюк
17) кумган	17) кумган	17) кумган
18) марке	18) –	18) –
19) урын	19) урын	19) –
20) урза	20) урза	20) –
21) чувал	21) сыуал	21) чувал
22) хике	22) хике	22) –
23) яйлау	23) яйляу	23) джайлау
24) –	24) кошма	24) кошма
25) –	25) –	25) казан
26) –	26) –	26) кетмень
27) –	27) –	27) магазин

VIII. Национальная одежда, украшения

1) бурек	1) бурюк	1) –
2) каляпуш	2) каляпуш	2) –
3) кашмау	3) кашмау	3) –
4) кушъяулык	4) кушъяулык	4) –
5) тастар	5) тастар	5) –
6) тупый	6) –	6) –
7) тюбетейка	7) тюбетейка	7) тюбетейка
8) чалма	8) чалма	8) чалма
9) елян	9) елян	9) –
10) камзул	10) камзул	10) –
11) тушелдерек	11) –	11) –
12) сапан	12) чапан	12) чапан
13) байпак	13) –	13) байпак
14) ойок	14) –	14) –
15) тула ойок	15) –	15) –
16) ката	16) ката	16) –
17) кынйырык	17) –	17) –
18) сарык	18) сарык	18) чарки
19) ситек	19) ситэк	19) –
20) елкалек	20) –	20) –
21) изеу	21) изеу	21) –
22) кэмэр	22) камар	22) камар
23) инсалеk	23) –	23) –
24) саскап	24) –	24) –
25) састанка	25) –	25) –
26) селтэр	26) сэлтэр	26) –
27) сикасук	27) –	27) –
28) сулпы	28) сулпы	28) –
29) хакал	29) хакал	29) –
30) харауыс	30) хараус	30) –
31) хасита	31) хасита	31) –
32) хырга	32) –	32) исерга
33) эмэйлик	33) амайзек	33) –
34) юрынса	34) –	34) –
35) –	35) бешмет	35) бешмет
36) –	36) –	36) казакин
37) –	37) –	37) кафтан
38) –	38) малахай	38) малахай
39) –	39) –	39) тулуп
40) –	40) чекмень	40) чекмень

IX. Башкирские национальные блюда

1) бишбармак	1) бишбармак	1) бишбармак
2) казы	2) казы	2) казы
3) тултырма	3) тутырма	3) –
4) баурсак	4) баурсак	4) баурсак
5) салма	5) салма	5) салма
6) чак-чак	6) чак-чак	6) чак-чак
7) юаса	7) юаса	7) –
8) бәләш	8) балиш	8) белиш
9) губадия	9) –	9) –
10) кыстыбый	10) кыстыбый	10) –
11) учпочмак	11) учпочмак	11) –
12) шаньга	12) шаньга	12) шаньга
13) айран	13) айран	13) айран
14) буза	14) буза	14) буза
15) кумыс	15) кумыс	15) кумыс
16) катык	16) катык	16) –
17) корот	17) корот	17) курт
18) ажекай	18) –	18) –
19) курмас	19) курмас	19) курмас
20) как	20) как	20) –
21) –	21) –	21) кабартма
22) –	22) –	22) калач
23) –	23) сүзьма	23) сюзьма
24) –	24) табикмак	24) –

X. Единицы меры, веса

1) батман	1) батман	1) батман
2) –	2) –	2) безмен
3) кара IV	3) –	3) –

XI. Народное творчество

1) айтыш	1) –	1) айтыс
2) баит	2) баит	2) –
3) иртяк	3) –	3) –
4) кубаир	4) кубаир	4) –
5) мунажат	5) мунажат	5) –
6) узляу	6) узляу	6) –
7) узун кюй	7) озон кюй	7) –

XII. Музыкальные инструменты

1) борго	1) –	1) –
2) курай	2) курай	2) курай
3) сорнай	3) –	3) –
4) кумыз	4) кубыз	4) кобыз

5) думбыра	5) думбыра	5) домбра
6) кыл-кумыз	6) –	6) –
7) ятаган	7) –	7) –
8) думбурзяк	8) –	8) –
9) дунгур	9) –	9) –
10) награ	10) –	10) –
11) шакылдак	11) –	11) –

XIII. Военная лексика

1) барымта	1) барымта	1) баранта
2) карымта	2) карымта	2) –
3) азерна	3) –	3) –
4) сукмар	4) сукмар	4) чекмарь
5) ясак	5) ясак	5) ясак
6) –	6) –	6) кистень
7) –	7) ятаган	7) ятаган

XIV. Мифологическая лексика

1) акбузат	1) акбузат	1) –
2) толпар	2) толпар	2) тудпар
3) самрегош	3) самрегош	3) –
4) хумай	4) –	4) –
5) аждаха	5) аждаха	5) –
6) юха	6) –	6) –
7) джин	7) джин	7) джин
8) иблис	8) иблис	8) –
9) пяри	9) пяри	9) пери
10) шайтан	10) шайтан	10) шайтан
11) албасты	11) албасты	11) албасты
12) мяскяй	12) Мэскей абей	12) –

XV. Речевые высказывания

1) ассаламагалайкум	1) ассальямагалекум	1) –
2) вагалекум салям	2) –	2) –
3) абау	3) абау	3) –
4) ай	4) –	4) аяй
5) ай-бай	5) ай-бай	5) –
6) ай-хай	6) ай-хай	6) –
7) ат-та-та	7) –	7) –
8) афарин	8) афарин	8) –
9) бэй	9) бэй-бэй	9) –
10) илла	10) –	10) –
11) сун	11) –	11) –
12) суюнче	12) сунча	12) –
13) хуш	13) хуш	13) –

III глава

14) йа	14) –	14) –
15) кана	15) –	15) –
16) айг	16) –	16) –
17) топай	17) –	17) –
18) хайг	18) хайг	18) –
19) эй	19) –	19) –
20) агта	20) –	20) –
21) ах-ух (ах та ух)	21) –	21) –
22) их	22) –	22) –
23) кит	23) –	23) –
24) куй	24) –	24) –
25) ух	25) –	25) –
26) хай	26) –	26) –
27) хи	27) –	27) –
28) алла бирха	28) –	28) –
29) алла сакласын	29) –	29) –
30) аллахы акбар	30) аллах акбар	30) –
31) алла ярзам бирхен	31) –	31) –
32) алхамделилла	32) алхамделилла	32) –
33) астагафирулла	33) астагафирулла	33) –
34) баракалла	34) баракалла	34) –
35) биллахи-валлахи	35) биллахи-валлахи	35) –
36) бисмлла	36) бисмилла	36) –
37) илахым	37) –	37) –
38) илла-алла	38) –	38) –
39) иншалла	39) иншалла	39) –
40) собхан алла	40) –	40) –
41) тауба	41) тауба	41) –
42) эй, алла	42) –	42) –
43) я, рабби	43) ярабби	43) –
44) –	44) –	44) уф

XVI. Домашние животные

1) аргмак	1) аргмак	1) аргмак
2) юрга	2) –	2) –
3) айгыр	3) айгыр	3) –
4) байтал	4) –	4) –
5) конажен	5) –	5) –
6) конан	6) конан	6) конан
7) дунажен	7) –	7) –
8) дунан	8) –	8) дунан

9) тай	9) –	9) –
10) хауерек	10) –	10) –
11) ябага тай	11) –	11) –
12) башмак	12) башмак	12) башмачок
13) дунан угез	13) –	13) дунан
14) конан угез	14) –	14) кунан
15) сангасар тана	15) –	15) –
16) тана хыйыр	16) –	16) –
17) хараяк башмак	17) –	17) –
18) бэрэн сарык	18) –	18) –
19) тыу сарык	19) –	19) –
20) шешэк сарык	20) –	20) –
21) атамбай	21) –	21) –
22) кээз бэрэсэ	22) –	22) –
23) ылак	23) –	23) –
24) –	24) –	24) алаша
25) –	25) сайга	25) –

Результаты сопоставления показывают, что многие слова совпадают. Особенно в таких группах, как религиозная лексика, башкирские национальные блюда, военная лексика. В глоссарий Л.Л. Аюповой можно встретить такие понятия, как *тулаем, ляйсан, акман-токман*, в словаре Е.Н. Шиповой – *аманат, вакыф, бакай, саз, тулаем, закят*. В результате сопоставления было выявлено, что в нашем словаре отсутствуют всего около 30 слов, имеющиеся в словаре Л.Л. Аюповой и Е.Н. Шиповой. Это такие слова: *ахун, гяур, шиит, эфенде, байга, туй, куреш, кошма, казан, кетмен, бешимет, казакин, кафтан, малахай, тулуп, чекмен, кабартма, калач, сузьма, табикмак, безмен, кистен, ятаган, уф, сайга*.

Вместе с тем многие слова безэквивалентной лексики, представленные в нашем словаре, отсутствуют в двух названных источниках. Поэтому специальное исследование безэквивалентной лексики следует считать целесообразным и необходимым.

Единица описания в словаре.

По типу словарь безэквивалентной лексики башкирского языка «Реалии башкирской культуры», как было уже сказано, можно отнести к лингвокультурологическим или этнолингвистическим, так как объектом описания здесь является не слово как таковое, а культурная реалья, обозначениями которой могут выступать: условная форма

передачи в русском языке – слово в русской транскрипции, словосочетание, а иногда такое обозначение просто отсутствует и тогда в тексте для обозначения реалии употребляются слова башкирского языка в его обычной форме. Например: «Сунча, – отвечал пастух, – младшая из жен твоих, Алтыша, родила тебе сына благополучно» [БРЛ. Т. 1: 255]. *Сунча – һөйөнсө* (произносится, когда сообщается о радостном известии, за которое обычно полагается вознаграждение). При таких трудностях понимания лексики поможет данный словарь.

Структура словаря.

Словарь составлен на уровне реалий и на уровне понятий; построен по типу тематических словарей. Извлеченная из указанных источников безэквивалентная лексика представлена в 16 тематических группах:

1. Административно-территориальные деления: *аймак, ара, даруга, түбә, ырыу.*

2. Этнографические родо-племенные отношения: *эй, бөрдән, катый, кыпсак, мең, табын, тамъян, түңгәуер, үсәргән, юрматы, тамга, шәжәрә.*

3. Религиозная лексика: *алла, ислам, абыстай, дәруиш, имам, ишан, карый, мулла, мөфти, мәзин, мөрит, мөршит, суфый, хәзрәт, хәлфә, азан, аят, намаз, йыназа, ясин, яуаплама, зәмзәм, көрһән, намазлык, мәсет, манара, мөнбәр, михраб, мәзрәсә, мәктәп, корбан, корбан байрамы, мәүлит байрамы, ураза байрамы, фәтәуә, шәригәт, гибәзәт, гөшөр, талак, тәһәрәт, фытыр, хаж, хажси, хәйер, газраил.*

4. Названия месяцев: *мөхәррәм, сәфәр, рабиғыләүүәл, рабиғылахыр, йомадиләүүәл, йомадилахыр, рәжәп, шағбан, рамазан, шәүүәл, зөлкәғизә, зөлхизә.*

5. Названия лиц: *акһакал, батыр, бей, егет, кушага, сәсэн, тархан, түрә, узаман, ханым, әбей, ағай, апай, апһын, атай, бабай, балдыз, езнә, еңгә, инәй, кәйенбикә, кәйенеңгә, кәйнә, кайнага, кәйнеш, кайны, карындаш, килен, кейәү, коза, козагый, кусты, мырза, өләсәй, олатай, һеңле, әсәй.*

6. Обряды, праздники: *йыртыш, калын, кыз урлау, кейәү ашы, һырга туйы, сеңләү, һөйһөн, бишек туйы, сөннәт туйы, еп сәйе, аулак, йыйын, қарга буткаһы, кунак күрһәтеү, қаз өмәһе, һуғым ашы, һебә.*

7. Предметы домашнего обихода: *аласык, тирмә, түр, ашлау, батман, бешикәк, ижау, көбө, тәпән, тустак, ялгаши, яндау, кәшен, һаба, шыры, корок, қомған, мәрке, урын, урза, сыуал, һике, йәйләү.*

8. Национальная одежда, украшения: *бүрек, кәләүш, кашмау, кушъяулык, тастар, тупый, түбәтәй, сәллә, елән, камзул, түшелдерек, сапан, байпак ойок, тула ойок, ката, кынйырак, сарык, ситек, елкәлек, изеу, кәмар, иңһәлек, сәскап, сәстәңкә, селтәр, сикәсук, сулпы, һакал, һарауыс, хәситә, һырга, эмәйлек, яурынса.*

9. Башкирские национальные блюда: *бишбармак, казы, тултырма, бауырһак, һалма, сәксәк, йыуаса, бәлеш, гөбәзия, кыстыбый, өсбосмак, шәңкә, айран, буза, кымыз, катык, корот, әжекәй, курмас, как.*

10. Единицы меры, веса: *батман, кара IV.*

11. Народное творчество: *әйтеш, бәйет, иртәк, кобайыр, мөнәжәт, өзләу, озон кой.*

12. Музыкальные инструменты: *борго, курай, һорнай, кумыз, думбыра, кыл-кумыз, ятаган, дөмбөрзәк, дөңгөр, нәгрә, шакылдак.*

13. Военная лексика: *барымта, карымта, әзернә, сукмар, яһак.*

14. Мифологическая лексика: *акбузат, толпар, сәмрегош, һомай, аждаһа, юха, ен, иблис, һәрәй, шайтан, албасты, мәскәй.*

15. Речевые высказывания (этикетные, эмоциональные): *әссәләмгәләйкүм, вәгәләйкүмсәләм, абау, ай, ай-бай, ай-һай, әт-тә-тә, афарин, бәй, илла, һуң, һөйһөнсө, хуш, йә, кана, айт, төпәй, һайт, эй, әттә, ах та ух, их, кит, куй, ух, һай, һей, алла бирһә, алла һаклаһын, аллаһы әкбәр, алла ярзам бирһен, алһәмделлилла, әстәгәфирулла, бәрәкалла, биллаһи-валлаһи, бисмилла, илаһым, илла-алла, иһшалла, собхан алла, тәүбә, эй, алла, я, рабби.*

16. Домашние животные: *арғымак, юрга, айғыр, байтал, конажын, конан, дүнәжен, дүнән, тай, һәүерек, ябага тай, башмак, дүнән үгез, конан үгез, сәңгәсәр тана, тана һыйыр, һараяк башмак, бәрән һарык, тыу һарык, шешәк һарык, әтәмбай, кәзә бәрәсе, ылак.*

В рамках этих тематических групп слова даны в алфавитном порядке. В конце словаря дан общий алфавитный указатель слов с обозначением «адреса» слова, то есть номера той тематической группы, в которой это слово представлено. В конце словаря приводятся источники по трем разделам:

- I. Научная и специальная литература;
- II. Словари;
- III. Художественная литература.

Структура словарной статьи.

В начале словарной статьи дается заглавное слово, которое печатается жирным шрифтом. После заглавного слова в скобках указывается слово (жирным курсивом) на башкирском языке. Далее раскрывается значение слова. Поскольку объясняется здесь по сути не значение слова, а описывается сама реалья: ее назначение, признаки, словарная статья содержит не лингвистическое, а энциклопедическое толкование, ориентированное на осознание этой реалии в языковой картине мира башкирского народа. Например:

Хакал (hакал) П – женское нагрудное украшение из серебряных монет и кораллов.

Хакал – существенно отличался от других видов нагрудника тем, что имел лопатообразную форму и закрывал всю грудь, доходя до пояса и даже ниже. Это был кусок двойной материи, обшитый кругом несколькими рядами коралловых нитей (мэрийен), а на середине зашитый старинными серебряными копеечками. Кругом по краю хакал обшивался сплошным рядом шаровидных агатовых пуговиц и серебрянными украшениями, имеющими вид бубенчиков, ажурных шариков и т.п. [Руденко, 1955:180].

Переносные значения обозначены знаком \diamond (ромбик). Далее приводятся примеры из тех или иных источников, выделенные курсивом. Примеры неоднородны по объему. Иногда это отдельные предложения из художественных произведений. Например: 2. На шею, прикрыв высокую грудь, повязали тяжелый нагрудник – хакал, он был украшен коралловыми нитями [Дж. Киекбаев. Родные и знакомые. С. 206].

Иногда даны тексты из специальной литературы. Например: В древности кыл-кубыз применяли баксы (шаманы) для изгнания духов при лечении больных, исполняя ритуальные песни харнау (*harнау*) [Башкортостан. Краткая энциклопедия, 1996. С. 425].

Данный словарь может быть использован в учебных и научных целях, он предназначен для обучающихся, учителей, студентов, аспирантов, научных работников, а также для широкого круга языковедов, литераторов, этнологов.

Представленные в словаре лексические единицы могут быть использованы для дальнейшего углубления этимологического, хронологического, этнолингвистического и регионального их анализа. По разновидностям представленных в словаре лексических единиц

можно выявить специфику языка художественных произведений, стиль изложения, степень знакомства автора с бытом, нравами, обычаями, языком башкирского народа; выделить безэквивалентную лексику, характерную только для языка одного какого-либо писателя и безэквивалентную лексику, функционирующую в текстах художественных произведений разных авторов.

Словарь может быть использован на уроках русского и башкирского языков в качестве словаря-справочника или объяснительного словаря при чтении произведений русских писателей о Башкортостане и башкирской художественной литературы, переведенной на русский язык. Этим словарем могут пользоваться преподаватели русского и башкирского языков, преподаватели истории, литературы и культуры Башкортостана, а также все, кто интересуется историей и культурой башкирского народа.

Выводы к III главе:

1) в III главе мы рассмотрели безэквивалентную лексику башкирского языка в аспекте ее лексикографического описания;

2) безэквивалентная лексика башкирского языка рассматривается на уровне реалий и понятийной концептуализации мира (понятийные лакуны);

3) лексикографическое описание представлено в виде «Словаря безэквивалентной лексики башкирского языка», в котором представлено более 300 заголовочных лексических единиц;

4) охарактеризованы источники, структура словаря и другие параметры словаря;

5) работу следует считать основой дальнейшего углубленного изучения этого пласта лексики на фоне общего лингвокультурологического подхода к описанию словарного состава башкирского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии описывается безэквивалентная лексика башкирского языка с точки зрения национально-культурного компонента значения. Характеризуются также базовые понятия национально окрашенной лексики башкирского языка – коннотативная, фоновая.

В первой главе дан обзор теоретической литературы, касающийся нового направления в языкознании, в центре внимания которого проблема «язык и культура», взаимосвязь и взаимообусловленность этих понятий, более широкий подход к языку как феномену культуры. Раскрыта суть лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, которые ввели в парадигму лингвистических и лингводидактических исследований понятие «лексический фон», более всего отражающее национальную специфику лексики, и прежде всего фоновой и коннотативной. Также описываются новые подходы к слову как концепту культуры (единица, совмещающая в себе лингвистику, мышление, знание, культуру), отмечается, что проблема концепта не до конца изучена и требует дальнейшего исследования. Доказано, что слово имеет, кроме лексического значения, нелексическое (этнокультурное) значение (З.Г. Ураксин). С этнокультурной точки зрения целые пласты лексики в башкирском языке еще не изучены. Весь этнокультурный фон языка подвергается определенной систематизации по понятийным сферам. Они присутствуют в научной, общественно-политической терминологии.

Обзорные описания культурологически значимых пластов лексики башкирского языка даны на фоне других языков во второй главе работы. Трактуются понятия лексики с национально-культурным компонентом значения слова – безэквивалентная, коннотативная, фоновая. Даны классификация фоновой и безэквивалентной лексики, результаты ассоциативного эксперимента, как способа выявления лексикона личности. Отмечается, что в словесных ассоциациях закрепляются связи между словами, характерные для данного языка, которые характеризуют особенности значения слова и его употребление. Знать устойчивые ассоциации важно для того, чтобы разо-

браться в особенностях семантики слов в данном языке, чтобы понять, чем отличаются ассоциации у носителей одного языка от ассоциаций носителей другого языка, а также – что в них общего. Данные об ассоциациях интересны не только для лингвистов, но и для психологов, социологов, литераторов, психиатров и т.д.

В третьей главе предметом специального описания явилась безэквивалентная лексика башкирского языка, национальная специфика которой заключается в самом лексическом, предметно-понятийном значении слова. Изучение безэквивалентной лексики берет начало в методике преподавания иностранных языков, так как именно здесь происходит теснейшее соприкосновение языков и культур в лингводидактическом аспекте.

Безэквивалентность рассматривается на уровне реалий и понятийной концептуализации мира (понятийные лакуны). Доказано, что безэквивалентную лексику можно считать на 100 % национально-специфичной, так как реалии и понятия свойственны только данной культуре. Отбор безэквивалентной лексики для анализа произведен из произведений русских писателей XIX в. о Башкортостане по пятитомному изданию «Башкирия в русской литературе» (под ред. М.Г. Рахимкулова); произведений башкирских писателей, переведенных на русский язык; научных и научно-методических трудов, статей по башкирскому языкознанию и методике преподавания башкирского языка.

Лексикографическое описание безэквивалентной лексики представлено в виде словаря безэквивалентной лексики башкирского языка «Реалии башкирской культуры», в котором описано более 600 лексических единиц. В работе охарактеризованы источники, структура словаря, структура словарной статьи и другие параметры. «Реалии башкирской культуры» охарактеризован как новый тип словаря, занимающий место между собственно лингвистическими и энциклопедическими словарями, так как предметом описания здесь являются реалии. В словаре даются сведения не столько о значении слов, сколько описываются сами реалии. Словарь построен по тематическому принципу, то есть является по своему типу идеографическим, ономаσιологическим, направленным от самих предметов и понятий к обозначающим их словам. Словарь характеризуется ярко выраженной учебной направленностью: им смогут пользоваться учащиеся и студенты при изучении русского и башкирского языков

Заключение

для понимания текстов и художественных произведений на башкирском и русском языках об истории и культуре башкирского народа.

Словарь имеет также научно-теоретическое значение для последующего углубленного изучения выявленной безэквивалентной лексики: ее происхождения, этимологии, функционирования, системных связей как внутрилингвистических, так и экстралингвистических в системе башкирского языка и в системе тюркских языков вообще. Намеченные в работе направления описания лексики в национально-культурном аспекте могут быть использованы при составлении двуязычных русско-башкирских, в том числе учебных словарей, в которых могут быть выделены основные типы расхождений языковых фактов, обусловленных спецификой культуры народов, например, различное членение одних и тех же фрагментов мира и как результат – разный объем значения слов (*барыу* – *ехать* и *идти*), различная символизация слов (*һөлөк* – *тиявка*), национальные реалии, фоновые слова (русское *занавеска* и *шаршау*), фольклорные образы (*леший* – *шүрәле*), поведенческие реалии. Все эти данные могут быть положены в основу дальнейших исследований по проблематике данной работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Научная и специальная литература

- Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство башкир. – Уфа, 1964. – 270 с.
- Агишев Х.Г.* Обучение русской лексике с учетом родного языка учащихся. – Казань, 1982. – 103 с.
- Актуальные вопросы тюркской филологии / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1991. – 159 с.
- Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1994. – 149 с.
- Алексашина И.* Учитель и новые ориентиры образования. Гуманизация образования как предмет теоретической рефлексии и практическое освоение учителем. – СПб., 1997. – С. 29.
- Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта; Наука, 2005. – С. 45.
- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2010. – С. 215.
- Антипов Г.А., Донских О.А., Морковина К.Ю., Сорокин Ю.А.* Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989. – С. 184.
- Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии / Под ред. Н.Х. Максютковой и А.А. Камалова. – Уфа, 1988. – 135 с.
- Арнольдov А.И.* Введение в культурологию: Учебное пособие. – М., 1993. – 349 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1993. – С. 3.
- Ахмеров Р.Б.* Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа. – Уфа, 1996. – 60 с.
- Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981. – 144 с.
- Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Отв. ред. М.З. Закиев. – М., 1989. – 199 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 12, 14.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975. – С. 94, 95.

Башкирская лексика / Под ред. Т.М. Гарипова. – Уфа, 1966. – 223 с.

Башкирская этнонимия / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1987. – 201 с.

Башкирский фольклор: Исследования последних лет / Под ред. Л.Г. Барага и Н.Т. Зарипова. – Уфа, 1986. – 136 с.

Башкирский языковедческий сборник / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1975. – 184 с.

Башкорт теле: Педагогия училищелары өсөн дәреслек / Ж.Г. Кейбаев һ.б. – Өфө, 1997. – С.

Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. – М., 1981. – 124 с.

Бикбулатов Н.В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник. – Уфа: УНЦ РАН, 1995. – 35 с.

Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. – М., 1991. – 188 с.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: Учебное пособие для студентов пед. инст-тов по спец. № 21 01. – М., 1987. – С. 10.

Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. – М., 1981. – 173 с.

Брагина А.А. История слов в жизни народа. – М., 1989. – 112 с.

Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики: теории и методы: Учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 36, 37.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка: Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – С. 69.

Верещагин Е.М. Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. – М.: МГУ, 1969. – С. 74, 75.

Верещагин Е.М. Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. – М.: МГУ, 1969. – С. 84.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1973. – С. 36 – 82; 2-е изд., 1976. – С. 73, 162 – 165, 210; 4-е изд., 1983. – С. 75; 5-е изд., 1990. – С. 26, 37, 46 – 50.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980. – С. 21, 25 – 27, 76.

Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4 / Под ред. М.В. Пи-
меновой. – Кемерово, 2004. – С. 59, 77.

Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология: Основные принци-
пы; пер. с нем.– Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. – С. 29.

Возрождение и развитие башкирского народа / Под рук. акад.
АН РБ З.Г. Ураксина. – Уфа, 1995. – 74 с.

Вопросы ареальной лингвистики и этнографии / Отв. ред.
З.Г. Ураксин. – Уфа, 1987. – 138 с.

Вопросы башкирского языкознания / Отв.ред. З.Г. Ураксин. –
Уфа, 1973. – 224с.

Вопросы истории башкирского литературного языка / Отв. ред.
Э.Ф. Ишбердин. – Уфа, 1985. – 89 с.

Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка /
Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1983. – 128 с.

Вопросы методики русского языка в национальной школе / Отв.
ред. К.З. Закирьянов. – Уфа, 1975. – 184 с.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.:
ИТГДК «Гнозис», 2004. – С. 7.

Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности:
Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1996. – 170 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М.,
1997. – С. 32, 34.

Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур:
Учебное пособие / Элективный курс для 10–11 классов школ гумани-
тарного профиля. – М.: Ладомир, 2006. – С. 66, 101.

Воробьев В.В., Саяхова Л.Г., Хайруллина Р.Х. Сопоставительная
лингвокультурология: теория и принципы анализа языковых единиц:
Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 244 с.

*Воробьев В.В., Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г., Хайрулли-
на Р.Х.* Отражение национальной языковой картины мира в реалиях
Башкортостана: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 208 с.

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. – М., 1979. – 303 с.

Гарипов Т.М. Структурно-семантический глоссарий Урало-
Поволжских языков. – Уфа, 1979. – 80 с.

Гачев Г.Д. Образ в русской художественной культуре. – М.,
1981. – 246 с.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Пер. с нем. – М.:
Прогресс, 1985. – 450 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972. – 318 с.

Зайнуллин, М.В., Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии: Курс лекций. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с.

Зайнуллин, М.В., Зайнуллина Л.М. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 204 с.

Закирьянов К.З. Двухязычие и интерференция: Учебное пособие. – Уфа, 1984. – 81 с.

Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: Учебное пособие. – Калинин, 1978. – С. 33.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова: Учебное пособие. – Калинин: КГУ, 1982. – 79 с.

Злахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1980. – 342 с.

Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. – Л., 1985. – С. 37, 45, 52, 53, 88.

Иванова С.В. Культурологический аспект языковых единиц / Научн. ред. Р.З. Мурясов. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 116.

Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 55, 56 (134 с.).

Из прошлого и настоящего башкирской письменной культуры и языка / Отв. ред. Р.М. Булгаков. – Уфа, 1988. – 107 с.

Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – С. 30, 31.

Исследования по башкирской диалектологии и ономастике / Отв. ред. Н.Х. Максютова. – Уфа, 1986. – 143 с.

Исследования по башкирскому языку и письменной культуре Башкирии / Отв. ред. Р.М. Булгаков. – Уфа, 1989. – 170 с.

Исследования и материалы по башкирской диалектологии / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1981. – 121 с.

Итс Р.Ф. Введение в этнографию. – Л., 1974. – 158 с.

Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – М., 1986. – С. 11 – 18.

Ишбирзин Э.Ф. Башкорт эзэби телендә дәрәс әйтелештең актуаль мәсьәләләре // Проблемы изучения и преподавания филологиче-

ских дисциплин: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 4 ч. Ч. I. – Стерлитамак, 1999. – С. 16 – 18.

Ишбулатов Н.Х. Хэзерге башкорт теле. – Өфө, 1972. – 144 с.

Ишбулатов Н.Х., Зэйнуллин М.В. Хэзерге башкорт теле: Фонетика. Морфология. – Өфө, 1986. – 177 с.

Кажигалиева Г.А. Культурологический аспект в работе над художественным текстом. – Алматы: «Айкос», 2000. – 249 с.

Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. – С. 123.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – С. 3, 128, 361.

Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М., 1958. – С. 126, 127.

Кейекбаев Ж.Ф. Хэзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы: Укыу кулланмаһы. – Өфө, 1966. – С. 275.

Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб., 2004. – С. 19, 20.

Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 136 с.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969. – 192 с.

Кондрашов Н.А., Шарипова Д.Г. Работа над словом на уроках русского языка. – Уфа, 1991. – 133 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Костин А.А. Рассказы о лошади: Похвальное слово башкирской лошади. – Уфа, 1999. – 40 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 13, 14, 78.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

Кузбеков Ф.Т. История культуры башкир. – Уфа, 1993. – 128 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974. – 571 с.

Культура тюркских народов на уроках русского языка: Пособие для учителя / Автор-составитель Л.Г. Саяхова. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2008. – 163 с.

Майорова О.А. Концепт: информационные аспекты / Научн. ред. д.ф.н., проф. Р.З. Мурясов. – Уфа: Изд-во БГМУ, 2010. – С. 86, 138, 93, 94.

Мамонтов С.П. Основы культурологии. – М., 1994. – 208 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. – 2-е изд. Т. 3. – М., 1955. – С. 29.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М., 1975. – С. 112.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 8, 37 – 53, 56.

Маслова В.А. Homolingualis в культуре: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – С. 12.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2008. – С. 35.

Материалы и исследования по лексике башкирского языка / Отв. ред. Э.Ф.Ишбердин. – Уфа, 1990. – 144 с.

Молчановский В.В. Теоретическая разработка и практическая реализация лингвострановедческого аспекта русского языка как иностранного / Под ред. Т.Н. Чернявской. – М., 1985. – С. 13.

Муллагалиева Л.К., Саяхова Л.Г. Русский язык как родной: Учебное пособие для учителей и учащихся общеобразовательных школ / Под ред. проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа, 2003. – С. 11, 12.

Мурсалимов В.С., Сатыев Б.Х. Башкирская лошадь. – Уфа, 1988. – С. 14, 15, 21, 25, 29, 33, 34, 41.

Мусаев К.Н. Лексикология тюркских языков. – М., 1984. – 228 с.

Неретина С.С. Тропы и концепты. – М., 1999. – С. 24.

Очерки истории башкирского литературного языка. – М., 1989. – 254 с.

Очерки по культуре народов Башкортостана / Под. ред. В.Л. Бенина, З.Р. Брославской, Р.Я. Бухарбаева. – Уфа, 1994. – 160 с.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 176 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 17 – 21.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – С. 58, 97.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 3, 61.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: Учебное издание. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – С. 21, 34, 66, 67, 69 – 71, 78–80.

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта; Наука, 2008. – С. 159.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.; Л., 1955. – 394 с.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.

Русский язык в Башкирии и его взаимодействие с башкирским языком / Под ред. З.Г. Ураксина. – Уфа, 1988. – 77 с.

Самситова Л.Х. Лингвокультурологическая концепция обучения башкирскому языку и родным языкам в образовательных учреждениях Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2010. – 24 с.

Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: Монография / Научн. ред. проф. М.В. Зайнуллин. – Уфа: БГПУ, 2014. – 364 с.

Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: Монография / Научн. ред. проф. М.В. Зайнуллин. – Уфа: Гилем, 2015. – 360 с.

Саяхова Л.Г. Лексика как система и методика ее усвоения. – Уфа, 1979. – 88 с.

Саяхова Л.Г. Вопросы учебной лексикографии. – Уфа, 1980. – 78 с.

Саяхова Л.Г. Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку и учебники нового поколения: Методическое руководство для учителей русского языка (5 – 11 классы). – Уфа: Китап, 2006. – С. 22 – 24.

Сергеева Е.В. Интерпретация термина «концепт» в современной лингвистике. – М., 1999. – С. 21, 22, 129.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – С. 9, 16, 18.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. – С. 6, 17, 18.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – С. 246.

Султангареева Р.А. Башкирский обрядовый фольклор / Отв. ред. Г.Б. Хусаинов. – Уфа, 1994.

Суфьянова Н.Ф. Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка. – Уфа, 1998. – С. 11, 12.

Сәйетбатталов Ф.Ф. Башкорт теленең стилистикаһы. К. 2. – Өфө, 1985. – 143 б.

Телия В.Н. Коннотативный аспект в семантике номинативных единиц. – М., 1986. – С. 5.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М., 1988. – 303 с.

Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. – Л., 1983. – С. 183, 184, 186.

Хайруллина М.Г. Родной язык как основа обучения русскому языку: Учебное пособие. – Уфа: БГУ, 1981. – 75 с.

Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: Прометей, 1996. – 147 с.

Хайруллина Р.Х. Сопоставительная фразеология русского и башкирского языков: Учебное пособие. – Уфа: БГПИ, 1999. – 87 с.

Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: БГПУ, 2000. – 285 с.

Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: Учебное пособие. – Уфа: БГПУ, 2005. – 138 с.

Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – 2-е изд. – Уфа: БГПУ, 2008. – С. 18, 19.

Халикова Р.Г. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII – XIX вв. – М., 1990. – 200 с.

Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: Учебное пособие. – Курск: Крона, 2000. – 168 с.

Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / Под ред. В.Д. Бондалетова. – 2-изд. – М.: Флинта; Наука, 2005. – С. 56, 57.

Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 192 с.

Чернов В.Т. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык. – М., 1958. – 138 с.

Шабес В.Я. Событие и текст. – М., 1989. – 175 с.

Шакирова Л.З., Саяхова Л.Г. Практикум по методике преподавания русского языка в национальной школе: Учебное пособие для студентов нац-х отд. пед. инст-ов. – СПб., 1992. – 287 с.

Шаклеин В.М. Лингвокультурология. Традиции и инновации. – М.: Флинта, 2012. – 650 с.

Шатков В.Г. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык. – М., 1952. – 120 с.

Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища у башкир: вторая половина XIX – первая четверть XX в. – М., 1984. – 252 с.

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. – Уфа, 1995. – 239 с.

Әхтәмов М.Х. Хәзерге башкорт теле: лексика. II китәп. – Өфө, 1979. – 79 с.

Әхтәмов М.Х. Хәзерге башкорт теле. Лексикология: Укыу кулланмаһы. – Өфө, 1986. – 136 с.

Әхтәмов М.Х. Хәзерге башкорт теле. – Өфө, 1994. – 186 с.

Язык и культура: Учебное пособие по спецкурсу / Отв. ред. Л.Г. Саяхова. – Уфа: БГУ, 1995. – С. 131.

Янбухтина А.Г. Народные традиции в убранстве башкирского дома. – Уфа, 1993. – 131 с.

II. Статьи

Аверьянова И.Е. К определению понятия национально-окрашенной лексики // Языковая норма и вариативность: Сб. научн. тезисов. – Днепропетровск, 1981. – С. 3 – 8.

Аюпова Л.Л. Социолингвистическое изучение регионализмов Башкирии в русском языке // Вопросы ареальной лингвистики и этнографии / Отв. ред. З.Г. Уракин. – Уфа, 1987. – С. 52 – 58.

Андрейчина К.Г. Компарация семантических долей фона слова как прием в написании ориентированных статей лингвострановедческого словаря // РЯЗР. – 1983. – № 1. – С. 148 – 155.

Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Сборник науч. тезисов. – Уфа, 1985. – 202 с.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теорисловесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 267 – 279.

Бабенко Л.Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб.ст. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 39 – 42.

Бабович М. Роль литературы в распространении и изучении русского языка // Роль преподавания в процессе обучения: Материалы IV Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. – Берлин, 1979. – С. 9.

Бабушкин А.П. Культура, когниция, перевод // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 10 – 16.

Бишиев А.Г. Проблемы лексикографии // В научном поиске / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа, 1982. – С. 117, 118.

Берестнев Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 47–55.

Бунаков Н.Ф. Школьное дело // Избранные педагогические сочинения. – М., 1953. – С. 170, 171.

Баскаков Н.А. Модели тюркских этнонимов и типологическая классификация // Ономастика Востока / Ред. кол. Э.М. Мурзаев и др. – М., 1980. – 286 с.

Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // РЯЗР. – 1972. – № 3. – С. 98.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь // Актуальные проблемы лексикографии. – М., 1977. – С. 119.

Гак В.Г. Социокультурный аспект двуязычных словарей // Словарь и культура: К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной конференции. – М., 1995. – С. 50 – 56.

Галяутдинов И.Г. О языке башкирской просветительской литературы II пол. XIX в. // Актуальные вопросы тюркской филологии / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1991. – С. 76 – 87.

Денисов П.Н. Страноведение и учебные словари // Страноведение и преподавание русского языка как иностранного: Тезисы докладов Международного симпозиума. – МГУ, 1971. – С. 47.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М. – Л., 1948. – 276 с.

Зайнуллин М.В. О выражении экспрессивности и эмоциональности в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1976. – С. 5 – 49.

Зайнуллин М.В. Башкирский язык как государственный язык Республики Башкортостан // Проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин: Материалы Всероссийской научно-практи-

ческой конференции: в 4 ч. Ч. 1 (Башкирская филология). – Стерлитамак, 1999. – С. 6 – 10.

Зайнуллин М.В. Ценностная составляющая языковой картины мира // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во КФУ, 2013. – С. 72–76.

Зайнуллин М.В. Башкирское, тюркское и сопоставительное языкознание: Избранные статьи. – Уфа: Гилем, 2012. – 456 с.

Зайнуллин М.М. Масти лошадей башкирской породы // Проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 4 ч. Ч. 1 (Башкирская филология). → Стерлитамак, 1999. – С. 27, 28.

Закирьянов К.З. Некоторые особенности перевода с башкирского языка на русский // Республиканская научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Дж.Г. Киекбаева. – Уфа, 1996. – С. 61, 62.

Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 39 – 54.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 39.

Залевская А.А. Некоторые новые подходы к значению слова // Межвузовск. сб., посвященный юбилею д.ф.н., профессора, заслуженного деятеля науки РБ, почетного работника высшей школы РФ Р.М. Гайсиной. Вып. 24. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 48.

Ишбердин Э.М. Обзор земледельческой лексики башкирского языка // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1994. – С. 18 – 22.

Кайдаров А.Т. Образно-фоновая основа устойчивых выражений, связанных со скотоводством в казахском языке // Изв. АН Каз.ССР., Сер. филол. – 1987. Т. 1. – С. 3 – 8.

Кайдаров А.Т. Культ слова у тюркских народов // Тюркология. – 1992. – № 3. – С. 74 – 79.

Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3 – 16.

К истокам евразийской культуры: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Габдулле Тукаю: Доклады и сообщения. Ч. III. – Казань, 1998. – 145 с.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ–понятие–символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. – 1992. – Вып. 3, № 16. – С. 9.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С. 12 – 24.

Колмогорова А.В. Субъективный характер языкового значения // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сборник материалов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 56 – 58.

Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения // Вестник Московского университета. Филология. – 1966. – № 5. – С. 46.

Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е., Чернявская Т.Н. Язык и культура. Новое в теории и практике лингвострановедения. Доклад на VIII Конгрессе МАПРЯЛФРГ. – Регенсбург, 1994. – 48 с.

Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. – Уфа, 1962. – С. 171 – 267.

Лингвокультурологические проблемы подготовки педагогических кадров для башкирских школ: Материалы республиканской научно-практической конференции. – Уфа, 1998. – 307 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280 – 287.

Максютова Н.Х. Свадебные термины в башкирском языке // Башкирский языковедческий сборник / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1975. – С. 32 – 42.

Максютова Н.Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. – Уфа, 1983. – С. 18 – 26.

Микулина Л.Т. Национальное своеобразие русской коннотативной лексики // Из опыта создания лингвострановедческих пособий / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Е. Прохорова. – М., 1977. – 208 с.

Мкртчян Л. Слово в семье слов // Литературная газета. 1 сентября 1976.

Надергулов У.Ф. Названия домашних животных в башкирском языке // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии. – Уфа, 1994. – С. 23 – 40.

Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М.В. Пименовой. Вып 4. – Кемерово, 2004. – С. 10.

Прохоров Ю.Е. Лингвострановедческая проблематика на IV Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы // РЯЗР. – 1980. – № 7. – С. 125–130.

Псянчин Ю.В. Комментарий к глаголам движения «Словаря башкирских говоров» // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастики Башкирии / Под ред. Н.Х. Максютовой и А.А. Камалова. – Уфа, 1988. – С. 62 – 74.

Русский язык и советское общество: Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. – Алма-Ата, 1962. – С. 14.

Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии / Ред. кол. Р.Г. Кузеев, Л.Н. Нагаева. – Уфа, 1984. – С. 74 – 81.

Самигуллина Р. Особенности передачи безэквивалентной лексики с башкирского на русский и немецкий языки // Башкортостан укытыусыһы. 1988. – № 12. – С. 47 – 49.

Саньяров Ф.Б. Концепт «йөрәк» («сердце») как лингвокультурный феномен // Филологические науки: современность и перспективы. II Бишевские чтения. Часть 2. Актуальные проблемы изучения и преподавания языков: Сб. материалов междунар. научно-практ. конф., посвященной Году Учителя в Российской Федерации и 70-летию Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой. – Стерлитамак: СГПА, 2010. – С. 273.

Саньяров Ф.Б. Языковая репрезентация эмоциональной концептосферы (на материале башкирского языка) // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: Материалы Международной тюркологической конференции, посвященной 80-летию Фуата Ганиева. – Казань, 2011. – С. 349, 350.

Сяхова Л.Г. Спецкурс «Язык и культура» в системе профессиональной подготовки студентов-филологов // Язык и культура:

Учебное пособие по спецкурсу. – Уфа: БГУ, 1995. – С. 14, 21, 25, 38 – 40.

Сидорова Т.А. Словообразовательные средства кодирования концептов // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 327.

Стернин И.А. Значение и концепт // Семантические, грамматические и когнитивные теории языка: Юбилейный сборник в честь Почетного академика АН РБ, доктора филологических наук, профессора Л.М. Васильева. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 47.

Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1982. – С. 57 – 71.

Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роль в изучении языка этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. – Л., 1983. – С. 181 – 194.

Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 4. – С. 84 – 88.

Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 6. – С. 47 – 50.

Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. – 1981. – № 1. – С. 64 – 69.

Торма Й., Хисамитдинова Ф.Г. З.В. Тоған и проблемы традиционной культуры мировоззрения башкир // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Т. 1. – Уфа, 1992. – С. 112 – 117.

Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в аспекте когнитивной лингвистики // Виноградовские чтения. Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: Тезисы докладов научной конференции. – М., 1999. – С. 52.

Ураксин З.Г. Образно-фоновая основа фразеологизмов алтайских языков // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы. – Ташкент, 1986. – С. 120.

Ураксин З.Г. Башкорт теленә дәүләт статусы бирелү шарттарында уның кулланылышың үстөрөү мәсьәләләре // Проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Стерлитамак, 1999. – С. 10 – 12.

Ураксин З.Г., Хадыева Р.Н. Этнокультурное значение слова в башкирском языке // Актуальные проблемы башкирской лексикологии и лексикографии / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа, 1984. – С. 71 – 76.

Ураксин З.Г. Этнокультурологическое содержание слова «кунак» («гость») в башкирском языке // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. – Уфа, 2001. – С. 102, 103.

Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М., 1992. – С. 88.

Хайруллина Р.Х. Языковая картина мира в русской и башкирской фразеологии // Язык и культура: Учебное пособие по спецкурсу. – Уфа, 1995. – С.100, 101, 103, 105 – 107.

Хисамитдинова Ф.Г., Шарипова З.Я. Термины башкирской де-монологии // Советская тюркология. – 1987. – № 4. – С. 46 – 51.

Хусаинов Г.Б. Шежере как историко-литературный памятник // Башкирские шежере. – Уфа, 1995. – С. 3 – 23.

Шейман Л.А. Ориентация на этнокультуремы в процессе направленного развития иноязычной читательской зрелости // Творческое начало в деятельности высшей школы: Проблемы активизации: Тезисы докладов. – Фрунзе, 1988. – С. 161, 162.

Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 57.

III. Диссертации, авторефераты

Багаутдинова М.И. Этнографическая лексика башкирского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1997. – 24 с.

Борисова С.А. Онтологическая триада «пространство – человек – текст» как специфическая коммуникативная система (Психолингвофилософское исследование): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – С. 4.

Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2009. – 49 с.

Ишбулатова Х.Д. Бытовая лексика башкирского языка (семантика, структура, источники формирования): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 28 с.

Самситова Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 20 с.

Самситова Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 158 с.

Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2015. – 55 с.

Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2015. – 570 с.

Санлыер Д.Ф. Культурно-национальное мировидение через единицы фразеологического уровня (на материале татарской, турецкой и английской лингвокультур): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Чебоксары, 2008. – 49 с.

Сафина З.М. Когнитивно-лексикографическое описание фразеологических единиц со структурно-семантическим компонентом цвета (на материале английского, русского и башкирского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 24 с.

Саяхова Л.Г. Лингводидактические основы описания лексико-семантической системы русского языка и учебные словари для национальной школы: Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. – М., 1981. – 45 с.

IV. Словари

Аверинцев С.С. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.

Алтын кумта. Башкорт халык мәкәлдәре / Төз. Ф.А. Нәзершина. – Өфө: Китап, 1985. – 176 б.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 608 с.

Ахтямов М.Х. Обратный словарь башкирского языка. – Уфа, 1999. – 236 с.

Аюпова Л.Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи. – Уфа: БГУ, 1994. – 145 с.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Хозяйство, семья, общество. Власть, право, религия. – М.: Прогресс. Универс, 1995. – 453 с.

Башкортостан. Краткая энциклопедия / Гл. ред. Р.З. Шакуров; ред. кол. З.Г. Ураксин (пред.) и др. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 670 с.

Башкортса-инглизсә-русса мәғәнәләш мәкәлдәр һәм әйтеждәр һүзлегә / Төз. Ф.А. Нәзершина һ.б. – Өфө, 2002. – 159 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. I: (А хәрәфе); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2011. – 432 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. II: (Б хәрәфе); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2011. – 568 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. III: (В – И хәрәфтәре); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2012. – 864 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. IV: (Й – К хәрәфтәре); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2012. – 944 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. V: (К хәрәфе); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2013. – 888 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. VI: (Л – Ө хәрәфтәре); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2014. – 944 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. VII: (П – С хәрәфтәре); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2015. – 872 б.

Башкорт теленең академик һүзлеге. 10 томда. Т. VIII: (Т хәрәфе); ф.ф.д., проф. Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2016. – 832 б.

Башкорт теленең диалекттары һүзлеге / М.И. Дилмөхәмәтов һ.б. – Өфө, 2002. – 430 б.

Башкорт теленең һүзлеге. I том (А – М) / Агишев И.М. һ.б. / яу. мөх. Бишев Ә.Ф. һ.б. – М.: Русский язык, 1993. – 864 б.

Башкорт теленең һүзлеге. II том (Н – Я) / Агишев И.М. һ.б.; яу. мөх. Бишев Ә.Ф. һ.б. – М.: Русский язык, 1993. – 816 б.

Башкортса-русса һүзлек / Яу. ред. З.Г. Ураксин; Төз. И.М. Агишев һ.б. – М.: Дигора, Русск. яз., 1996. – 884 с.

Большой академический словарь русского языка в 17-ти томах. – М.; Л., 1950–1965.

Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. – М.: Центрполиграф, Полнос, 2003. – 816 с.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

Большой энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 863 с.

Большой энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 768 с.

Галин С.А. Народной мудрости источник. Толковый словарь башкирского фольклора. – Уфа, 2007. – 304 с.

Галин С.Э. Тел аскысы халыкта. Башкорт фольклоры: аңлатмалы һүзлек. – Өфө, 1999. – 328 б.

Гарипов Т.М. Семиречие Башкортостана: Семязычный словарь. – Уфа, 1998. – 92 с.

Гарипов Т.М. Историко-этимологический словарь башкирского языка. Вып. 1. – Уфа, 2007. – 140 с.; Вып. 2. – Уфа, 2009. – 27 с.

Гарипов И.М. Башкортса-русса мэкәлдәр һәм әйтемдәр һүзлеге. – Өфө, 1994. – 168 б.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современное написание. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 983 с.

Евсюкова Т.В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии. – Ростов-на-Дону: РГЭУ, 2001. – 168 с.

Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: INTRADA, 2001. – 416 с.

Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 200 с.

Ишбаев К.Ф., Ишкылдина З.К. Башкорт теленең һүзьяһалыш һүзлеге. – Өфө, 2005. – 552 б.

Камалов А.А., Ураксин З.Г., Хисматов Ф.Г., Шакуров Р.З. Топонимический словарь Башкортстана. – Уфа, 2002. – 256 с.

Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера говорить). – Уфа, 2000. – 172 с.

Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Миниянова И.М. Русско-башкирский функционально-когнитивный словарь (сфера двигаться). – Уфа, 2002. – 231 с.

Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Колоколова Л.П., Миргаязова Э.М., Юлдашева Д.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / Под общ. ред. Т.А. Кильдибековой. – СПб.: Политехника-сервис, 2011. – 664 с.

Кобякова Т.И. Концепты духовности в русской языковой картине мира (лингвокультурологический словарь) / Под ред. проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа, 2004. – 158 с.

Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по лингвокультурологии. – М.: Вече; АСТ, 2003. – 511 с.

Краткая литературная энциклопедия. Т. 6 / Гл. ред. А.А. Сурков. – М., 1971. – 227 с.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Т., Лузина Л.Г. Краткий словарь-когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 58, 59, 62, 93.

Культурология: XX век: словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 670 с.

Легостаев А.А., Логинов С.В. Фразеологический словарь русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 448 с.

Летягова Т.В., Романова Н.Н., Филиппов А.В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. – М.: Наука, 2005. – 464 с.

Летягова Т.В., Романова Н.Н., Филиппов А.В. Понятия духовной сферы: краткий словарь. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 160 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1985. – 384 с.

Муллагалиева Л.К. Реалии русской культуры. Лингвокультурологический словарь. – Уфа: БИРО, 2001. – 220 с.

Муллагалиева Л.К. Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации: Словарь: Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: Ладомир, 2006. – 234 с.

Муллагалиева Л.К., Саяхова Л.Г. Концепты «свой – чужой» в языковом сознании народов России: Словарь пословиц и поговорок. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 60 с.

Надришина Ф.А. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. – Уфа: Китап, 2008. – 196 с.

Надришина Ф.А., Зубаирова Э.М. Башкирско-англо-русский словарь адекватных пословиц и поговорок. – Уфа: Китап, 2002. – 160 с.

Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.

Нуриахметов Г.М., Хизбуллина Д.И. Башкирские, русские и английские пословицы и поговорки / Научн. ред. Р.Х. Халикова. – Уфа: Китап, 2002. – 96 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005. – 705 с.; 1996. – 928 с.; 1997. – 944 с.; 2003. – 944 с.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

Русский ассоциативный словарь: в 4 кн. Кн. 3, 4 / Сост. Ю.А. Караулов и др. – М., 1996. – 212 с.; 324 с.

Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.

Русско-башкирский словарь / Под ред. акад. АН РБ З.Г. Ураксина. Т. I. А – О. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 808 с.

Русско-башкирский словарь / Под ред. акад. АН РБ З.Г. Ураксина. Т. II. П – Я. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 680 с.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. Вып.1. – М.: Гнозис, 2004. – 315 с.

Рәймәғужина З.М. Башҡортса-урыйса-немецса мәкәлдәр һәм әйтемдәр һүзлегә. – Өфө, 1995. – 96 б.

Самситова Л.Х. Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка / Под ред. проф. М.В. Зайнуллина, проф. Л.Г. Саяховой. – Уфа: Китап, 1999. – 176 с.; 2006. – 216 с.

Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). Т. 1. – М.: Наука, 1974. – 767 с.; Т. 2. – 1978. – 349 с.; Т. 3. – 1980. – 395 с.; Т. 4. – 1989. – 292 с.

Сиразитдинов З.Ә. Башҡорт теленең йышлыҡ һүзлегә. Т. 1. (Фәнни эзәбиәт буйынса). – Өфө, 1997. – 328 с.

Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной и др. – М.: Эллис-Лак, 1995. – 416 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Лентьева. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.

Словарь иностранных слов. – М., 1979. – 242 с.

Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. – 240 с.

Словарь современных понятий и терминов / Сост. Н.Т. Бунимович и др. – М.: Республика, 2002. – 527 с.

Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 2000. – 742 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 1997. – 824 с.; 2001. – 990 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. 2-е изд.– М.: Языки русской культуры, 2000. – 896 с.; 2004. – 991 с.

Сәмситова Л.Х. Башкорт тел картинаһында мәзәниәт концепттары: Лингвокультурологик һүзлек / Ғилми мөх. проф. М.В. Зәйнуллин. – Өфө: Китап, 2010. – 164 б.

Сәмситова Л.Х., Ижбаева Г.Р., Әхмәтшина Г.С., Байназарова Г.М., Килмәкова Ә.Н., Таибулатова Р.М. Башкорт фольклоры концептосфераһы: Лингвокультурологик һүзлек. – Өфө: Китап, 2013. – 492 б.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. – Фрунзе, 1975. – С. 56.

Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Комплексный функционально-когнитивный словарь. – Уфа, 1998. – С. 3.

Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Русский язык, 1989. – 404 с.

Ураксин З.Г. Краткий русско-башкирский словарь. – Уфа, 1994. – 311 с.

Ураксин З.Ф. Башкорт теленен синонимдар һүзлеге / Т.М. Ғарипов ред. – Өфө: Китап, 2000. – 208 б.

Ураксин З.Ф. Башкорт теленен фразеологик һүзлеге. – Өфө, 2006. – 342 б.

Усманова М.Г. Башкирско-русский словарь синонимов. – Уфа, 2010. – 174 с.

Ушакова О.Д. Афоризмы и крылатые выражения. – СПб.: Литера, 2005. – 64 с.

Философия: энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА, 2000. – 575 с.

Энциклопедический словарь по культурологии / Под общ. ред. проф. А.А. Радугина. – М: Центр, 1997. – 477 с.

Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорт мифологияһы: Белешмә-һүзлек. – Өфө: Ғилем, 2002. – 126 б.

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 456 с.

Библиография

Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Вып. 1. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 164 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Вып. 2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 152 с.

Газыева Р.Н. Башкорт теленен этнолингвистика һүзлеге / Яу. мөх. З.Ф. Ураксин. – Өфө: Китап, 2002. – 176 б.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизов в русском языке. – Алма-Ата, 1976. – 444 с.

Әхтәмов М.Х. Әсә: Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Һүзлек. – Өфө: Китап, 2002. – 104 б.

Әхтәмов М.Х. Омонимдар (азаш һүзәр) һүзлеге. – Өфө: Китап, 2006. – 384 б.

Әхтәмов М.Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. – Өфө: Китап, 2008. – 776 б.

Әхтәмов М.Х. Башкорт теленен антонимдар һүзлеге. 3-сө басма, тулыландырылган. – Өфө: Китап, 2009. – 352 б.

Энциклопедия «Русский язык» / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997. – С. 652.

Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I ГЛАВА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКА	5
§1. Лингвокультурология как новая отрасль языкознания	5
§2. Лингвострановедческая теория слова как основа описания национально-культурного компонента значения слов	16
§3. Новые подходы к слову как концепту культуры	23
§4. Изучение нелексических значений слов в башкирской лингвистике	40
II ГЛАВА. ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ В НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	45
§1. Безэквивалентная лексика (общее понятие).....	45
§2. Коннотативная лексика	49
§3. Фоновая лексика	54
3.1. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения.....	54
3.2. Классификация фоновой и безэквивалентной лексики.....	60
§4. Ассоциативный эксперимент как способ выявления лексикона личности (на материале башкирского и русского языков)	63
III ГЛАВА. БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ	83
§1. Опыт изучения безэквивалентной лексики в лингвистике	83
§2. Изучение безэквивалентной лексики в башкирском языкознании.....	90
§3. Безэквивалентная лексика башкирского языка на уровне реалий.....	94
§4. Безэквивалентность на уровне понятийного содержания слова (понятийные лакуны)	100

§5. Лексикографическое описание безэквивалентной лексики башкирского языка	108
5.1. Башкирская лексикография: история и современность (предпосылки создания лингвокультурологических словарей).....	108
5.2. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка.....	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
БИБЛИОГРАФИЯ	139

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Самситова Луиза Хамзиновна

**БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

Редактор *Л. Д. Петрова*

Компьютерная верстка *Е. Т. Хомяковой*

Подписано в печать 26.11.2018 г. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офисная «Снегурочка».

Гарнитура «TimesNewRoman». Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 8,66.

Тираж 100 экз. Заказ № 15.

ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия».

450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72.

<http://www.bashenc.ru>

E-mail: gilem@bashenc.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Информационно-просветительский центр “Башакадемкнига”».

450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55